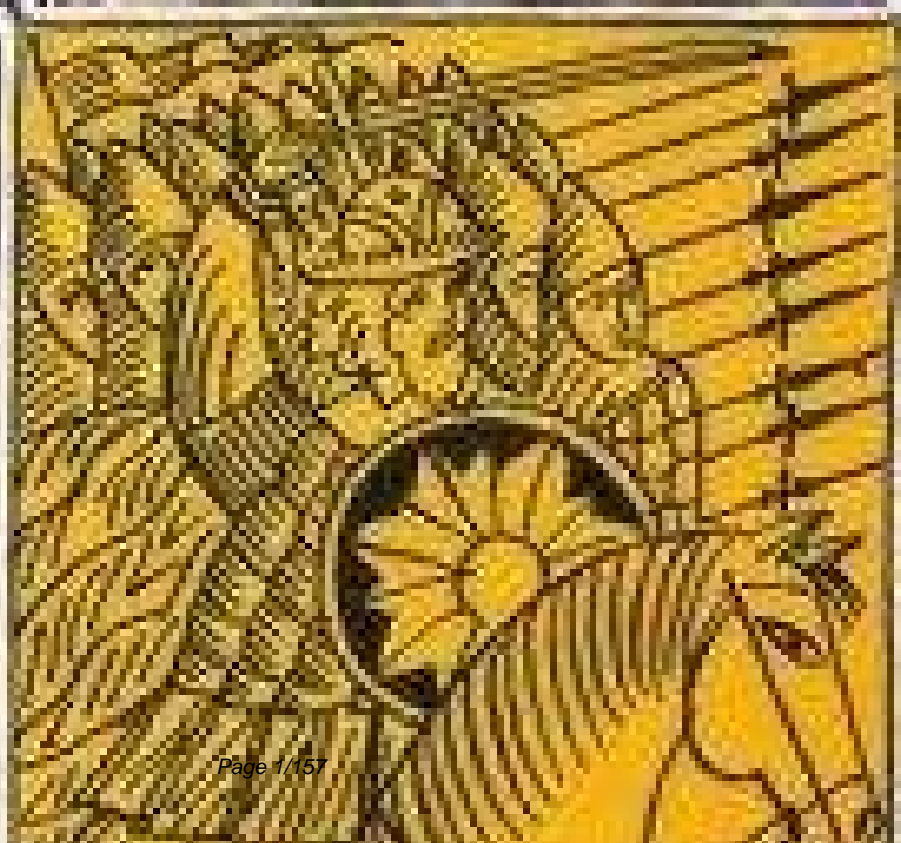

О. В. ТЕОРОГОВ

ДРЕВНЯЯ

Русь

События
и люди

Творогов Олег Викторович

Древняя Русь. События и люди

Памяти Александра Александровича ЗИМИНА посвящаю.

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга не для историков. Она обращена к тем, кто интересуется историей своей страны и своего народа, стремится расширить скудные сведения, вынесенные из средней школы.

Мысль о написании этой книги возникла в те годы, когда широко обсуждался вопрос о необходимости увеличения тиражей на издание сочинений Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Желание иметь у себя на полке труды выдающихся историков было совершенно понятно, хотя и несколько наивно: как бы ни относились мы к подвижническому труду Н. М. Карамзина, его «История» все же очень устарела, и не только по концепции, но и по содержащемуся в ней фактическому материалу. А знаменитый С. М. Соловьев, признаемся откровенно, очень труден для непрофессионала. И тем не менее разгоревшиеся страсти свидетельствовали о неуклонно возрастающем в обществе интересе к своей истории.

Правда, в последние десятилетия вышло немало книг, которые с интересом и огромной пользой могут быть прочитаны самым широким кругом читателей: это книги В. И. Буганова, И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шамагонова, А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич, В. В. Каргалова, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакова, Р. Г. Скрынникова. Но мало кто может похвастаться полным их комплектом в своей домашней библиотеке. К тому же эти книги и в сумме своей не охватывают всей истории Древней Руси.

Вот почему мне захотелось изложить именно всю политическую историю Руси—России за девять веков, сочетая неизбежную лаконичность с возможно большей насыщенностью фактическим материалом. Была избрана непривычная в наше время форма изложения: оно ведется не по темам и проблемам, а следует за хронологией описываемых событий. Оправдывает ли себя эта форма — судить читателю.

Какие же цели ставит перед собой эта книга?

Во-первых, как уже сказано, она содержит изложение политической истории Руси с XI в. до смерти царя Алексея Михайловича.

В центре внимания — события и люди. Автор стремился не задерживаться на общеизвестном, а, напротив, упомянуть возможно больше заслуживающих внимания исторических фактов, назвать и представить читателю как можно больше деятелей отечественной истории, словом, стремился показать всю сложность нашей политической истории, избегая прямолинейных оценок и штампов.

Во-вторых, мне хотелось бы, чтобы читатель смог ощутить свою «территориальную причастность» к истории. Пусть не только москвич или новгородец, киевлянин или тверич, но и житель не обласканного славой небольшого городка найдет здесь упоминание событий, происходивших в далеком прошлом на его «малой родине».

Читатель найдет здесь много нового материала, обычно не находящего себе места в школьных и вузовских учебниках. Чтобы легче было ориентироваться среди сотен малознакомых имен, книгу сопровождают генеалогические таблицы, а по именному и географическому указателям вы сможете быстро навести справку об интересующем вас имени или географическом названии. Карты «Города Южной Руси (XII в.)» и «Города Московской Руси в XV—XVI вв. (центр страны)» позволят читателю перенестись в ту систему географических координат, в которой жили наши предки; найти те небольшие городки и селения, вокруг которых кипели политические страсти в те далекие века: Галич и Углич, Торжок и Старицу, Микулин и Александрову слободу. На картах отсутствуют границы уделов и княжеств, они как бы вневременные, их задача — помочь вам привязать к местности события русской истории на всем ее протяжении от образования государства до конца XVII в.

Эта книга может стать первой ступенькой на вашем пути к углубленному познанию истории Отечества. Поэтому автор отсылает вас к источникам и исследованиям, ориентируясь на книги и издания последних десятилетий, которые могут быть доступны любому читателю.

Если эта книга пополнит ваши сведения об отечественной истории или пробудит интерес к ней, значит, она выполнила свою скромную задачу.

НАЧАЛО РУСИ

Эта книга посвящена политической истории Древнерусского государства, и поэтому мы не касаемся сложного вопроса о происхождении восточных славян, не приводим гипотез о районе их первоначального обитания — об их «прародине», не рассматриваем взаимоотношений славян с их соседями, словом, не касаемся предыстории Руси. Это особая область знания — удел археологов, историков языка, этнографов.[1]

Непосредственно перед возникновением Древнерусского государства — в IX веке — на Восточно-европейской равнине обитали по преимуществу славянские, балтийские и финно-угорские племена. Земли славянского племени полян находились в среднем течении Днепра, в районе современного Киева. К востоку и к северо-востоку от полян (от современного Новгорода-Северского до Курска) обитали северяне, к западу от Киева — древляне, а западнее их — воляняне (дулебы). На юге современной Белоруссии жили дреговичи, в округе Полоцка и Смоленска — кривичи, между Днепром и Сожью — радимичи, в верховьях Оки — вятичи, в области, окружавшей озеро Ильмень, — словене. К финно-угорским племенам относилась чудь, обитавшая на территории современной Эстонии и прилегавших к ней районов; восточнее, подле озера Белого, жила весь (предки вепсов), а далее, к юго-востоку, между Клязьмой и Волгой, — меря, в низовьях Оки — мурома, южнее от нее — мордва. Балтийские племена — ятвяги, ливы, жмудь — населяли территорию современных Латвии, Литвы и северо-восточные районы Белоруссии. Причерноморские степи являлись местом кочевий печенегов, а затем половцев. В VIII—XI вв. от Северского Донца до Волги, а на юге вплоть до Кавказского хребта простиралась территория могущественного Хазарского каганата.

Все эти сведения содержатся в ценнейшем источнике по древнейшей истории Руси — «Повести временных лет».[2] Но нужно учитывать, что «Повесть» была создана в начале XII в., а предшествующие ей летописные своды (Свод Никона и Начальный свод) — в 70-х и 90-х гг. XI в. Предположения о более древних летописях не могут быть надежно обоснованы, и нам приходится допускать, что летописцы второй половины XI—XII в. опирались во многом на устные предания о событиях, происходивших за сто пятьдесят—двести лет до них. Вот почему в изложении истории IX и X вв. многое спорно и легендарно, а точные даты, к которым приурочены те или иные события, по-видимому, проставлены летописцем на основании каких-то, возможно, не всегда точных выкладок и расчетов. Сказанное касается и первой даты, упомянутой в «Повести временных лет», — 852 г.

852 — В этом году, сообщает летописец, начала «прозываться» Русская земля, так как именно в этом году начал царствовать византийский император Михаил, а при нем «приходила Русь на Константинополь». Кроме фактической неточности (Михаил III правил с 842 по 867 г.) в сообщении явно ощущается след какого-то предания: не могли в Византии узнать о существовании Руси только после нападения русичей на ее столицу — отношения империи с восточными славянами начались задолго до этого. Видимо, этот поход — первое событие, которое летописец попытался соотнести с христианским летоисчислением, о более ранних контактах русов с Византией сохранились лишь очень неясные сообщения: в конце VIII—первой четверти IX в. русы напали на Сурож — византийскую колонию в Крыму; между 825 и 842 гг. флот русов опустошил Амастриду — город в византийской провинции Пафлагонии, на северо-западе полуострова Малая Азия; в 838—839 гг. послы русов, возвращавшиеся из Константинополя, оказались проездом в Ингельгейме — резиденции императора Людовика Благочестивого.[3]

860 — В 860 г. (а не в 866 г., как утверждала «Повесть временных лет») русский флот подступил к стенам Константинополя. Поздняя историческая традиция называет предводителями похода киевских князей Аскольда и Дира. Узнав о нападении Руси, император Михаил вернулся в столицу из похода против арабов. К Константинополю подступило до двух сотен русских ладей. Но столица была спасена. Согласно одной версии молитвы греков услышала Богородица, почитаемая как покровительница города; она ниспослала бурю, которая разметала русские корабли. Часть их была выброшена на берег или погибла, остальные возвратились восвояси. Именно эту версию отразила русская летопись. Но в византийских источниках известна и другая версия: русский флот покинул окрестности столицы без боя. Можно предположить, что византийцы сумели откупиться от нападающих.

862 — Летопись утверждает, что в этом году племена, обитавшие на севере русской равнины, — чудь, словене, кривичи и весь — призвали из-за моря варягов (шведов) во главе с князем Рюриком и его братьями Синеусом и Трувором, пригласив княжить у них. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», — будто бы сказали варягам посланные к ним. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус в Белоозере, Трувор в Изборске, т. е. в городах-центрах пригласивших их племен. В приведенной легенде многое спорно, многое наивно, но она была использована учеными-норманистами для утверждения, что пришельцами-варягами и было создано Русское государство. В действительности же речь могла идти лишь о приглашении наемных дружин во главе с их предводителями. Русское государство возникло самостоятельно как результат внутреннего развития славянских племен.[4]

879 — Умер Рюрик, передав, согласно ПВЛ, княжение своему родственнику — Олегу — по причине малолетства Игоря. Но это летописное сообщение крайне сомнительно: приняв его, трудно объяснить, почему же «регентство» Олега растянулось на три с лишним десятилетия. Характерно, что в Новгородской первой летописи в отличие от ПВЛ Олег вовсе не князь, а воевода Игоря. Поэтому вероятнее всего, что прямые родственные связи Рюрика и Игоря — историографическая легенда; речь идет о трех сменявших друг друга у кормила власти вполне самостоятельных князьях.

882 — Олег двинулся из Новгорода на юг: он посадил своих наместников в Смоленске и Любече (городе на Днепре, к западу от Чернигова), а затем подошел к Киеву, где, согласно летописи, княжили Аскольд и Дир. Спрятав воинов в лодках, Олег представился купцом, а когда Аскольд и Дир вышли к нему из города, приказал убить их.

883 — Олег отправился на древлян и принудил их платить дань Киеву.

884 — Олег обложил данью северян, а в 886 г. — радимичей.

907 — Олег отправился в поход на Византию на 2000 кораблей. Он подступил к стенам Константинополя, получил у византийских императоров Льва VI и Александра значительный, как утверждает летопись, выкуп и возвратился в Киев.

912 — Олег заключил договор с Византией, в котором были оговорены условия торговли, статус русских, находящихся в Византии на службе, выкуп пленных и т. д.

В том же году Олег умирает. Летописец предлагает две версии; согласно одной Олег умер от укуса змеи и был похоронен в Киеве, согласно другой змея ужалила его, когда он собирался уехать (или идти походом) «за море»; похоронен он в Ладоге (ныне г. Старая Ладога). Киевским князем становится Игорь.

915 — Впервые в окрестностях Руси появляются печенеги — кочевая народность тюркского происхождения.

941 — Поход Игоря на Византию. Русичам удалось подвергнуть разорению Вифинию, Пафлагонию и Никомидию (византийские провинции на севере полуострова Малая Азия), но, потерпев поражение в битве с подоспевшими византийскими войсками, русские погрузились в свои ладьи и здесь на море понесли большой урон от «греческого огня» — огнеметов, которыми были снабжены византийские корабли. Вернувшись на Русь, Игорь стал готовиться к новому походу.

944 — Новый поход Игоря на Византию. Не дойдя до Константинополя, Игорь получил от византийских послов богатый выкуп и возвратился в Киев.

945 — Византийские императоры-соправители Роман, Константин VII и Стефан прислали к Игорю послов с предложением заключить мирный договор. Игорь послал в Константинополь своих послов, договор был заключен и скреплен клятвами императоров и русских князей по христианскому и языческому обрядам.

В этом же году Игорь был убит в Древлянской земле. Летопись рассказывает, что, собрав дань с древлян, Игорь отослал в Киев большую часть дружины, а сам решил «походить еще», «желая большего имения». Услышав об этом, древляне решили: «Если повадится волк в овечье стадо, то переносит все стадо, если не убьют его, так и этот; если не убьем его, то всех нас погубит». Они напали на Игоря и убили.

Вдова Игоря Ольга жестоко отомстила за смерть мужа. По преданию, она приказала бросить в яму и засыпать живыми древлянских послов, пришедших с предложением выйти замуж за их князя, других послов сожгли в бане, куда их пригласили помыться, а затем, придя с дружиной в Древлянскую землю, Ольга приказала перебить древлянских воинов во время тризны по мужу. Однако этот рассказ носит черты легенды, так как имеет аналогию в языческом погребальном ритуале: в ладьях хоронили, для покойников, по языческому обряду, топили баню, тризна — неперенный элемент похоронного обряда.

Именно в «Повести временных лет» в отличие от предшествующего ей Начального летописного свода добавлен рассказ о четвертой мести Ольги; она сжигает столицу древлян Искоростень. Собрав в виде дани голубей и воробьев, Ольга приказала привязать к лапкам птиц зажженный трут и отпустить их. Голуби и воробьи полетели к своим гнездам, «и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, ибо все дворы загорелись», утверждает летописец.[5]

946 — Ольга совершает поездку в Константинополь, и дважды — 9 сентября и 18 октября — она была с почетом принята императором Константином Багрянородным.

955 — Ольга посещает Константинополь второй раз и принимает христианство. В летописи оба путешествия слиты в одно, ошибочно датированное 957 г.[6]

964 — Сын и преемник Игоря князь Святослав совершает поход в землю вятичей и освобождает их от дани хазарам. Через год Святослав вновь идет на вятичей и принуждает их платить дань Киеву.

965 — Летопись скупо упоминает о походе Святослава на хазар, о победе его над хазарским правителем-каганом. Из других источников известно, что Святослав, одолев волжских болгар, спустился по Волге к Итилю — столице каганата, расположенной в дельте Волги. Взяв Итиль, Святослав двинулся к Семендеру (городу, находившемуся в районе Махачкалы), прошел через Кубань до побережья Азовского моря, оттуда на ладьях поднялся по Дону до Саркела, захватил эту крепость и на ее месте основал крепость Белую Вежу.[7]

968 — По просьбе византийского императора Никифора Фоки, подкрепленной щедрой выплатой золота, Святослав вторгается в Дунайскую Болгарию и захватывает столицу

Болгарии Преслав.

Пользуясь отсутствием Святослава, на Киев, где находилась престарелая Ольга с внуками, нападают печенеги. Только благодаря смекалке воеводы Претича, пришедшего на помощь киевлянам по левому берегу Днепра и выдавшего себя за воеводу передового полка Святослава, удалось не допустить захвата Киева печенегами.

969 — Умирает княгиня Ольга.

970 — Святослав сажает в Киеве своего сына Ярополка. Другого сына — Олега — он ставит древлянским князем, третьего — Владимира (сына Святослава от ключницы княгини Ольги — Малуши) — отправляет княжить в Новгород. Княжича сопровождает брат Малуши Добрыня, это историческое лицо становится известнейшим персонажем русских былин. В том же году Святослав нападает на византийскую провинцию Фракию, доходит до Аркадиополя.

971 — Византийский император Иоанн Цимисхий нападает на Святослава, находившегося в Доростоле (на Дунае). После трехмесячной осады греки вынудили Святослава принять бой под стенами крепости. Согласно летописи, именно в этой битве Святослав произнес свою ставшую крылатой фразу; «Не посрамим земли русской, но ляжем костями, ибо мертвые срама не имеют». Греки с трудом одолели Святослава и поспешили предложить ему мир.[8]

972 — Святослав, возвращавшийся на Русь, был убит печенегами у Днепровских порогов. Из его черепа печенежский князь сделал чашу.

977 — Ярополк убивает своего брата Олега.

РАСЦВЕТ КИЕВСКОЙ РУСИ

978 (?) — Владимир Святославич из Новгорода отправляется в Полоцк. Он хотел взять в жены дочь полоцкого князя Рогволода Рогнеду, однако Рогнеда, рассчитывавшая на брак с Ярополком, отказала Владимиру, с уничижением отозвавшись о сыне рабыни (см. 970 г.). Тогда Владимир убивает Рогволода и братьев Рогнеды, а ее силой берет в жены.

980 — Владимир нападает на Ярополка, вынуждает его бежать из Киева в город Роден, а там воевода Ярополка Блуд, обманывая своего князя, убеждает его прийти к Владимиру с миром. Ярополка в дверях княжеских палат встречают воины-варяги и пронзают мечами. Киевским князем становится Владимир.

981 — В годы своего княжения Владимир осуществляет успешные походы против поляков и прусского племени ятвягов, подчиняет себе радимичей.

988 — По просьбе византийских императоров Василия II и Константина VIII Владимир посылает им шеститысячный корпус воинов, с помощью которого императоры наносят поражение в битвах при Хрисополе и Авидосе мятежному полководцу Варде Склиру. По условиям соглашения императоры должны были отдать Владимиру в жены свою сестру Анну, а он — креститься.

989 — Императоры медлят с выполнением обещаний (хотя Владимир, как полагают, уже тайно крестился), тогда князь осаждает и захватывает византийскую крепость в Крыму — Херсонес.

990 — Анна прибывает на Русь и вступает в брак с Владимиром. Владимир повелевает крестить киевлян. За этим следует обращение в христианство и других жителей Руси, растянувшееся, однако, на многие десятилетия.[9]

1015 — Владимир умирает. Его княжение отмечено не только важнейшим событием в жизни Руси — провозглашением христианства государственной религией и началом христианизации страны, — но и значительным возрастанием ее международного авторитета. Владимир успешно борется с нападениями печенегов, создает на рубежах Киевской земли ряд городов-крепостей: при нем построены Белгород, города-крепости на берегах рек Десны, Остера, Трубежа, Сулы, Стугны. К концу его княжения стольными городами его сыновей являются Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром и даже далекая Тмутарокань.

С именем Владимира народная память связывала время величия Древней Руси, именно он часто выступает в былинах как мудрый и щедрый князь. Со временем его княжения связаны и народные легенды, вошедшие в состав «Повести временных лет»: о юноше, сыне кожевенника, одолевшем печенежского богатыря (в летописи мод 992 г.), или о старце, благодаря мудрости которого был спасен осажденный печенегами Белгород (под 997 г.).

После смерти Владимира между его сыновьями начинается распря (генеалогию князей см. в табл. 1). Согласно летописной версии, Святополк — сын убитого Владимиром Ярополка — коварно убил своих сводных братьев — князей Бориса, Глеба и Святослава. Смерть Бориса и Глеба, объявленных впоследствии святыми, описана в посвященных им житийных сказаниях. [10]

Сын Владимира Ярослав, княживший в Новгороде, вступил в конфликт с горожанами, перебившими княжеских наемников — варягов. Однако, узнав о действиях Святополка, Ярослав поспешил примириться с новгородцами и отправился в поход против захватившего киевский стол князя.

1016 — Войска братьев-соперников остановились на противоположных берегах Днепра. В жестокой битве воинам Ярослава удалось победить; Святополк бежал в Польшу, а Ярослав вступил в Киев.

1018 — Святополк вернулся на Русь с войсками своего тестя, польского короля Болеслава

Храброго. В битве на реке Буг Ярослав был побежден и лишь с четырьмя соратниками бежал в Новгород. Святополк с Болеславом вступили в Киев. Болеслав вскоре ушел из Киева, увезя с собой богатую добычу и уводя множество пленных.

1019 — В битве на реке Альте Ярослав нанес поражение Святополку. Побежденный бежал и, если верить летописцу, одержимый манией преследования и разбитый параличом умер где-то в неведомом месте между Чехией и Польшей. Ярослав вновь сел на киевский стол.

1024 — Брат Ярослава тмутороканский князь Мстислав одолевает в единоборстве Редедю — князя касогов (касоги — предки современных осетин).

В том же году была битва у Лиственя между Ярославом и Мстиславом. Наемная варяжская дружина Ярослава, возглавлявшаяся Якуном, была разбита; Ярослав бежал в Новгород. Но Мстислав предложил брату мир, и два года спустя они поделили между собой Русскую землю: Ярославу достался Новгород и Правобережье Днепра, Мстиславу — Левобережье Днепра и Тмуторокань.

1030 — Ярослав основал на земле чуди город Юрьев (ныне Тарту).

1036 — Мстислав, разболевшийся во время охоты, умирает. Ярослав становится единовластным правителем Руси. В том же году печенеги пришли на Киев, но были разбиты. С этой поры они больше не нападают на Русь.

1043 — Поход Владимира, сына Ярослава, на Византию. Согласно византийским источникам, русские дошли до Мраморного моря. Однако флот их пострадал от бури и от «греческого огня» (см. 941 г.). Около 6 тысяч русских воинов высадились на берег и под предводительством воеводы Вышаты отправились на Русь, однако у Варны они были взяты в плен, причем часть пленных была искалечена: одних ослепили, другим отрубили правую руку. В 1046 г. с Византией был заключен мирный договор, скрепленный браком дочери императора Константина Мономаха и сына Ярослава — Всеволода.

1051 — Ярослав, желая укрепить автономию русской церкви, вопреки традиции ставит митрополитом не грека, а «русина» Илариона (автора знаменитого церковно-политического трактата «Слово о Законе и Благодати»).[11]

1054 — Умирает князь Ярослав, получивший в исторической традиции прозвание Мудрый. С его именем связано дальнейшее укрепление могущества и авторитета Руси, о чем свидетельствуют династические связи русских князей с правителями различных европейских стран. Сам Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. Сын Ярослава Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского короля Мешко II, другой сын — Святослав — на Оде, дочери немецкого графа, третий — Всеволод — на Марии, дочери византийского императора Константина Мономаха. Дочери Ярослава стали королевами: Анастасия — венгерской, Елизавета — норвежской, а затем датской, Анна — французской (с

1051 по 1060 г.), затем, овдовевшая, она была похищена графом Раулем де Крепи и де Валуа, женой которого оставалась до его смерти.[12]

При Ярославе значительно вырос и укрепился Киев: создаются новые оборонительные укрепления со знаменитыми «Золотыми Воротами». Ярославов город (т. е. обнесенная стенами часть Киева) по территории значительно превосходит старый «город Владимира». Завершается строительство Софийского собора — крупнейшего и богатейшего собора Киевской Руси, строятся и другие киевские храмы. Интенсивно развивается древнерусская книжность.[13] По словам летописца, сам князь «к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг».[14] При Ярославе был составлен свод законов «Русская правда»; тогда же, как полагает большинство ученых, начинается систематическое ведение летописи. Летописным центром становится созданный (видимо, в 1051 г.) Киево-Печерский монастырь.

Перед смертью Ярослав завещал своим сыновьям жить в мире и подчиняться старшему из братьев, которому должен принадлежать киевский княжеский стол. Киевским князем стал Изяслав Ярославич, его брату Святославу достался Чернигов, Всеволоду — Переяславль Южный, Вячеславу — Смоленск, Игорю — Владимир (на Волыни). Этим было закреплено начатое еще Владимиром разделение Руси на несколько княжеств, и власть киевского князя над всей Русью с течением времени становится все более номинальной.[15]

1061 — В этом году совершен первый набег на Русь кочевого тюркского народа — половцев. [16] Пять лет перед тем половецкий хан Болуш уже приходил к русским владениям, но тогда дело кончилось миром. На этот раз половцы одолели в бою выступившего им навстречу Всеволода Ярославича.

1067 — Начались междоусобные войны между полоцким князем Всеславом Брючиславичем (правнуком Владимира Святославича) и братьями Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом. Всеслав захватил Новгород, но был разбит Ярославичами на речке Немиге (по мнению многих ученых, эта речка протекала на территории современного Минска). Затем Всеслав, пришедший к победителям для переговоров, был обманом заключен под стражу и с двумя сыновьями посажен в темницу («поруб») в Киеве.

1068 — Половцы победили объединенные силы трех Ярославичей в битве на реке Альте (притоке р. Трубеж). Русские города и села подверглись разграблению, на чужбину потянулись вереницы пленников. Изяслав и Всеволод бежали в Киев. Киевляне потребовали от Изяслава оружия и коней, чтобы выйти на бой с половцами. Когда он отказал, в городе началось восстание. Восставшие освободили из темницы Всеслава и провозгласили его князем.[17] Изяслав бежал в Польшу. Тем временем половцы потерпели поражение под Сновском от черниговского князя Святослава.

1069 — Изяслав с племянником своей жены польским королем Болеславом Смелым (1058—1079) возвратился в Киев. Его сын Мстислав жестоко расправился с предводителями восстания. Всеслав, бросив на произвол судьбы своих соратников, бежал в Полоцк.

1073 — Святослав и Всеволод выступают против своего брата — киевского князя Изяслава. Изяслав бежит в Польшу, а великим князем киевским становится Святослав. Для него переписывается роскошный сборник поучений, так называемый Изборник Святослава — одна из старейших древнерусских рукописей.[18]

1076 — Святослав умирает после операции (удаления желвака), и киевским князем становится Всеволод Ярославич (род. в 1030 г.), женатый, как говорилось выше, на дочери византийского императора. Всеволод отличался образованностью: по словам его сына, он знал пять языков.[19]

1077 — На Волыни между Изяславом, направлявшимся на Русь с польскими отрядами, и Всеволодом заключен мир. Изяслав вновь стал киевским князем, а Всеволод удалился в Чернигов.

1078 — Олег Святославич («Слово о полку Игореве» называет его Олегом Гориславичем) и Борис Вячеславич (сын Вячеслава Ярославича) привели на Русь половецкие отряды. Всеволод потерпел поражение, Олег и Борис вступили в Чернигов, «...земле Русской ... великое зло причинили, пролив кровь христианскую», [20] — скажет об этом летописец. Всеволод, помирившись с Изяславом, выступил навстречу Олегу и Борису. Олег согласился было пойти на перемирие, но Борис настоял на битве. Она произошла близ Чернигова, на «Нежатиной ниве». Битва была жестокой: был убит Борис, а Изяслава, находившегося в рядах пеших воинов, кто-то, подъехав сзади, смертельно ранил копьем в плечо. Олег, потерпевший поражение, бежал в Тмуторокань; Изяслава же отвез в Киев его сын Ярополк. Киевским князем стал Всеволод, а его сын Владимир (прозванный по матери Мономахом) стал княжить в Чернигове.

1079 — Продолжаются набеги половцев. Олега Святославича захватили (возможно, по наущению Всеволода) хазары и отправили в Византию. Там он жил на острове Родос, женился на знатной гречанке Феофании Музалон, а в 1083 г. вновь вернулся на Русь, захватив отдаленную Тмуторокань.

1086 — В пути был убит неким Нерадцом князь Ярополк Изяславич.

1093 — Умирает Всеволод Ярославич. Сын его Владимир Мономах размышляет: если он займет киевский престол — не миновать распри со Святополком Изяславичем. Он уступает ему (как сыну старшего из Ярославичей) престол, а сам остается княжить в Чернигове. Этот год был трагичен для Руси: снова напали половцы, а князя вместо того, чтобы совместно дать им отпор, «затеяли распри и ссоры» и лишь потом выступили навстречу неприятелю. Когда русичи дошли до берега речки Стугны (притока Днепра), Владимир Мономах советовал остаться на ее северном берегу, но киевляне настояли на переправе. В битве русские потерпели поражение и отступили. При переправе через разлившуюся от весеннего половодья Стугну на глазах Владимира утонул его младший брат Ростислав.

Половцы же продолжали разорять Русскую землю, и эту народную трагедию с горечью

описывает летописец: пленники — голодные, страдающие от жажды, босые, раздетые, измученные дорогой, — со слезами вспоминали о городах и селах, откуда их угоняли на чужбину.

1094 — События этого года демонстрируют сложность и противоречивость русско-половецких отношений: великий князь киевский Святополк Изяславич женится на дочери хана Тугоркана (хан будет убит в следующем году во время очередного половецкого набега на Русь), а Олег Святославич Тмутороканский уже в третий раз приходит на Русь с половецкими отрядами. Он осадил Чернигов, который вынужден был уступить ему Владимир Мономах; половцы бесчинствуют в Черниговской земле: «...много христиан изгублено бысть, а друзии полонени и расточени {рассеяны} по {разным} землям», — сообщает летописец.[21] В этот год впервые на Русь обрушилось новое бедствие — нашествие саранчи.

1096 — Половецкий хан Боняк едва не ворвался в Киев. Был разграблен и частично разрушен Киево-Печерский монастырь.

1097 — Олег Святославич направился в Муром, принадлежавший Святославичам, но захваченный Изяславом — сыном Владимира Мономаха. В битве под стенами города Изяслав был убит. Опечаленный Владимир все же пишет Олегу примирительное письмо; он знает, что его сын захватил чужую волость. Об одном просит Олега Мономах: отпустить к нему вдову убитого, чтобы — пишет он, — «я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их ... Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горяя, а сам бы я утешился в Боге».[22]

Однако Олег, отвоевав Муром, не успокоился: он захватывает Суздаль и Ростов. Только после того как сын Мономаха новгородский князь Мстислав вместе с братом своим Вячеславом разгромил Олега под Суздалем на реке Колокше, воинственный князь согласился замирииться со своими двоюродными братьями.

В том же году в Любече (вероятнее всего, это селение на левом берегу Днепра, напротив Киева) собрались на съезд («снем») русские князья: киевский князь Святополк, Владимир Мономах из Переяславля Южного, Давыд, сын Игоря Ярославича, правнуки Ярослава Мудрого Василько Ростиславич и два Святославича — Олег и Давыд (разобраться в родственных отношениях князей поможет табл. 2). Летописец так изложил основную мысль «снама»: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой заводя распри? А половцы раздирают нашу землю и радуются, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем беречь землю Русскую, и пусть каждый владеет отчиной своей...» [23] И установили: в Киеве сидит Святополк, в Переяславле — Владимир, во Владимире Волынском, Перемышле и Теребовле — Давыд Игоревич и братья Ростиславичи — Василько и Володарь, а в «отчине» Святослава — Олег, Давыд и Ярослав.

Но не суждено было установиться согласию в Русской земле. Когда Василько Ростиславич возвращался из Любеча, его пригласили в Киев Святополк и Давыд Игоревич, по клеветническому обвинению заточили и жестоко расправились с ним — ослепили. Такой расправы (характерной, впрочем, для Византии того времени) не было на Руси: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла», «нож в нас брошен», — воскликнул, узнав об этом, Владимир Мономах.[24] Именно жестокость расправы над Васильком побудила летописца, обычно скупого на подробности, включить в свой текст обстоятельный рассказ некоего Василия о том, как ничего не подозревавшего Василька приводят в избушку, где он сел беседовать с Святополком и Давыдом; как вышел затем

Святополк, а оставшийся Давыд сидел, словно немой, ибо «коварный замысел держал в сердце»; как после ухода Давыда в избу врываются слуги и оковывают Василька в «двойные оковы». На другой день князья приказывают ослепить Василька. И снова подробности: отчаянно сопротивляющегося князя опрокидывают навзничь, прижимают ему грудь доской, так что трещат ребра, пастух Беренди с первого удара промахнулся и порезал ножом Васильку лицо, а затем еще ударил и вырвал глаз, а потом и второй... Расправа над Васильком явилась причиной почти трехлетней междоусобицы. Лишь в 1100 г. был заключен мир: Васильку вернули принадлежавшую ему волость, а зачинщик расправы — Давыд — был лишен своего стольного города Владимира и вынужден был довольствоваться Бужским острогом.

1103 — Этот год отмечен успешным походом Святополка Киевского, Владимира Мономаха и других русских князей (только Олег Святославич отказался, сославшись на болезнь) на половцев. В битве на Сутени (как полагают, на р. Молочной — к югу от Запорожья) погибли двадцать половецких ханов. Русские воины с богатой добычей — скотом, конями, верблюдами и пленниками — возвратились домой.

1107 — Набег хана Боняка на Переяславль. Однако объединенные силы семи русских князей разбили половцев за Сулой, половецкий хан Шарукан едва избежал плена. И в тот же год на половчанках, ханских дочерях, женились сын Владимира Мономаха Юрий (он известен в истории как Юрий Долгорукий) и сын Олега Святославича Святослав, отец Игоря — героя «Слова о полку Игореве». После смерти жены-половчанки Святослав женится второй раз — на новгородке; от этого брака и родится Игорь.

1109 — В Киеве умирает Евпраксия Всеволодовна, сестра Мономаха, женщина трагической судьбы. В 1083 г. она была выдана замуж за маркграфа Генриха Длинного Штаденского, а после его смерти стала женой императора Священной Римской империи Генриха IV (1056—1106), получив при коронации имя Адельгейды. Около 1093 г. супруги расстались: в 1094 и 1095 гг. Евпраксии пришлось выступить на церковных соборах и поведать об изощренном разврате, которому предавался ее супруг. Генрих был осужден, а Евпраксию-Адельгейду освободили даже от церковного наказания. Вернувшись на Русь, Евпраксия постригается в монахини. Умерла она в возрасте 35 лет.[25]

1111 — Мономах организует новый поход против половцев, в котором также приняли участие Святополк Изяславич, Давыд Святославич и другие князья. Двинувшись на восток, русские нанесли поражение половцам «на Дону», т. е. в верховьях реки Северский Донец (которую в источниках того времени именовали Доном); были взяты и разрушены половецкие городки Шарукань и Сугров.

1113 — Умер киевский князь Святополк Изяславич. В Киеве вспыхнуло восстание: был разграблен двор тысяцкого Путяты, дома евреев. Киевляне (видимо, бояре и старшие дружинники) послали к Владимиру Мономаху, призывая его на княжение и пугая, что в противном случае восставшие нападут «на жену брата {его} (Святополк приходился Владимиру двоюродным братом. — О. Г.) и на бояр, и на монастыри».[26] Историки полагают, что причиной восстания послужило насилие и притеснение феодалов и ростовщиков: Владимир, став князем, вынужден был дополнить свод законов — «Правду Русскую» —

статьями, сдерживающими (хотя бы на словах) произвол феодалов и несколько облегчающими положение должников.

1114 — Под этим годом летопись сообщает о строительстве новых стен Новгородского кремля и укреплений в Ладоге.

1115 — Умер Олег Святославич, зачинщик многих междоусобиц, о котором вспоминает и «Слово о полку Игореве»: «Тогда при Олзе Гориславличи, сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; в княжих крамолах веци человеком скратишась».

1123 — Новая феодальная распря: город Владимир (на Волыни), где сидел сын Мономаха Андрей, осаждают Ярослав Святополчич с наемными полками венгров, поляков и чехов. Ему помогают Володарь и Василько Ростиславичи. Однако два воина-поляка убивают Ярослава, наемники расходятся, Ростиславичи возвращаются восвояси. Владимир Мономах и его сын Мстислав распускают собранных было воинов.

1125 — Умирает Владимир Мономах, один из наиболее авторитетных и могущественных князей Русской земли, инициатор и участник победоносных походов на половцев. Летописец в некрологической похвале говорит, что Мономах «просветил всю землю Русскую, словно солнце, испускающее лучи, слава о нем разнеслась по всем окрестным странам, но особенно страшен был он для поганых» (т. е. для половцев)[27] И столетие спустя в памятнике времен монголо-татарского Ига — «Слове о погибели Русской земли» — автор вспоминает, что именем его «половцы своих детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы в них не въехал, а немцы радовались, что они далеко — за синим морем». Даже император византийский Мануил «от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не отобрал».[28] Это изображение могущества Мономаха, разумеется, гиперболично, — в частности, император Мануил Комнин вступил на престол в 1143 г., много позднее смерти Мономаха, и Русь в XII в. никак не могла угрожать Византии, — но примечателен тот ореол могущества, которым было окружено в памяти потомков имя Мономаха.

Брачные связи сближали Владимира с европейскими правящими домами: сын византийской царевны, он был женат на Гите — дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, его сын Мстислав был женат на дочери шведского короля, а дочь была замужем за венгерским королем. До нас дошло замечательное «Поучение» Мономаха, в котором князь дает ряд политических и нравственных советов. «Поучение» свидетельствует о его образованности и высоком интеллекте.[29]

После смерти Владимира великим князем киевским стал его сын Мстислав, занимавший этот стол до своей смерти в 1132 г.

Междоусобные войны знала Русь и в XI в. Но именно в XII столетии конфликты князей достигают особой остроты, а число участников резко возрастает. Это понятно: в двадцатые годы, например, на политической арене оказываются пятнадцать активно действующих правнуков Ярослава Мудрого, и каждый со своими претензиями, симпатиями и антипатиями, союзническими отношениями или непримиримым антагонизмом.

Следует отметить характерную черту этого времени. Полтора века спустя московский князь Иван Калита начнет «округлять» свое княжество, приискивая новые земли — то покупая, то приобретая по завещанию выморочные уделы. Едва ли перед его мысленным взором будущая Русь рисовалась как единое государство с центром в Москве, включавшее в свой состав прежде независимые княжества, — традиции удельных вотчин были в то время еще очень сильны, — но практически именно Калита начал дело «собирания» государства. Однако это будет в XIV в. В XII столетии идеалы были иными. Князья редко стремились к захвату и присоединению чужих уделов, напротив, повсюду наблюдалась тенденция к их дальнейшему дроблению: подрастающие сыновья требовали у отцов своих собственных столов. А феодальные войны? Как увидим далее, цели их совершенно иные. Прибегнув к смелому сравнению, скажем, что владельцы феодальных «квартир» стремились не увеличить их площадь, сломав стену к соседу, а поменять их — меньшую на большую, «квартиру» на окраине на «квартиру» в центре. Престижный стол (прежде всего киевский, а в уделах — полоцкий, черниговский, смоленский и т.д.) — вот импульс большинства феодальных войн XII в. Заметим, что у князей нет привязанности к «отчужденному дому»: легко меняют они одну столицу на другую, лишь бы добытый удел превосходил оставленный по своей значимости. Разве мало могущества было у суздальского князя Юрия Долгорукого?.. Но всю жизнь он добивался именно киевского стола.

В чем же дело? Почему после Владимира и Ярослава стала распадаться единая Русь? Причиной ее будущей слабости становится нынешняя сила: окрепшие и разбогатевшие удельные центры начинают тяготиться опекой великого князя киевского, их зависимость от «матери градом русским» становится все более номинальной, могучая длань киевского князя не нужна больше как средство защиты от внешних врагов, к тому же она перестала быть могучей. Эйфория гордой самостоятельности заслонила трезвую оценку опасности положения, при котором политические амбиции и неуживчивость князей разоряли страну непрерывающимися военными конфликтами, и эта разобщенность трагически отзовется в годы монголо-татарского нашествия.

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В XII—НАЧАЛЕ XIII в.

1128 — Иллюстрацией к сказанному выше может служить разгоревшаяся в этом году междоусобица: Всеволод Ольгович (сын Олега Святославича) пленил своего дядю — черниговского князя Ярослава. Мстислав Киевский с братом своим Ярополком идет на помощь Ярославу. Всеволод в свою очередь приводит семитысячный половецкий отряд, вскоре, впрочем, повернувший восвояси. Конфликт князей удалось уладить миром.

1135 — В этом году началась длительная междоусобица из-за Переяславского княжества. Сменивший на киевском столе умершего Мстислава его брат Ярополк передал переяславский стол Всеволоду Мстиславичу, но того немедленно согнал суздальский князь Юрий Владимирович; затем на переяславском столе побывали Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович. С недовольными Ярополком сыновьями Мстислава объединился черниговский князь Всеволод Ольгович, пославший, по обычаю Ольговичей, за половецкой помощью. Война шла с переменным успехом: то Ярополк с братьями опустошал предместья

Чернигова, то Всеволод и Мстиславичи разоряли села и города Переяславского удела, а порой доходили до самого Киева: летописец сообщает, что стрелы воюющих летели через городскую речку Лыбедь. В конфликт были вовлечены и наемные отряды: половцы на стороне Ольговичей, венгры и галичане на стороне Ярополка. Лишь в 1139 г. Ярополк и Всеволод примирились.

1136 — В Новгороде произошел политический переворот. Князя Всеволода Мстиславича вместе с женой, детьми и тещей взяли под стражу на епископском дворе. Ему предъявили ряд обвинений: «не блюдет смердов», в 1134 г. втянул Новгород в общерусский конфликт, сам же во время битвы новгородцев с суздальцами при Ждане-горе (к западу от озера Плещеево) первым бежал с поля боя; припомнили ему и то, как он собрался сменить Новгород на Переяславль, участвуя в междоусобице 1135 г. Изгнав Всеволода, новгородцы пригласили к себе княжить Святослава Ольговича (отца Игоря, героя «Слова»), но затем прогнали и его, призвав княжить Ростислава, сына Юрия Долгорукого.

С этого времени Новгород стал сам приглашать к себе князей, которые должны были принимать условия, диктуемые вечем.

1139 — Умер киевский князь Ярополк Владимирович. Ему наследовал брат Вячеслав, вскоре передавший престол Всеволоду Ольговичу. Вячеслав сказал при этом, что хотя пришел на киевский стол законно — на место братьев своих Мстислава и Ярополка, но тем не менее, уступая желанию Всеволода, согласен вернуться в свою волость, в Туров. Однако Всеволоду и этого показалось мало. Он попытался изгнать из Переяславля младшего из сыновей Мономаха — Андрея — и отослать его княжить в Курск. Но Андрей с достоинством отвечал: «Лучше мне умереть с дружиной на земле отцов своих и дедов, чем принять курское княжение: отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу на своей отчине умереть. Если же тебе, брат, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и этот удел, то убей меня и возьми его, а живой я не уйду из своего удела».[30] Попытка взять Переяславль окончилась для посланного туда Всеволодом его брата Святослава неудачей, и Всеволод заключил с Андреем мир.

1142 — На Вячеслава, сына Владимира Мономаха, захватившего после смерти Андрея Переяславль Южный, нападает Игорь Ольгович: его воины пожгли села, потравили посевы. На помощь Вячеславу пришли его племянники — Изяслав Мстиславич из Владимира Волынского и Ростислав из Смоленска. Игорь отступил, а Вячеслав отдал Переяславль Изяславу, сам же вернулся на свой стол в Туров.

1144 — Разгорелся конфликт между галицким князем Владимирко Володаревичем и киевским князем Всеволодом Ольговичем. Владимирко, бывший в прошлом князем Звенигорода (город в восточной части современной Львовской области) и города Белзы, присоединил в 1141 г. к своему уделу Галицкую волость и сделал Галич своей столицей. Экспансивные устремления Владимирко вызвали недовольство киевского князя Всеволода. Он призвал к себе своего брата Игоря, ряд других князей и обратился за помощью к польскому князю Владиславу. Владимирко же привел к себе на помощь венгров. Битва под Галичем не состоялась, Владимирко запросил мира и уплатил Всеволоду контрибуцию в 1400 гривен серебра. Позднее, когда Владимирко уехал на охоту, галичане пригласили к себе княжить Ивана Ростиславича (сына Ростислава Володаревича), владевшего уделом между Серетом и Прутом, но Владимирко удалось вернуть себе город. В 1146 г. Всеволод Киевский вновь

придет походом на Галич, осадит Звенигород, но безуспешно.

1146 — Драматические события развернулись в Киеве. Разболевшийся князь Всеволод предложил киевлянам поставить князем своего брата Игоря Ольговича. Всеволод умер, и горожане «целовали крест» на верность Игорю, обусловив, однако, что он и его соправитель Святослав Ольгович отстранят от управления доверенных лиц прежнего князя — тиунов Ратшу и Тудора и что Игорь будет сам вершить судебное разбирательство. Однако Игорь, став князем, не выполнил своего обещания, что было киевлянам «неудобно», и они послали в Переяславль Южный за старым соперником Игоря — Изяславом Мстиславичем. Игорь и Святослав намеревались выступить против них, но киевляне не подчинились князьям, и полки Изяслава нанесли Ольговичам поражение. Князья спаслись бегством: Святослав бежал на Десну, а Игоря, скрывавшегося на болоте, через четыре дня поймали и привели к Изяславу, к тому времени уже занявшему киевский стол. Игорь был заключен в темницу.

Святослав Ольгович обратился за помощью к Юрию Долгорукому, тот прислал ему подмогу для борьбы с черниговскими князьями Владимиром и Изяславом Давыдовичами (двоюродными братьями Игоря и Святослава). Под 1147 г. летописец сообщает, что Юрий пригласил Святослава в Москву (это первое ее упоминание в летописи), устроив в его честь «обед силен». Святослав пытался примириться с Давыдовичами, обращаясь к ним с сетованием: «Братья мои, вот землю мою разграбили, и стада {захватили}, и брата моего пленили, и хлеба сожгли, и все имущество мое отняли, а ныне к тому же и меня убить хотят». Давыдовичи требовали отречься от Игоря, на что Святослав не соглашался: «Не могу отречься от брата своего, пока душа в моем теле».[31] В ответ Давыдовичи стали грабить владения Ольговичей; в одном селе, принадлежавшем Игорю, они учинили разгром, изъяв все запасы из погребов: и вина, и меды, и железо, и медь — все это грузили на подводы и вывозили, а что не вывезли — сожгли, и в том числе гумно, где было 900 стогов сена.

Тем временем Игорь, разболевшийся в темнице, с разрешения Изяслава постригся в монахи в Киевском Федоровском монастыре. Когда киевляне узнали, что Давыдовичи рассорились с Изяславом, то решили немедленно расправиться с Игорем. Находившийся в Киеве пятнадцатилетний брат Изяслава Владимир пытался успокоить толпу, уговаривали горожан также митрополит и тысяцкие, но киевляне ворвались в монастырскую церковь и выволокли оттуда Игоря. Правда, Владимиру удалось ненадолго выручить князя-чернеца: он прикрыл его своим плащом и, терпя побои от разъяренной толпы, смог довести его до двора своей матери. Но все было напрасно: люди выломали ворота, избили княжеского боярина Михаила, сорвав с него крест на золотой цепочке, разломали сени, где находился Игорь, убили его, а труп, привязав за ногу, выволокли со двора, погрузили на телегу и, доведя до торговой площади, бросили его там.

1148 — Смерть Игоря Ольговича была лишь эпизодом в многолетней феодальной распре. В ней участвовали владимиристо-суздальский князь Юрий Долгорукий, посылавший на юг для участия и военных действиях своих сыновей; Изяслав Мстиславич, опиравшийся на поддержку своего брата — смоленского князя Ростислава; черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и Ольговичи — Святослав Ольгович (отец героя «Слова» — Игоря) и его племянник Святослав Всеволодович (также известный по «Слову» как Святослав Киевский).

1149 — Изяслав Мстиславич отправился в Новгород, где княжил сын его Ярослав, и обратился к горожанам: «Вот, братья, прислал ко мне сын мой, да и вы сами, {говоря}, что

обижает вас дядя мой Юрий, и я пришел сюда, оставив Русскую землю, из-за вас и причиненных вам обид».[32] На Юрия вместе с Изяславом и Ростиславом Смоленским пошли новгородцы и псковичи, пожгли и пограбили города и села по верховьям Волги и у Ярославля. Успеха поход не принес, а уже на следующий год Юрий Долгорукий явился в Южную Русь, при поддержке Ольговичей и нанятых ими половцев изгнал из Киева Изяслава и сел «на столе отцов и дедов», осуществив свою вожденную мечту. Но Изяслав не думал уступать. Он обратился к Польше, Венгрии, Чехии, собрал немалое войско и намеревался силой выдворить Юрия из Киева. Под Луцком, где сидел Владимир Мстиславич, произошла битва с сыновьями Юрия Долгорукого, в которой немалое мужество показал Андрей Юрьевич, впоследствии известный как Андрей Боголюбский. Осада Луцка продолжалась шесть недель. Вмешавшийся в распрю на стороне Юрия Владимирко Галицкий препятствовал подходу на помощь Луцку Изяслава Мстиславича. В конце концов соперники примирились. Киев остался за Юрием Долгоруким.

1150 — Владимирко Галицкий помог Юрию овладеть Киевом. Изяслав же прибег к венгерской помощи и, используя враждебное отношение киевлян к Юрию, смог вновь вернуть себе Киев. Но необходим был компромисс. Изяслав послал к престарелому сыну Мономаха Вячеславу со словами: «Отче, кланяюсь тебе... ты будь мне вместо отца», призывая его стать своим соправителем. Вячеслав согласился. Но Юрий Долгорукий не хотел отказываться от своих притязаний. К нему пришла половецкая помощь, под его стяги вновь встали Ольговичи. Изяслав также нанял оседлых половцев — черных клобуков. Вячеслав попытался склонить к миру Юрия, но тот требовал изгнания Изяслава. В ответном послании Вячеслава звучат нотки искреннего чувства. Заступаясь за своих племянников, он пишет Юрию: «У тебя 7 сыновей, и я их от тебя не отторгаю, а у меня только два сына (т. е. племянника. — О. Т.) — Изяслав и Ростислав... Русской земли ради и христиан ради пойдешь, брат, в свой Переяславль и в Курск, и с сыновьями своими, а также есть у тебя и Ростов Великий, а Ольговичей распусти по домам, а мы договоримся сами, а крови христианской не прольем».[33] Но Юрий отверг мирные предложения, и у стен Киева, на берегу Лыбеди разгорелась битва. Изяславу и Вячеславу удалось одержать победу. Новые попытки мирных переговоров сорвали Ольговичи и их союзники — половцы, настаивавшие на продолжении войны. В последовавшей за этим битве снова одолели киевские князья, хотя сам Изяслав был ранен в руку и в ногу, сбит с коня и едва не убит своим же воином, «я же князь!» — крикнул ему раненый Изяслав. «Этот мне и нужен!» — отвечал ретивый ратник и продолжал наносить удары мечом по шлему, пока Изяслав, содрав с себя шлем, не доказал рубаке, что перед ним его князь.[34]

Так продолжалась многолетняя ожесточенная борьба между двоюродными братьями (Изяславом и Ольговичами, Изяславом и Давыдовичами), между дядей и племянником (Юрием Долгоруким и Изяславом), между родными братьями (Юрием и Вячеславом); в распри были вовлечены Киевщина, Черниговщина, юго-западные русские княжества. Половецкие отряды, нанимаемые враждующими князьями, разоряют города и села, губят мирных жителей. Постоянно используют князья и иноземную помощь, особенно венгерские отряды, насчитывающие порой десятков тысяч копий. А манящей наградой в этой кровавой междоусобице является, как правило, престижный киевский стол.

1152 — Умер Владимирко Володаревич, галицкий князь, один из активнейших политических деятелей второй четверти XII в. Искусно лавируя в своих отношениях с Юрием Долгоруким, киевскими князьями, венгерским королем, он отличался хитростью и крайней беспринципностью. Характерен такой эпизод. Потерпев поражение от киевского князя Изяслава и союзных ему венгров, Владимирко укрылся в Перемышле и послал к венгерскому королю с просьбой заступиться за него перед Изяславом, ибо он будто бы тяжело ранен и

находится при смерти. В том же убеждали короля архиепископ и венгерские вельможи, которых Владимирко щедро подкупил. Притворясь изнемогающим от ран, Владимирко поцеловал венгерскую святыню — крест святого Стефана — и поклялся на нем вернуть Изяславу захваченные города и стать его союзником. Король согласился ходатайствовать о примирении пред Изяславом, но при этом пригрозил расправиться с Владимирко в случае нарушения клятвы и завоевать Галицкую землю.[35] С большой неохотой, не доверяя Галицкому князю, Изяслав согласился на заключение мира.

Когда же опасность миновала, Владимирко отказался вернуть Изяславу города. Тот направил к нему посла — Петра Бориславича, напомнившего о клятве на кресте. Однако Владимирко выдвинул встречные претензии, и с издевкой вспомнив про «крестец мал», на котором клялся, отправил Петра Бориславича назад, не дав «ни повоза, ни корма», и еще оскорбительно кинул ему вдогонку: «...поехал муж русский, получив все волости».[36] В тот же вечер, возвращаясь из церкви, на том самом месте, на котором он оскорбил киевского посла, Владимирко почувствовал, что его словно кто-то ударил в плечо. Князь упал, его унесли в горницу, где он вечером и скончался.

Новый галицкий князь Ярослав Владимирович (в «Слове о полку Игореве» он носит прозвание Осмомысла) приказал догнать и вернуть Петра и просил его передать Изяславу: «Прими меня, как сына своего Мстислава. Как ездит Мстислав возле твоего стремени (формула вассального подчинения. — О. Т.) с одной стороны, а я с другой стороны буду ездить со всеми своими полками».[37]

Но торжественная клятва, видимо, не была выполнена, так как уже через несколько месяцев Изяслав и Ярослав сошлись на поле брани: «...и была сеча зла, и бились с полудня до вечера». В сумятице битвы было неясно, кто кого одолел, обе стороны захватили пленных. Изяслав, видя, что у него осталось мало воинов, перебил пленных галичан, а «лучших мужей» увел с собой в Киев. И был «плач велик по всей земле Галичской», констатирует летописец.[38]

1154 — Умер Изяслав Мстиславич. Летописец (возможно, не без пристрастия) утверждал, что «оплакивала его вся Русская земля (т. е. южно-русские княжества. — О. Т.) и все Черные Клобуки (союзные киевскому князю половцы. — О. Г.)», плакали о нем как «о царе и господине своем, но более как по отце». Старый Вячеслав, идя за гробом племянника, сетовал: «Сын! Это было мое место, но с волей Божьей ничего не поделаешь!».[39]

Изяслав был деятельным князем, смелым и решительным, и, как можно судить по летописи, авторитетным среди киевлян. Смерть Изяслава грозила вновь разбудить соперничество за обладание киевским столом. Поэтому Вячеслав (как мы помним, соправитель Изяслава — старый князь, которому было более семидесяти лет) поспешил принять меры предосторожности: не пустив в Киев черниговского князя Изяслава Давыдовича, утверждавшего, что он приехал всего лишь проститься с умершим Изяславом, Вячеслав послал в Смоленск к брату покойного Ростиславу. Ростислава торжественно встретили в Киеве, и старый князь предложил ему соправительство.

Но Ростиславу вскоре пришлось выступить в поход: на Переяславль напал сын Юрия Долгорукого Глеб, необходимо было также упредить соединение Изяслава Давыдовича с Юрием Долгоруким. А тут из Киева пришла весть: весело поужинав с дружиной, Вячеслав лег спать и во сне скончался. Вскоре Ростислав, потерпев поражение от Изяслава Давыдовича, отправился в свой Смоленск, а Изяслав занял Киев.

1155 — Юрий Долгорукий обратился к Изяславу Давыдовичу со словами: «Мне отчина Киев,

а не тебе». Страшась грозного соперника, Изяслав послал к нему, «умоляя его и кланяясь»: «Разве сам я приехал в Киев: посадили меня киевляне, так не причиняй мне зла, а вот тебе Киев». Юрий вступил в город и сел «на столе отцов своих и дедов, и приняла его с радостью вся земля Русская», утверждает летописец.[40]

1157 — Неожиданно умер Юрий Долгорукий. Он пировал у киевского боярина Петрилы, ночью заболел и пять дней спустя скончался. Характерно, что киевляне, которые, по словам летописца, встречали Юрия с почетом, после смерти разграбили его городскую и загородную усадьбы, выразив тем самым свое подлинное неприязненное отношение к князю.

Юрий Долгорукий, безусловно, был выдающимся политическим деятелем. Именно ему принадлежит заслуга укрепления политической независимости и авторитета в недавнем прошлом захолустной окраины — Ростово-Суздальской земли. Он успешно отражал набеги волжских болгар, сумел отбить притязания своего северо-западного соседа — Новгорода, построил или укрепил ряд крепостей-городов, которые были призваны обезопасить рубежи княжества: при нем был укреплен город Кснятин, находившийся у впадения в Волгу реки Нерль (выше по течению Волги от г. Калязина), были заложены крепости Звенигород, Кидекша (восточнее Суздаля), Юрьев-Польский, Дмитров. По предположению Ю. А. Лимонова, в апреле—ноябре 1152 г. закладывается крепость (кремль) в Москве:[41] «...заложи град Москву на устье Неглинной, выше реки Яузы», сообщает летописец.[42] Хотя столицей княжества Юрия был Ростов, сам он предпочитал Суздаль.

Всемерно укрепляя независимость своего княжества (именно при Юрии отменяется традиционная «дань» Залесской земли Киеву), Юрий тем не менее был устремлен в своих помыслах к киевскому столу, которого и добился в конце жизни. Преемник Юрия его сын Андрей Боголюбский, напротив, акцентирует свое внимание на укреплении и усилении своего княжества, а южно-русские интересы отойдут для него на второй план[43]

Итак, окинем взглядом Русь в конце 50-х гг. XII в. На опустевшем киевском столе оказался Изяслав Давыдович Черниговский, в Переяславле Южном сидит Глеб Юрьевич, сын Долгорукого. В Ростово-Суздальской земле княжит Андрей Юрьевич, прозванный Боголюбским по любимому его местопребыванию — дворцовому селу Боголюбове подле Владимира. В Смоленске княжит Ростислав Мстиславич, в Чернигове — Святослав Ольгович (отец героя «Слова о полку Игореве»), в Новгороде-Северском — его племянник Святослав Всеволодович.

Что же происходит за пределами Руси? Ее западные соседи — Польша и Венгрия — активно участвуют в русской междоусобной борьбе, что естественно из-за родственных связей многих русских князей с правящими домами обеих стран.[44] Византийский император Мануил Комнин в 1159 г. нанес поражение туркам-сельджукам, и на какое-то время обезопасил свои восточные рубежи. А в это время далеко на востоке складывается союз монголоязычных племен, которые впоследствии принесут неисчислимые бедствия Руси, в 1155 г. еще только родился Тэмуджин, получивший затем имя Чингисхана.

1157 — В Киеве после смерти Юрия Долгорукого становится князем Изяслав Давыдович. Ввязавшись в распри с другими князьями (в частности, заступившись за князя-изгоя Ивана Берладника), он потерпел неудачу: его недруг Мстислав Изяславич убедил наемных половцев-берендеев изменить князю; Изяслав вынужден был бежать, а Мстислав вступил в Киев.

1159 — По приглашению Мстислава в Киев пришел княжить Ростислав Смоленский. Мстислав же получил во владение Белгород, Торческ и Треполь. Новые союзники — Ростислав Мстиславич и Святослав Ольгович — пировали друг с другом, обменивались подарками: Ростислав одарил Святослава соболями и горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками и рыбьими зубами (бивнями моржей?), а Святослав подарил Ростиславу гепарда и двух быстрых коней под украшенными седлами. Но борьба за Киев не кончилась: Изяслав Давыдович еще попытается вернуть себе город, пока не погибнет под саблями торков.

1169 — После смерти Ростислава в Киеве стал княжить Мстислав — сын Изяслава Мстиславича, бывшего, как мы помним, киевским князем до 1154 г. Но зимой 1168/69 г. Андрей Юрьевич, возглавив коалицию из 11 князей (в числе их были Ростиславичи — Роман, Рюрик, Давыд и Мстислав, Ольговичи — Олег и Игорь Святославичи, Глеб Юрьевич из Переяславля, младший брат Андрея Боголюбского Всеволод), двинулся на Киев. Мстислав заперся в городе, но затем, уступив советам киевлян и дружины, бежал во Владимир Волынский. «Взят же был Киев месяца марта в 8 {день} во вторую неделю поста в среду. И грабили два дня весь город — Подолие и Гору, и монастыри, и Софию (т. е. Софийский собор. — О. Т.), и Десятинную Богородицу. И не было пощады никому и ниоткуда. Церкви горели, христиане были убиваемы, а другие связываемы, женщины ведомы в плен, разлучаемы силою с мужьями своими, младенцы рыдают, глядя на матерей своих. И захватили имущества множество, и в церквах пограбили иконы, и книги, и одеяния, и колокола. Все повиносили смоленцы и суздальцы и черниговцы, и Ольгова дружина (войска Олега Святославича. — О. Т.)... И бысть в Киеве среди всех людей стенания и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные».[45]

Так был подвергнут жесточайшему разгрому Киев, тот великий и славный город, чести княжить в котором страстно добивались русские князья. Андрей Боголюбский вернулся в свой Владимир, а в Киеве сел сын Юрия Долгорукого Глеб.

1170 — Андрей Боголюбский отправил своего сына Мстислава в поход на Новгород. Но горожане «устроили острог вокруг города», и взять его штурмом не удалось. 25 февраля новгородцы под предводительством посадника Якуна и князя Романа Мстиславича разгромили войско суздальцев: кого «иссекли», кого взяли в плен. Однако Андрей нашел способ смирить новгородцев: он запретил подвоз хлеба из Суздаля, и в Новгороде начался голод; кадка ржи стоила 4 гривны — значительную по тем временам сумму. Новгородцы вынуждены были «показать путь» Роману и принять князем ставленника Андрея — Рюрика Ростиславича.

1171 — На Южную Русь напали половцы. Одни отряды двинулись на Переяславль и стали у Песочена (на р. Супой), другие у Корсуня (па р. Рось) и предложили киевскому князю заключить мирный договор («ряд положить между собой»). Глеб согласился и начал переговоры с теми половцами, которые расположились у Переяславля: он тревожился за судьбу города, где княжил двенадцатилетний Владимир Глебович. «Положив ряд», он направился к Корсуню, но находившиеся там ранее половцы, воспользовавшись отсутствием князя, напали на Киев, захватили много сел «с мужами и женами» и угнали множество скота. Глебу удалось собрать войско, нагнать половцев, отнять пленных. В бою был серьезно ранен брат Глеба Михалко: его поразили двумя копьями в ногу, а третьим — в руку. В этом же году

Глеб умирает. После кратковременного княжения Владимира Мстиславича и Михалко Юрьевича киевским князем становится Роман Ростиславич, бывший до этого смоленским князем.

1172 — Андрей Боголюбский, еще годом ранее пригласивший Романа на киевский стол, изменил свое к нему отношение: «Не ходишь по моей воле с братьею своею, так уходи же из Киева», — пригрозил он.[46] Возмущенные Ростиславичи — Рюрик, Давыд и Мстислав — послали Андрею грамоту, сетуя: «Назвали тебя отцом своим и крест целовали тебе, и стоим на том крестном целовании, желая добра тебе, а вот теперь брата нашего Романа изгнал из Киева, а нам путь показываешь (т. е. изгоняешь. — О. Т.) из Русской земли без нашей вины». [47] Ростиславичи изгнали из Киева Всеволода Юрьевича, которого поставил в Киеве Михалко, и возвели на киевский стол Рюрика Ростиславича.

1174 — В своем дворце был убит Андрей Боголюбский. Во главе заговора против князя стояли его приближенные — Яким Кучкович, его зять Петр и ключник Анбал, ясин (осетин) по происхождению. Выпив для храбрости в княжеской кладовой, они приступили к «ложнице» (спальне) и, выломав двери, ворвались в нее. Могучий и смелый воин, Андрей готов был сопротивляться, но Анбал заранее похитил меч князя. Тем не менее, когда двое нападавших набросились на Андрея, он сумел подмять одного из них под себя, а остальные, приняв лежащего на земле за князя, убили его. Поняв свою ошибку, они стали наносить Андрею удары мечами, саблями и копьем (дротиком?). Исследование скелета, произведенное современным ученым, показало, что князю было нанесено несколько ранений, что это было «нападение нескольких человек, вооруженных разным оружием».[48] Петр даже отсек ему левую (как можно судить по скелету, а не правую, как сказано в летописи) руку. Труп князя был брошен в саду. Некий Кузьма, увидев обнаженное тело князя, стал упрекать Анбала, грозившего, что оставит труп на съедение собакам: «Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг». Лишь на третий день князь был похоронен.[49]

Обстоятельства заговора ясны не до конца. Осуществили убийство приближенные («милостники») князя, в том числе зять боярина Кучки — того Кучки, чьи села разорил Юрий Долгорукий, основав на их месте Москву. Возможно, окружение князя не устраивал воинственный нрав Андрея, который в бесконечных походах подвергал их жизнь опасности. Среди заговорщиков была, как свидетельствуют некоторые данные, вторая жена Андрея — осетинка, и, может быть, не случайно всесильный ключник-осетин Анбал тоже был участником и исполнителем заговора.[50] Однако круг лиц, недовольных Андреем, был гораздо шире. Это были, как полагают, также ростовские и суздальские бояре, чьим мнением и интересами пренебрегал князь, да и некоторые родичи его из числа князей Рюриковичей. [51]

Андрей Боголюбский являлся примечательной фигурой русской истории. Прежде всего именно он в отличие от отца своего Юрия Долгорукого открыто пренебрег киевским столом ради Владимира и Суздаля. Андрей не оставлял своих интересов на юге (в «Русской земле» в узком смысле этого слова, т. е. на Киевщине и Черниговщине), но был озабочен лишь тем, чтобы на киевском и переяславском столах сидели зависимые от него князья. Сам же он ощущал себя прежде всего князем Залесской земли, заботился о строительстве городов, украшал их роскошными храмами. Именно при Андрее был возведен Успенский собор во Владимире, знаменитая церковь Покрова на Нерли, Успенский собор в Ростове. Во Владимире возводятся Золотые Ворота, которые уже своим названием напоминают Золотые Ворота Киева — старой столицы, которую стремятся затмить своей архитектурой города Владимиро-Суздальской Руси. Андрей обладал и литературными способностями: ему

приписывают создание «Слова... о милости Божией», написанного в связи с победой над волжскими болгарами в 1164 г.[52]

1177 — После смерти брата Михаила владимиро-суздальским князем становится Всеволод, известный под прозвищем Большое Гнездо. Начало его княжения отмечено распрей с претендентом на владимиро-суздальский стол Мстиславом Ростиславичем, которого желали видеть князем ростовцы, тогда как владимирцы и переяславцы (жители Переяславля-Залесского) ратовали за Всеволода. Дипломатические переговоры не удались, и спор решила битва на Юрьевском поле (возле города Юрьева, на р. Кзе), в которой Всеволод одержал победу. Его соперник бежал в Новгород.

На юге Руси в это время снова разгорелись распри между Ростиславичами и Ольговичами, в результате киевский стол был поделен между князьями Рюриком Ростиславичем и Святославом Всеволодовичем.

1180 — Святослав Всеволодович предпринял попытку освободиться от своего соправителя и решил изгнать Рюрика из Белгорода, а Давыда Ростиславича из Вышгорода. Попытка пленить Давыда не удалась, Святослав бежал в Чернигов, а Рюрик Ростиславич вступил в Киев. Но Святослав не сложил оружия: он собрал своих союзников для новых военных предприятий. Прежде всего он направился в Тверь, где соединился с новгородцами, возглавляемыми его сыном Владимиром. В сорока верстах от Переяславля-Залесского, на берегах Влены (левого притока р. Дубны) друг против друга стали войска Святослава и Всеволода Суздальского. Битва не состоялась; разорив ряд городов и уведя полон, Святослав вернулся в Новгород. На следующий (1181) год в центре событий оказался Киев, в котором сидел Рюрик Ростиславич. Правда, Рюрик Ростиславич оставил город и уехал в свой Белгород, но судьбу киевского стола могла решить только битва. На стороне Святослава выступили его брат Ярослав Всеволодович Черниговский, Игорь Святославич и союзные им половецкие отряды во главе с Кончаком и Кобяком.

Ростиславичи нанесли поражение Игорю и половцам, и князь вместе с Кончаком «вскочили в ладью, побежали на Городец к Чернигову». Но, несмотря на победу Ростиславичей, враждующие стороны снова согласились на двоевластие: Святослав Всеволодович остался киевским князем, а Рюрик Ростиславич стал князем всей «Русской земли», т. е. Киевского княжества. Их совместное правление продолжалось до 1194 г. — года смерти Святослава.

1184 — Весной и летом этого года состоялись два больших похода на половцев. В весеннем походе участвовали Игорь и Всеволод Святославичи, Владимир Глебович Переяславский, Всеволод, сын Святослава Киевского, и другие князья. Но участники похода рассорились: Владимир Глебович, обиженный тем, что ему не доверили возглавить передовой полк («наперед ездити»), вернулся с полпути и к тому же напал на принадлежавшие Игорю города. Поход принес ограниченный успех (были захвачены половецкие вежи), но одновременно вызвал и междоусобный конфликт. Игорь Святославич в отместку Владимиру Переяславскому захватил его город (г. Глебль) и учинил там страшный разгром: «Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими... Тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали... Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли», — так, по словам летописца, вспоминал об этом событии сам Игорь.[53] Даже если мы примем во внимание несомненную литературную искусственность этого описания, сам факт жестокого разгрома русским князем города своего

соперника не подлежит сомнению.

В том же году, в июле состоялся поход, который возглавляли Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. В походе участвовали также Владимир Глебович Переяславский, князя из Луцка, Пинска, воины из Галичского княжества, посланные Ярославом Осмомыслом. «А свои братья не пришли», — с горечью констатирует летописец отсутствие Ярослава Черниговского и братьев Святославичей — Игоря и Всеволода. «Далеко нам идти к низовьям Днепра, — сказали они, — не можем свою землю оставить без защиты, но если пойдешь через Переяславль, то встретимся с тобой на Суле».[54] Святослав рассердился и двинулся в поход без них. У впадения реки Орель в Днепр произошла решительная битва: русичи, прорвав строй половецких полков, рубили врагов, хватили пленных. В плен попал половецкий хан Кобяк и многие знатные половцы. Об этом вспоминает автор «Слова»: «А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой».

Тем временем Святославичи — Игорь, Всеволод, Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, — воспользовавшись тем, что половцы отвлечены на борьбу со Святославом, сами напали на них, переправившись через реку Мерлу: они встретились с направлявшимся на Русь половецким отрядом в четыреста воинов и обратили его в бегство.

В последующие месяцы столкновения с половцами не прекратились: вскоре Кончак двинулся «с бесчисленными полками половецкими на Русь, стремясь захватить и пожечь города русские», а в марте 1185 г. выступили против половцев Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. Но опять не участвовал в походе Ярослав Черниговский, сославшись на то, что послал к половцам своего боярина Ольстина Олексича. Игорь же не смог догнать полки Святослава из-за начавшейся распутицы.[55]

В апреле того же года Игорь Святославич с братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом Ольговичем направился в поход на половцев, окончившийся сокрушительным поражением и пленением русских князей. Именно этот поход и изображен в знаменитом «Слове о полку Игореве». С исторической точки зрения представляют интерес два вопроса. Во-первых, какую цель ставил перед собой Игорь и его соратники: рассчитывали ли они на неглубокий рейд в половецкую степь для захвата добычи и пленных, как думают одни исследователи, или же действительно рассчитывали достичь утраченной черниговскими князьями далекой Тмуторокани, на что глухо намекают «Слово» и Лаврентьевская летопись? Второй вопрос — каков был маршрут Игоревых полков и где произошла злосчастная битва с половцами? По обоим этим вопросам существуют различные, взаимоисключающие мнения ученых.[56] Но большинство исследователей согласны с тем, что неудачный поход Игоря принес немало бедствий Переяславскому, Черниговскому и Новгород-Северскому княжествам. Половцы подступили к стенам Переяславля, был тяжело ранен князь Владимир Глебович (два года спустя он умер). Святослав Всеволодович стремился организовать отпор половцам, но опять между князьями не было согласия: если Святослав и Рюрик Ростиславич откликнулись на просьбу Владимира Глебовича и двинулись на помощь Переяславлю, то смоленский князь Давыд Ростиславич, стоявший у Треполя, посоветовавшись с дружиной, так ответил Святославу: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча, — сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем — устали уже».[57] И Давыд повернул восвояси. Полагают, что именно этот эпизод имел в виду автор «Слова», когда говорил, что «розно ся пашут» (порознь развеваются) знамена Рюрика и Давыда. Вскоре Игорю удалось бежать из плена. А два года спустя вернулся из половецкой степи и сын его Владимир — с женой (дочерью хана Кончака) и с «дитятей».

1187 — Умер Ярослав Владимирович Галицкий. Часто в популярной литературе он предстает как могущественный князь. Но этой своей славой он, возможно, обязан «Слову», где о нем

восторженно говорится: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, мечя бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву врата, стреляешь с отцовского золотого престола султанов за землями».[58] Летописец пишет о Ярославе как о князе богобоязненном и «славном полками». Но в действительности его жизнь была далеко не безоблачной, а авторитет и могущество не столь значительными, как может показаться. Ярослав стал галицким князем в 1153 г. после смерти своего отца Владимирко Володаревича, о чьей бурной, полной взлетов и поражений жизни шла речь выше. Ярослав активно участвовал в политических распрях и интригах, разгоравшихся вокруг киевского стола. Но в собственном княжестве его положение порой было весьма непрочным.

В 1173 г. из Галича уехала с сыном в Польшу княгиня Ольга (дочь Юрия Долгорукого), оскорбленная тем, что Ярослав завел любовницу — Настасью. Тогда бояре сожгли Настасью, а с Ярослава взяли клятву помириться с женой. Но, умирая, князь все же отдал Галич сыну Настасьи Олегу, а старшему, Владимиру, передал Перемышль. Бояре изгнали Олега, но не поладили и с Владимиром: он был «любезнив питию многому», не советовался с мужами своими, к тому же женился на попадье, отняв ту у мужа. Этим недовольством бояр воспользовался волынский князь Роман Мстиславич: по его совету бояре поставили перед Владимиром ультиматум, заявив, что не хотят «кланяться попадье». Владимир вынужден был с женой и сыновьями (прихватив, впрочем, «золото и серебро») бежать в Венгрию. Романа вскоре прогнали венгры, Владимира же венгерский король заключил в темницу, а в Галиче посадил своего сына Андрея (будущего короля Андрея II). В 1190 г. Владимиру удалось бежать из тюрьмы и с польскими войсками двинуться на Галич. Галичане, страдавшие от насилий, которым они подвергались от приближенных венгерского королевича, изгнали Андрея, и Владимир вновь стал галицким князем.

1194 — В возрасте около 70 лет умер киевский князь Святослав Всеволодович — один из авторитетнейших князей из рода Ольговичей, за плечами которого была бурная политическая жизнь. Святослав был князем Новгорода-Северского (с 1157 г.), затем — Чернигова (с 1164 г.), а с 1176 г. и до смерти он был великим князем киевским, соправительствуя с Рюриком Ростиславичем.[59] После смерти Святослава Рюрик послал в Смоленск, приглашая к себе брата своего Давыда: «Вот, брат, остались мы старейшими в Русской земле. А приезжай ко мне в Киев, подумаем о Русской земле и о братии своей, о Владимировом племени». В Киеве и Белгороде начались пиры, которые давали Рюрик, белгородский князь Ростислав Рюрикович, сам Давыд, киевляне. «И с братом своим Рюриком {Давыд} ряды вся завершил о Русской земле».[60] Однако это умиротворение не удовлетворяло суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, который поспешил напомнить о своих традиционных правах на власть в «Русской земле» (в узком смысле слова) и потребовал отдать ему пять городов — Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль и Канев (на берегу р. Рось). В Торческе Всеволод посадил своего зятя — сына Рюрикова Ростислава, чем вызвал недовольствие изгнанного оттуда Романа Мстиславича, который стал подговаривать против Рюрика Ярослава Черниговского. Это послужило поводом для новых междоусобиц.

1196 — Всеволод Большое Гнездо помирился с Ярославом Черниговским, но теперь Рюрик Ростиславич послал своему двоюродному дяде гневное письмо, часть которого стоит привести как образец дипломатической переписки того времени: «Сват мой, ты крест мне целовал на том, что "кто мне враг, то и тебе враг", и в Русской земле доли просил у меня, я же тебе отдал область лучшую (упомянутые выше пять городов. — О.Т.) не от изобилия, но отнял ради тебя у братии своей, у зятя своего — Романа, он же теперь врагом моим стал не из-за кого другого, как из-за тебя. Как же ты мне обещал всести на коня (выступить в поход. —

О. Т.) и помочь мне, но {не сделал этого} ни летом, ни зимой, а только нынче всел, но как помог? Свой ряд (договор. — О. Т.) заключил, а спор мой с зятем моим дал Ярославу рядить?.. А мне с Ольговичами какая рознь была? Они подо мной Киева не искали, но так как это было тебе не по нраву, то из-за тебя и я был с ними недобр и воевал с ними».[61] Рюрик отнял отданные Всеволоду города по реке Рось и передал их своим братьям.

1197 — Умер смоленский князь Давыд Ростиславич. По словам летописца, «роста он был среднего, лицом красив, всякими добродетелями украшен, благоденствен, христолюбив, любовь имел ко всем... Был могуч в бою, всегда стремился творить великие дела, золота и серебра не собирал, но отдавал дружине, а злых людей казнил, как подобает поступать царям». Говорит летописец и о созданной князем церкви Архистратига Михаила, которую он украсил дорогими иконами.[62] Более сорока лет Давыд Ростиславич активно участвовал в политической жизни: княжил в Новгороде Великом, Торжке, Витебске, Вышгороде, а затем 17 лет в Смоленске.

1198 — Умер черниговский князь Ярослав Всеволодович; на черниговский стол взошел Игорь Святославич Новгород-Северский.

Остановим наше повествование и окинем взглядом Русь и сопредельные страны на рубеже двух веков. Русская земля простирается от берегов Белого моря на севере до Причерноморских степей на юге, от Пскова, Берестья (Бреста) и Перемышля на западе до Городца (на Волге), Муром, Рязани и Курска на востоке. Великим князем киевским в эти годы является Рюрик Ростиславич, могуществом соперничают с ним Всеволод Большое Гнездо в Суздале и Роман Мстиславич во Владимире-Волынском. В Чернигове княжит Игорь Святославич, в Смоленске — племянник Давыда Мстислав Романович.[63] Русь — страна городов. А.В. Куза собрал сведения о 1395 населенных пунктах, существовавших в XII—XIII вв. Среди них были, разумеется, и крошечные городки-крепости, и села; часть из них была разрушена или сожжена во время войн или набегов кочевников, но относительно крупных укрепленных городов в это время насчитывается более сотни. В числе их крупнейшие городские центры: Киев, Белгород, Переяславль, Чернигов, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир (на Клязьме), Муром, Рязань.[64]

В Европе значительные события происходят на Балканах. В результате успешного восстания против византийского господства в 1187 г. воссоздается независимое Болгарское царство, которое просуществует до конца XIV в., пока не будет завоевано турками. В 1190 г. Византия признает и независимость Сербии. А в самом начале XIII в. империя перенесет тяжелейший удар: крестоносцы, участники IV крестового похода, захватили и разграбили Константинополь; на месте Византии образовались Латинская империя, в которой стал править один из участников похода фландрский граф Балдуин, Никейская империя, главой которой стал молодой греческий вельможа Федор Ласкарис, Эпирское царство на берегу Адриатики и Трапезундская империя на южном берегу Черного моря. В 1261 г. Никейская империя поглотила Латинскую, и единство Византии было частично восстановлено. Но на востоке уже зрела грозная сила: большую часть Малой Азии занимало государство турок-сельджуков, в одной из его провинций начала складываться народность турок-османов, которым будет суждено сокрушить Византию и на протяжении четырех столетий наводить ужас на страны Юго-Восточной Европы. Но вернемся на Русь.

1202 — Разгорелась борьба за Киев между Рюриком Ростиславичем и Романом

Мстиславичем Галицким. Киевляне открыли Роману городские ворота, и он посадил на киевский стол волынского князя Ингваря Ярославича. Но вскоре Рюрик с союзными ему Ольговичами отвоевал Киев. По словам летописца, «свершилось великое зло ... не только один Подол захватили, но и митрополию святую Софию разграбили, и святую Богородицу Десятинную, и все монастыри, и оклады с икон сдирали, а иные унесли, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и дорогие одеяния первых князей, которые висели в церквах на память о них — и то все забрали».[65] Соперники заключили мир, и Рюрик вновь сел в Киеве.

В этом же году был основан духовно-рыцарский Орден меченосцев, подчиненный рижскому епископу (Рига основана в 1201 г.). Рыцари Ордена предпринимают завоевательные походы против прибалтийских народов. Впоследствии с экспансией Ордена столкнутся и русские князья. В одеяние рыцарей входил белый плащ с изображением красного меча и креста, откуда произошло и название Ордена.

1203 — Состоялся успешный поход на половцев, в котором приняли участие Рюрик, Роман, Ярослав Всеволодович Переяславский и другие князья. Но после похода вновь разгорелась старая распря: воевода Романа Вячеслав захватил Киев и постриг Рюрика в монахи, передав киевский стол по настоянию Всеволода Большое Гнездо его зятю Ростиславу Рюриковичу (сыну свергнутого князя).

1205 — В битве с королем Малой Польши Лешко Краковским погиб у Завихоста (на берегу Вислы) Роман Мстиславич. Он был одним из самых могучих и влиятельных политических деятелей своего времени. Роман помогал Византии в борьбе с половецкой опасностью; он был связан родством и союзными отношениями с польскими князьями, но ими же и был убит, когда вмешался в борьбу между претендентами на германский престол — Филиппом Швабским и Оттоном IV. Французская хроника сообщает, что «король русский по имени Роман ... желавший пройти через Польшу в Саксонию ... ранен и убит двумя братьями князьями польскими Лешко и Конрадом за рекой Вислой».[66] Летописец в некрологической похвале Роману скажет, что он «устремился на поганых (имеются в виду, вероятно, половцы и язычники: литовцы и ятвяги. — О. Т.) как лев, сердит же был как рысь, и губил землю их как крокодил, и проходил сквозь землю их словно орел, храбр же был как тур, жаждал сравняться с дедом (с предком. — О. Т.) своим Мономахом, погубившим проклятых измаилтян, то есть половцев».

В связи с этим летописец вспоминает следующее предание, которое вдохновило поэта А. Майкова на стихотворение «Емшан». Суть его такова: Мономах, разгромивший половцев, вынудил хана Отрока уйти в землю обезов (грузин?), за Железные ворота (Дербент). После смерти Мономаха оставшийся на Дону половецкий хан Сырчан отправил к Отроку своего певца Оря с сообщением о смерти князя. Сырчан наказал Орю петь половецкие песни, а если это не пробудит у Отрока желания вернуться в родные степи, то дать ему понюхать степную траву — емшан. И действительно: узнав знакомый запах степной травы, Отрок сказал: «Лучше есть на своей земле кости сложить, чем на чужбине славным быть» и вернулся на родину.[67] Сыном Отрока был знаменитый половецкий хан Кончак. Узнав о гибели Романа, Рюрик «сметал с себя монашескую рясу» и вновь сел на киевский стол. Он вторгся в Галичину, но Галича взять не смог.

1206 — На Галич двинулись Ольговичи: Всеволод Святославич Чермный, Мстислав Романович Смоленский, Владимир Игоревич (сын Игоря Святославича Новгород-Северского), Рюрик Киевский с сыновьями, союзные половецкие и польские полки. Галичане обратились

за помощью к венграм. Но соперники не решились вступить в битву, а когда венгры вернулись восвояси, то галичане пригласили княжить Владимира Игоревича.

1210 — Роман Игоревич при поддержке венгерского короля Андрея II захватил Галич, вынудив брата своего Владимира к бегству в Путивль, но самого Романа, когда он мылся в бане, схватили венгры, возглавляемые воеводой Бенедиктом Бором и вступившие в Галич с помощью провенгерски настроенных бояр. Лишь в 1211 г. Игоревичи изгнали венгров, при этом было казнено свыше 500 бояр провенгерской ориентации. Тогда бежавшие в Венгрию Галицкие бояре вновь призвали венгров. Игоревичи — Роман и Святослав — были выданы им галицкими боярами и повешены. В Галиче был посажен малолетний венгерский королевич Коломан.

Рюрик Ростиславич вновь лишился киевского великокняжеского стола и ушел княжить в Чернигов. На киевском столе побывали Всеволод Святославич Чермный, а с 1212 по 1223 г. — Мстислав Романович Смоленский.

1212 — Умер Всеволод Большое Гнездо. Его 28-летнее княжение ознаменовалось дальнейшим усилением могущества и авторитета Владимиро-Суздальского княжества, с которым вынуждены были считаться другие русские княжества. Всеволод с помощью жестоких военных акций добился полного вассального подчинения Рязанского княжества. В Киеве и других центрах Южной Руси сидели родичи владимиро-суздальского князя. У Всеволода ко времени его смерти оставалось шесть сыновей (Константин, Юрий, Ярослав, Владимир, Иван и Святослав), каждый из которых мог претендовать на роль преемника. Всеволод попытался укрепить положение одного из них — Юрия, — договорившись с горожанами Владимира, что тот станет ростовским князем, а во Владимире сядет другой его сын — Константин. Но Константин, уже несколько лет княживший в Ростове, отказался менять его на Владимир и даже претендовал на то, чтобы присоединить столицу к Ростову. Началась вражда между братьями: Святослав и Константин объединились против Юрия, а тот привлек на свою сторону братьев — Ярослава, Владимира и Ивана. Но затем Святослав принял сторону Юрия, а Владимир, напротив, — Константина. В 1213 г. произошла битва на реке Идше (близ Ростова), и братья пожгли друг у друга города и села.

1216 — В этом году в кровопролитной битве встретились новгородские и суздальские полки. Ярослав Всеволодович, получивший в удел Переяславль-Залесский, Дмитров, Тверь, использовал конфликт среди новгородцев (там были и сторонники и противники суздальских князей) и приказал оковать своих недругов. Воспользовавшись неурожаем и голодом в Новгороде, Ярослав не допускал подвоз хлеба. Новгородских послов, пытавшихся урегулировать с ним отношения, он задерживал и сажал в темницу. В этих условиях новгородцы приняли помощь Мстислава Мстиславича Удалого (племянника уже знакомых нам Рюрика и Давыда Ростиславичей). На первых порах Мстислав надеялся уладить конфликт, посылая к Ярославу: «Уйди из Торжка в свою волость, не нужна тебе земля Новгородская», — но Ярослав был непреклонен. Тогда Мстислав выступил с новгородцами и со своими союзниками — братом Владимиром Мстиславичем Смоленским, княжившим в Пскове, и двоюродным братом Владимиром Рюриковичем. На новое предложение о мире Ярослав ответил: «Мира не хочу, коли пошли — так идите, но на сто моих воинов один ваш будет».

Пока Мстислав и новгородцы захватывали и жгли поволжские города, из Ростова прибыл посол враждебного Ярославу Константина Всеволодовича с предложением союза и помощью

— пятьюстами воинами. Решающая битва должна была состояться на берегах речки Липицы под городом Юрьевом. Вместе с Ярославом выступил его брат Юрий, твердо заявивший, что он заодно со своим братом. Снова Мстислав и Константин послали к Ярославу: «Отпусти мужей новгородских и новоторжских и верни захваченные волости новгородские, Волок верни. Помиримся, и крест целуй нам, а крови не проливай». Ярослав снова ответил отказом. Летописец приводит речи бояр, будто бы обратившихся к Юрию и Ярославу: боярин Творимир предупреждал, что князя Ростиславичи мудры и храбры, а воины их — новгородцы и смоленцы — храбры в бою; что же касается князя Мстислава, то «дана ему от Бога храбрость больше чем всем». Но другие бояре подстрекали на битву, утверждая: не было еще случая, чтобы кто-либо пришел войной на Суздальскую землю и вернулся бы целым. И похвалялись: «Хотя бы и вся земля Русская, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская пошли бы на нас, не совладали бы с нашей силой. А эти полки — то взаправду забросаем их седлами». Вдохновленные князя стали уже в мыслях делить города и земли, которые рассчитывали добыть победой: Юрию — Владимирская земля и Ростовская, Ярославу — Новгород, Святославу Всеволодовичу — Смоленск, Киев посулили черниговским князьям, а Галич (Южный) рассчитывали взять себе.

Мстислав и Владимир также обратились к новгородцам с призывом: «Забудем, братья, дома, жен и детей, а как кто хочет умрем — кто хочет пешком, кто хочет на коне». Новгородцы решили драться пешими и сошли с коней, скинув с себя лишнюю одежду и обувь. Началась жестокая битва, в которой отличились и простые воины, и князя. Суздальцы потерпели страшное поражение: летописец утверждает, что они потеряли убитыми 9233 человека, а новгородцев будто бы пало всего пять человек да один смолянин. В некоторых летописях отразилось ростовское предание, что в войске Константина Всеволодовича сражались русские богатыри Добрыня Золотой Пояс и Александр Попович со своим слугой Торопом.[68]

Потерпевшие поражение князя бежали: Юрий поспешил во Владимир; он загнал трех коней и лишь на четвертом доскакал до своего стольного града, Ярослав лишь на пятом коне добрался до Переяславля и в ярости приказал заточить находившихся там новгородских и смоленских купцов, причем более полутора сотен новгородцев погибли, задохнувшись в тесной избе.

Победители смогли установить мир по своей воле: Константин получил Владимир, а Юрий — небольшой Городец Радиллов. Затем убедили сдаться и затворившегося в Переяславле Ярослава. При этом Мстислав не вернул Ярославу его жену, свою дочь, несмотря на просьбы князя.

Так гибли в междоусобных распрях русские воины, горели города и села. Не знали еще тогда князя, что на них надвигается страшное бедствие — нашествие монголо-татарских полчищ.

1219 — В Галиче на княжеский стол вступил новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой, победитель суздальцев в битве на Липице. Он прокняжил в Галиче с перерывами до 1228 г. Воин больше, чем политик, Мстислав всецело находился под влиянием галицкого боярства, выступая, в частности, против волынского князя Даниила Романовича, женатого на его дочери.

1223 — «В тот год, — сообщает летописец, — пришли народы, о которых никто не знает точно — кто они и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени, и что за вера их. И зовут их татарами, а другие называют тауменами, а третьи — печенегами»[69] До Руси уже дошли сведения, что неведомые завоеватели одолели ясов, обезов, касогов (народы Кавказа) и половцев.

Нападавший народ именуется в литературе монголо-татарами или татаро-монголами, что отражает сложное происхождение этнонима. Собственно, монголы и татары еще в монгольских степях составляли отдельные племена и враждовали друг с другом, пока в 1206 г. Тэмуджин не добился объединения многих племен (среди которых монголы и татары были наиболее могущественными) в единый военно-политический союз; именно после этого Тэмуджин получил титул Чингисхана. Впоследствии представителей созданного Чингисханом государства именовали то татарами, то монголами. Не следует при этом отождествлять с завоевателями XIII в. казанских татар — в значительной своей части потомков волжских болгар, покоренных теми же монголами, на которых было лишь впоследствии перенесено название «татары».[70]

Монголо-татарское войско пришло в Причерноморские степи, имея за плечами уже немало побед: в 1219 г. Чингисхан вторгся в Среднюю Азию, овладел Бухарой и Самаркандом, Хорезмом, а через Термез вступил в Афганистан, где были стерты с лица земли Таликан, Герат, Газни и другие города. Полководцы Чингисхана Джэбе и Субэдэй западным берегом Каспийского моря прошли в долины Северного Кавказа, а оттуда, разбив сначала аланов (осетин), а затем кочевавших там половцев, вступили в степи за Доном.

Потерпев поражение от монголов, половцы обратились к Галицкому князю Мстиславу Мстиславичу: «Нашу землю сегодня отняли, и ваша завтра будет взята». Свою просьбу о помощи ханы подкрепили богатыми дарами — конями, верблюдами, буйволами и невольницами. Мстислав обратился к другим русским князьям: «Если мы, братья, им не поможем, то могут перейти на сторону тех (т. е. монголов. — О. Г.) и будет у них большая сила». Русские князья стали готовиться к отпору. Монголы прислали послов, уверяя, что не помышляют о захвате русских городов и сел. Но русские перебили монгольских послов, переправились через Днепр и после девяти дней пути расположились на восточном берегу Калки. При первой же стычке дрогнули и побежали половцы, во время бегства «потоптав» лагерь русских воинов, которые не успели «исполчиться» и оказать решительное сопротивление монголо-татарам. В то же время на возвышенности возле поля битвы, огородившись сооруженным частоколом, стоял киевский князь Мстислав Романович, так и не вступивший в битву. Мстислава, находившихся с ним двух князей и их воинов окружили и, воспользовавшись предательством воеводы Плоскыни, захватили в плен. Пленных князей ожидала мучительная и позорная смерть: их связанных положили под доски, на которых уселись пировать победители. Остальных русичей погнало, преследуя, до Днепра; шесть князей были убиты, но Мстиславу Мстиславичу, победителю в битве на Липице, удалось переправиться через Днепр. Лишь один из десяти воинов смог вернуться домой. «И был вопль и плач по городам и по селам», — завершает летописец свой грустный рассказ о первой трагической встрече с неведомым и грозным врагом.[71]

После победы на Калке монголы повернули на северо-восток и напали на Волжскую Булгарию. Болгары оказали им ожесточенное сопротивление, и потрепанные монгольские полки ушли через степи Казахстана в Монголию.

Каким же было Русское государство в последнее десятилетие перед монгольским нашествием? В Киеве сидит Владимир Рюрикович, сын Рюрика Ростиславича, сменивший на этом столе погибшего на Калке Мстислава Романовича. В Галиче княжит Мстислав Мстиславич Удалой, во Владимире Волынском — Даниил Романович, в Чернигове — Михаил Всеволодович (внук Святослава Киевского, воспетого в «Слове»), во Владимиро-Суздальской земле после смерти Константина Всеволодовича вновь княжит брат его Юрий.

С начала XIII в. грозной силой становятся западные соседи Руси — литовцы, тревожащие своими набегами Новгородскую землю, Полоцкое и Смоленское княжества. В 1226 г., например, «была рать весьма жестокая, какой не бывало с начала мира», — с тревогой констатирует летописец.[72]

1230 — Даниил Романович захватывает Галич. Королевич Андрей, которому в 1227 г. отдал Галич по совету своих бояр Мстислав Удалой, отпущен Даниилом в Венгрию. С ним уходил и глава провенгерски настроенного боярства Судислав, причем горожане бросали в Судислава камни и кричали: «Изыди из града, мятежник земли!». Но затем, увидев угрозу своим привилегиям, бояре вновь стали плести заговор. Простые же горожане побуждали Даниила выступить против них, говоря: «Не подавив пчел, меда не поесть».[73]

1232 — На Галич двинулся венгерский король Андрей II с сыновьями. Галицкие бояре изменили Даниилу, и город вновь оказался во власти венгров; на галицкий стол сел королевич Андрей. Даниил был вынужден покинуть Галичину и довольствоваться небольшим владением — городом Торческом в Киевской земле. Впоследствии, опираясь на сочувствие галицкого посада и части боярства, изменившей своей прежней провенгерской позиции, Даниил вновь становится галицким князем, но ненадолго; вскоре ему откровенно заявили: «Княже, обманны слова галичан, не погуби себя и уходи прочь». Даниил уехал в Венгрию.

1234 — Новгородский князь Ярослав Всеволодович нанес поражение под Юрьевом рыцарям Ордена меченосцев. Много немцев утонуло в реке, «обломишася» (провалившись под лед?). Немцы «поклонишася» Ярославу и заключили с ним мир. После поражения, нанесенного Ордену литовцами и земгалами в 1236 г., меченосцы слились (в 1237 г.) с Тевтонским орденом, обосновавшимся с 1226 г. на земле пруссов, и стали его младшим партнером — Ливонским орденом.

1235 — Великий хан Угэдэй, преемник Чингисхана, умершего в 1227 г., на курултае (сове­те при великом хане) принял решение «завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью».[74] Эта миссия была возложена на Батыя (Бату), внука Чингисхана, чей улус соседствовал непосредственно с восточноевропейскими землями. В конце 1236 г. монголам удалось разгромить Булгарское царство.

МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

1237 — Батый вместе с пришедшими ему на помощь другими монгольскими военачальниками (Гуюк-ханом, Менгуханом, Кульканом и др.) двинулся на Рязанское княжество. По расчетам В.В. Каргалова, войско Батыя насчитывало 120—140 тысяч человек. [75] Батый остановился на рубеже Рязанского княжества, на реке Воронеж, и через своих послов потребовал дани. Рязанский князь Юрий Ингваревич послал к хану своего сына Федора с дарами. Согласно преданию Батый пожелал взять себе в наложницы княжеских дочерей и сестер и в числе их жену Федора, о красоте которой нашептал хану кто-то из рязанских вельмож. Оскорбленный требованием Батыя, Федор ответил отказом, добавив:

«Если нас победишь, тогда и будешь владеть женами нашими». Разъяренный хан приказал убить князя, а тело его бросить в пищу зверям. То же предание гласит, что жена Федора Евпраксия, узнав о гибели мужа, выбросилась с младенцем-сыном на руках из окна терема и разбилась насмерть.

Первая битва рязанцев с татарами (так в соответствии с древнерусской традицией мы будем далее называть завоевателей) произошла на границах Рязанского княжества. Много Батыевых воинов пало, но перевес сил был на стороне татар. В битве погибли рязанский князь Юрий Ингваревич и его братья, многие удельные князья, «и воеводы крепкие, и воины удалцы и резвцы рязанские». «Все как равные пали, все одну чашу смертную испили. Ни один из них не отступил», — сообщает летописец. Захватив города Пронск, Белгород и Ижеславец (два последних города так и не возродились), Батый подступил к стенам Рязани. Рязань в XIII в. находилась южнее одноименного современного города, к востоку от города Спасск-Рязанский, на правом берегу Оки. Она была по условиям того времени хорошо укреплена: обнесена валами высотой в 9—10 м, окружена рвами восьмиметровой глубины. Однако татары, значительно превосходившие рязанцев по численности, обладавшие большим искусством взятия городов-крепостей и имевшие в своем распоряжении множество различных осадных орудий, уже на шестой день осады смогли взять город штурмом. Говоря о том, что Рязань была крупным центром Древней Руси, нужно помнить о сравнительных масштабах тех времен. Так, защищенная укреплениями территория Рязани занимала площадь меньшую, чем квадрат со стороной в 700 м, а население ее в лучшем случае достигало 20 тысяч человек. Естественно, что город не мог устоять перед натиском огромного и отлично вооруженного монголо-татарского войска.

21 декабря Рязань пала. Горожан рубили прямо на улицах, в церкви были заживо сожжены искавшие там спасения женщины. «И не осталось в городе никого из живых ... не осталось ни стонущих, ни плачущих», — констатирует древнерусский писатель.[76]

1238 — Из Рязанской земли татары двинулись на северо-восток. У Коломны они разбили высланное им навстречу великим князем войско, возглавлявшееся сыном Юрия Всеволодом и рязанским князем Романом Ингваревичем. Роман был убит, Всеволод бежал во Владимир, татары же двинулись к Москве. В городе княжил юный Владимир Юрьевич, а оборону города возглавил воевода Филипп Нянько. Москва была взята, княжич пленен, а все население — от стариков до младенцев — перебито. Татары двинулись к Владимиру и раскинули стан перед Золотыми Воротами. Юрия Всеволодовича в городе не было — он с небольшой дружиной уехал за Волгу и на реке Сить поджидал своих братьев Ярослава и Святослава с полками. Во Владимире осталась основная часть его дружины и сыновья Всеволод и Мстислав. Татары осадили город и надеялись принудить владимирцев к сдаче, показав им плененного княжича Владимира. Когда это не возымело действия, то, не снимая осады с города, они отправились к Суздалью, захватили его, перебив или пленив всех горожан, а затем вернулись под стены Владимира и стали готовиться к штурму. Летописец глухо упоминает осадные приспособления противника. Из источников известно, что, например, при осаде Нишапура (города на севере Ирана) монголы использовали 3000 баллист, 300 катапульт, 700 машин для метания горшков с горючей смесью и т.д. Видимо, подобные же приспособления применялись и при осаде русских городов. После однодневного яростного штурма 7 февраля город был взят, сожжен и разграблен, а население жестоко истреблено. После падения Владимира татары захватили и другие города Северо-Восточной Руси — Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев Польский, Переяславль, Кснятин, Кашин, Тверь, Торжок, Дмитров, Волоколамск, Городец, Кострому, Галич Мерьский.[77] 4 марта произошла решающая битва на реке Сити (правом притоке Мологи). Татарам удалось окружить и разгромить русские войска. В бою пал великий князь владимирский Юрий Всеволодович с двумя сыновьями, а племянник его — ростовский князь Василько Константинович — был захвачен в плен. Его отвели в Шернский лес (между Кашином и Калязином), где находился стан татар, и, по словам летописца,

принуждали покориться и воевать на их стороне. Князь отказался и стал осуждать врагов за несчастья, причиненные его народу, в молитве прося Бога помочь христианам и сыновьям своим — Борису и Глебу. Князь был убит, его тело брошено в лесу.

Некая женщина увидела труп Василько; его перенесли в Ростов и похоронили с честью. В некрологической похвале, составленной, как полагают, по просьбе вдовы князя, княгини Марии, мы читаем проникновенные слова: «Был же Василько лицом красив, очами светел и грозен, храбр безмерно на охоте, сердцем отходчив, к боярам ласков... Слуг своих очень любил, и жили в нем мужество и ум, правда и истина с ним шествовали. Был он во всем сведущ и искусен, и благие дни провел на престоле отцов и дедов».[78]

После разгрома русских полков на Сити татары устремились было на запад дорогой, ведущей к Новгороду, но, не дойдя до него около ста верст, повернули на юг и прошли через восточные пределы Смоленского и Черниговского княжеств. Ожесточенное сопротивление оказало татарам население маленького города Козельска, задержав их на два месяца. Горожане решили: «Хотя князь наш и молод, но положим жизнь свою за него, здесь (на этом свете. — О. Т.) славу этой жизни воспримем, а там — небесные венцы от Христа Бога». И хотя татарам удалось пробить городскую стену, жители сражались до последнего, даже «ножами резались». Во время вылазки горожане уничтожали осадные машины и перебили четыре тысячи вражеских воинов, но и сами пали в бою. Батый, овладев городом, приказал истребить всех вплоть до грудных младенцев. Про малолетнего князя Василия говорили, что он утонул в крови. Под городом были убиты и три сына татарских темников (предводителей десятитысячных отрядов), трупы которых не смогли найти в гряде тел.[79] Летом монголо-татары возвратились в Причерноморские степи: им требовалась передышка и пополнение войск.

В разоренном Владимиро-Суздальском княжестве постепенно налаживалась мирная жизнь. Великим князем владимирским стал Ярослав Всеволодович, князем суздальским — его брат Святослав, другой брат — Иван — получил в удел Стародуб.

1239 — Татары нападают на Южную Русь: взяты Переяславль Южный и Чернигов. Другими отрядами сожжены Муром и Гороховец.

1240 — Летом отряд шведских кораблей проплыл вверх по Неве, намереваясь, возможно, захватить Ладогу — важнейший ключевой пункт новгородской торговли. Кто возглавлял поход, неизвестно: упоминание в источниках имени Биргера ошибочно: он стал ярлом (королевским военачальником) лишь в 1248 г.[80] Тем не менее это был достаточно сильный военный отряд, а поход преследовал помимо военных и миссионерские цели: в войске находились два епископа. И если возглавлялся поход все же ярлом, то это мог быть Ульф Фаси. «Старейшина» Ижорской земли Пелгусий дал знать новгородскому князю Александру Ярославичу о приходе вражеских войск. Воспользовавшись тем, что шведы отдыхали после долгого (3—4-недельного) морского пути на левом берегу Невы, у впадения в нее Ижоры, Александр стремительным маршем (конница — по берегу, остальные воины, видимо, на ладьях по Волхову) достиг места стоянки и 15 июля нанес шведам сокрушительное поражение. Народное предание сохранило воспоминания о доблести самого Александра и его воинов: новгородец Гаврило Олексич въехал на шведский корабль по переброшенным с борта на берег доскам, преследуя «королевича» (кто имелся в виду — неясно; у короля не было сыновей), дружинник Савва ворвался в шатер шведского полководца и, перерубив опорный столп, обрушил шатер, чем вызвал смятение среди врагов.[81]

Осенью того же года Батый подступил к стенам Киева. Летописец упоминает, что монгольский

полководец подивился красоте города. Он отправил послов, предлагая киевлянам сдаться. Но горожане (в городе был лишь воевода Даниила Романовича Галицкого Дмитр) ответили отказом. Огромное войско Батыя окружило Киев. От скрипа телег, рева верблюдов и ржания коней в городе, по словам летописца, не слышно было человеческого голоса. Под Киевом находились лучшие монгольские полководцы — Субэдэй, Бурундай, Менгухан. Были приведены в действие многочисленные осадные орудия. В районе Лядских ворот, где укрепления были менее мощными, так как перед ними находилось болото (во время осады замерзшее), Батыю удалось разрушить стену. Защитники оказывали ожесточенное сопротивление, но татары смогли ворваться в Киев. Последним очагом сопротивления был «Владимиров город», однако и тут нападавшие прорвались внутрь укреплений. Горожане возвели новую стену подле церкви Богородицы Десятинной, но сдержать натиска врагов не смогли. Рухнули стены церкви: по мнению одних, от тяжести людей, которые заполнили церковные полаты, ища в соборе спасения, по мнению других, стены рухнули под ударами монгольских таранов. Древняя столица Руси пала, а Батый двинулся дальше, в пределы Галицко-Волынской Руси.[82] Завоеватели захватили Владимир, Галич и другие города. Даниил Романович и его сын Лев уехали в Венгрию, рассчитывая на венгерскую помощь, в Польшу отправились черниговские и волыньские князья.

1241 — Монголы тем временем, продолжая движение на запад, вступили в Венгрию и Польшу. После ожесточенных боев пали Люблин, Сандомир, Краков. В битве у Лигница 9 апреля потерпели поражение объединенные силы польских, чешских и немецких рыцарей под предводительством краковского князя Генриха Благочестивого. 12 апреля было разгромлено войско венгерского короля Белы IV. Монголо-татарские полчища прошли через Венгрию, Хорватию, разорили Загреб, достигли Адриатического побережья у Дубровника и через Болгарию вернулись назад, в Причерноморские степи. Завоевание Европы монголами не осуществилось — и, возможно, потому, что силы их были ослаблены в тяжелых боях на территории русских княжеств.

1242 — Заметно активизируется Ливонский орден. Еще в 1240 г. рыцарями был захвачен древний русский город-крепость Изборск, затем Псков. Вновь приглашенный новгородцами (после размолвки и отъезда его из Новгорода) Александр Ярославич отвоевал крепость Копорье и Псков, а в апреле произошла битва на льду Чудского озера, закончившаяся полным разгромом рыцарского войска. По сообщению летописи, разбитых немецких рыцарей преследовали семь верст, 400 русских воинов погибли, 50 были взяты в плен. Орден прислал грамоту с обещанием «отступиться» от всех захваченных земель и просил обмена пленными. Эта победа окончательно остановила натиск Ордена на русские земли.[83]

РУСЬ ПОД ОРДЫНСКИМ ИГОМ

Монголо-татарское нашествие принесло неисчислимые бедствия Руси, не сравнимые с уроном, который причиняли междоусобные войны. Были сожжены, разрушены и разграблены почти все крупнейшие города (исключая Новгород, Псков и Смоленск), погибли тысячи людей, множество было угнано в плен. Из-за гибели ремесленников, мастеров-профессионалов на Руси были утрачены некоторые виды ремесел, почти

прекращается каменное строительство, резко падает активность летописания, приходит в упадок культурная жизнь страны.

Русь становится вассалом и данником Золотой Орды — государства Батыя, простиравшегося от низовий Дуная до Иртыша, Кавказского хребта и среднего течения Амударьи. Золотая Орда становится лишь номинально зависимой от Монгольского государства с центром в Каракоруме (руины города находятся в центральной части Монголии, к западу от Улан-Батора), в котором после смерти Угэдэя (в 1241 г.) власть принадлежала его вдове — ханше Туракине.

Ханы Золотой Орды и великие ханы Монголии облекли себя правом выдавать русским князьям ярлыки — грамоты, удостоверяющие их власть в тех или иных уделах, включая и право на великое княжение. Этот политический акт давал монгольским ханам неограниченные возможности вмешиваться во внутренние дела Руси, разжигать междоусобную рознь, ограничивать возможности усиления того или иного княжества, а главное, держать князей в политической и экономической зависимости, требуя ежегодной выплаты огромной дани. Кроме того, ордынцы и после Батыя нападали на русские княжества, разрушали и разоряли города, угоняли многочисленный полон.

1243 — Батый пригласил Ярослава Всеволодовича в свою столицу Сарай-Бату (близ г. Астрахани) и признал его верховным правителем Руси.

1245 — В Орду отправляются черниговский князь Михаил Всеволодович и Даниил Галицкий. Даниил соглашается на обложение его княжества данью, а Михаил отказался подчиниться ритуалу — пройти между кострами — и, несмотря на уговоры сопровождавших его бояр, остался тверд в своем решении. Тогда татарские воины «соскочили с коней и, схватив Михаила, растянули ему руки, начали бить его кулаками в грудь. После этого повалили на землю и стали избивать его ногами». Некий Доман — христианин, перешедший на сторону татар, — отрезал голову Михаилу и его боярину Федору. Оба мученика были провозглашены святыми русской церкви.[84]

1246 — Великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича принуждают отправиться в далекий Каракорум. Его посчитали ставленником Батыя, и по приказу ханши Туракины князь был отравлен. Ханша велела, чтобы к ней приехал Александр Ярославич, но тот прибыл в Каракорум лишь на следующий год.

1247 — Великим князем владимирским стал брат Ярослава Святослав. Батый прислал послов к Александру Ярославичу, требуя явиться в Орду. По словам летописца, он писал Александру: «Мне покори́л Бог многие народы. Ты же один не хочешь покориться власти моей, но если хочешь сохранить землю свою, то приди ко мне, и увидишь славу царства моего». И герой Невской и Чудской битвы, взяв благословение у митрополита Кирилла, вынужден был отправиться на поклон к Батыю. Увидев его, хан будто бы произнес: «Верно говорили мне, что нет другого мужа, подобного этому князю», — и отпустил, щедро одарив.[85]

1248 — Михаил Ярославич Хоробрит согнал Святослава с владимирского стола и сам стал

великим князем. Согласно некоторым источникам он был первым московским князем, что, впрочем, весьма сомнительно.[86] Зимой 1248/49 г. Михаил погиб в бою с литовцами на реке Протве.

1249 — Хотя Батый признал Александра Ярославича великим князем владимирским, ему предстоял еще путь в далекий Каракорум к великой ханше Туракине, которая также должна была подтвердить права князя. По расчетам В.Т. Пашуто (см.: Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1975. С. 98), расстояние от Владимира до Сарая — резиденции Батыя — равнялось 1250 км, а от Сарая до Каракорума — 4500 км по прямой; по караванным дорогам тех времен — неизмеримо больше. С Александром отправился и его брат Андрей. Принимала их уже не Туракина, а новая великая ханша — Огул Гамиш. Она объявила великим князем не Александра, а Андрея, Александру же «даровала» Киев. Однако тот поехал не в разоренную нашествием Южную Русь, а сначала во Владимир и оттуда в Новгород.

1252 — На Русь приходит татарское войско, возглавляемое Невруем. Разорен Переяславль-Залесский. Андрей Ярославич, посчитав, по словам летописца, что лучше покинуть страну, чем «царям служить», уезжает в Швецию. У Переяславля татары схватили и убили княгиню — жену тверского князя Ярослава Ярославича, видимо, бывшего единомышленником и союзником Андрея, княжичей — сыновей Ярослава; людей «без числа» взяли в полон, воеводу Жидослава убили. Александр вернулся от Батыя уже великим князем владимирским. Одновременно с Невруем другой татарский полководец — Куремса — нападает на южнорусские земли, но ему успешно противостоит князь Даниил Галицкий.

1256 — Шведы нападают на земли в устье реки Нарвы, пытаются соорудить там крепость, которая бы позволила им контролировать выход из Чудского и Псковского озер в Финский залив. Услышав о сборе новгородских войск для отпора пришельцам, шведы повернули восвояси. Зимой Александр Ярославич совершает ответный поход в Финляндию — на землю Емскую (емь — племя, населявшее центральные области Финляндии).

1257 — Монгольский хан Мункэ требует выплаты дани — тамги и десятины. Александр вместе с вернувшимся из Швеции Андреем отправляется в Орду к хану Улагчи (он правил после преемника Батыя Сартака; Батый умер в 1255 г.), но отстоять Русь от поборов не удалось. Подлежал обложению данью и Новгород. В связи с этим среди новгородцев вспыхивают волнения, убит посадник Михалко; татарские послы приезжают в город в сопровождении Александра, который сурово расправился с зачинщиками волнений: «кому нос отрезали, кому глаза выкололи».[87] Вставший на сторону недовольных сын Александра Василий был вынужден бежать в Псков, где, однако, был схвачен и отправлен во Владимир. На этот раз новгородцам все же удалось откупиться подарками хану.

1259 — В Новгород вновь приезжают татарские послы для сбора дани в сопровождении князей-братьев — Александра, Андрея и Бориса. Страшась негодующих новгородцев, татары просят у Александра дать им охрану, и князь велел охранять их «сыну посадничью и всем детям боярским по ночам».[88] Но волнения нарастали: простые горожане отказывались платить дань, призывая: «Умрем честно за святую Софью и дома ангельские». Только благодаря вмешательству Александра и бояр, которые «творили ... себе легко, а меньшим

(простым людям. — О. Т.) тяжко», татары собрали дань.

1262 — Вспыхнули антитатарские выступления в ряде городов: «Бог вложил ярость в сердца христиан, не стерпели насилия неверных и по решению веча изгнали их из городов — из Ростова, из Суздаля, из Ярославля». Речь идет, видимо, об изгнании татарских сборщиков дани, которые «откупали» дани у ханов, а затем собирали с превышением, «велику пагубу творяху людям».[89]

В этом же году Александр Ярославич заключил соглашение с великим князем литовским Миндовгом против Ливонского ордена. Однако год спустя Миндовг был убит своим племянником Тройнатом и свояком Довмонтом. Александр в четвертый раз отправляется в Орду, к новому хану — Беркаю (Берке). Как полагают, ему удалось «отмолить» русских от обязанности поставлять воинов для армии ордынцев (в эти годы монголы вели войну с арабами). Александр, зазимовавший в Сарае, разболелся.

1263 — На обратном пути из Орды в Городце (городе на Волге, выше Нижнего Новгорода) умер еще сравнительно молодым (ему было немногим более сорока лет) великий князь владимирский Александр Ярославич. Это один из самых популярных князей Древней Руси, провозглашенный русской церковью святым.[90] С его именем прежде всего связываются победы, одержанные молодым еще князем, над шведами и Орденом. В последующие годы Александр проявил себя как властолюбивый князь, любыми средствами добивавшийся великокняжеского стола, соперничавший со своим братом Андреем. С татарами Александр стремился ладить и жестоко подавлял любые антитатарские выступления. Грозным и скорым на расправу остался он в памяти новгородцев. Характеризуя его, известный историк В.Т. Пашуто в то же время отмечает: «Своей осторожной осмотрительной политикой он уберег Русь от окончательного разорения ратями кочевников. Вооруженной борьбой, торговой политикой, избирательной дипломатией он избежал новых войн на Севере и Западе, возможного, но губительного для Руси союза с папством и сближения курии и крестоносцев с Ордой. Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения. Он — родоначальник политики московских князей, политики возрождения Руси».[91]

1264 — Умер Даниил Романович Галицкий, один из самых блестящих русских князей, постоянно находившийся в гуще политической жизни соседних стран — Польши, Венгрии, Германии, Литовского княжества. Именно при нем Галицко-Волынская Русь «продолжала еще с большим блеском занимать видное место в ряду передовых государств Европы. Ее города вызывали восхищение иностранцев, ее армии ходили до Опавы и Риги, до Братиславы и Калиша», — писал о Данииле В.Т. Пашуто.[92] После смерти Даниила его сын Шварн стал княжить в Восточной Галичине (с центром в Галиче) и в Черной Руси. В Западной Галичине с городами Львовом и Перемышлем княжил Лев Данилович (в честь его и был назван г. Львов, упоминаемый впервые в 1256 г.). Во Владимире Волынском княжил брат Даниила Василько Романович.

1269 — В Новгороде вспыхнул мятеж против князя Ярослава Ярославича, который помимо великого княжения владимирского держал княжение и в Новгороде. Князю были предъявлены претензии: он отвел под свои охотничьи угодья Волхов и «поле» (для охоты на зайцев), отнял (или разорил) двор Алексея Морткинича, отнял серебро у некоторых новгородских бояр и т. д. [93] Князь попытался примириться, обещав целовать крест «на всей воле», но новгородцы все же изгнали его и послали за сыном Александра Ярославича Дмитрием, однако тот не

решился соперничать с дядей. Ярослав собрался было смирить новгородцев силой и уже послал тысяцкого Ратибора в Орду за помощью, но Василию Ярославичу удалось убедить татар, что новгородцы правы и посылать помощь Ярославу не следует.

Жители Новгорода готовились оказать Ярославу и его союзникам решительное сопротивление. Лишь вмешательство митрополита Кирилла примирило пошедшего на уступки Ярослава с новгородцами.

В том же году был жестоко убит татарами рязанский князь Роман Ольгович: его разрезали живым на куски.

1271 — Возвращаясь из Орды, умер великий князь владимирский Ярослав Ярославич. Великим князем стал его брат Василий.

В эти годы получил реальную власть в своем уделе молодой (родился в 1261 г.) московский князь Даниил Александрович, от которого пошли все великие князья московские (его сыном был известный Иван Калита). Напомним поэтому родословие от Владимира Святославича Киевского до Даниила: Владимир — Ярослав Мудрый — Всеволод — Владимир Мономах — Юрий Долгорукий — Всеволод Большое Гнездо — Ярослав Всеволодович — Александр Ярославич Невский — Даниил Александрович (см. генеалогическую таблицу № 6).

1272 — Довмонт — свояк литовского князя Миндовга, участвовавший в заговоре против него, в 1265—1266 гг. бежал в Псков и стал там князем. В 1272 г. Довмонт одержал победу над ливонскими рыцарями, напавшими на Псков.

1276 — Умер великий князь владимирский Василий Ярославич, его преемником стал сын Александра Невского Дмитрий.

1280 — Была возведена каменная крепость в г. Копорье.

1281 — Сын Александра Невского — Андрей Александрович добыл в Орде ярлык на великое княжение и привел с собой для борьбы с братом своим Дмитрием татарские полки во главе с Кавгадыем и Алчедаем. «Татары рассыпались по всей земле, и город Муром разграбили, и около Владимира, около Суздаля, около Юрьева, около Переяславля все опустошили и разграбили, и в плен увели мужчин, и женщин, и детей, а князь великий бежал из Переяславля с небольшой дружиной, а татары опустошили города и волости, села и погосты, монастыри и церкви разграбили — иконы, и кресты, и сосуды священные, и пелены (церковные расшитые занавеси. — О. Т.), и книги, и всякие сокровища разграбили. Также и возле Ростова, и около Торжка, и около Твери все опустошили до самого Торжка, многих же людей перебили, а иные от холода перемерли. Все же зло это совершил князь Андрей ... добиваясь княжения великого, но не по старшинству».[94] Судьба Дмитрия была тяжелой: с ним непрестанно враждовал брат Андрей, его ограбили и даже держали в заключении новгородцы, распри перемежались с мирными соглашениями, а при военных столкновениях Андрей постоянно обращался к Орде за помощью и приводил на Русь татарские отряды.

1293 — Андрей Александрович вновь отправился в Орду за помощью в борьбе с братом Дмитрием. Хан послал на Русь своего брата Тудана (Дюдены). Союзниками татар выступили и русские князья: Федор Ростиславич Ярославский, Дмитрий и Константин Ростовские. Было взято и подвергнуто разгрому 14 городов — Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Можайск, Волок (ныне Волоколамск), Дмитров, Углич. Затем татары направились к Твери. Тверской князь Михаил Ярославич находился в это время в Орде. Тверичи решили выдержать осаду, но дождаться князя. Когда Михаил вернулся, татары отошли от Твери.

1296 — На политической арене все чаще выступают московские князья. В этом году произошла распря («нелюбие») Даниила Московского с братом его великим князем Андреем Александровичем. Союзником Даниила выступил тверской князь Михаил Ярославич. Противники сошлись возле Юрьева, но до кровопролития дело не дошло, и князья «смирившись разошлись».

1299 — После разорения Батыем Киев какое-то время еще сохранял свое значение как центр церковной жизни Руси. Однако в 1299 г. митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева во Владимир на Клязьме, именно Владимиро-Суздальская Русь рассматривалась теперь как центр русских княжеств.

Окидывая взглядом истекший XIII в., нужно подчеркнуть, что нашествие Батыя было самым масштабным, самым разрушительным, но отнюдь не последним вторжением татар в русские земли в это столетие. Историк В.В. Каргалов пишет: «Летописи рисуют картину непрерывных татарских "ратей" в течение всей последней четверти XIII в. За 20—25 лет татары 14 раз предпринимали значительные походы на Северо-Восточную Русь (в 1273 г. — два похода, в 1275, 1278, 1281, 1282, 1283, 1284, 1285, 1288, в 1293 г. — три похода, в 1297 г.). Из этих походов три (1281, 1282, 1293 гг.) имели характер настоящих нашествий, подвергавших разгрому значительную часть Северо-Восточной Руси. Владимирские и Суздальские земли опустошались татарами за это время пять раз... Четыре раза громили татары "новгородские волости" (два раза в 1273 г., в 1281 и 1284 гг.), семь раз — княжества на южной окраине (Курск, Рязань, Муром), два раза — тверские земли. Сильно пострадали от многочисленных татарских походов второй половины XIII в. русские города Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Можайск, Дмитров, Тверь, Рязань, Курск, Муром, Торжок, Бежецк, Вологда. Целый ряд городов неоднократно подвергался нападению ордынцев. Так, после нашествия Батыя Переяславль Залесский татары разрушали четыре раза (в 1252, 1281, 1282, 1293 гг.), Муром — три раза, Суздаль — три раза, Рязань — три раза, Владимир — по меньшей мере два раза».[95]

1300 — Даниил Московский присоединил к своему княжеству Коломну. Так начался рост Московского княжества.

1302 — В мае умирает бездетный князь Иван Дмитриевич Переяславский. Согласно традиции его территория должна была перейти к великому князю владимирскому Андрею Александровичу. В Переяславль были посланы великокняжеские наместники, а сам Андрей Александрович отправился в Орду за ярлыком на княжение. Но в декабре того же года Переяславль захватил Даниил Александрович. В летописании, занимавшем промосковскую

позицию, эта акция была оправдана будто бы имевшимся завещанием Ивана Дмитриевича. Но скорее всего эта аннексия была лишь молчаливо подтверждена политическим компромиссом на съезде в Переяславле осенью 1303 г.: в марте этого года Даниил Московский умер, а Переяславль остался не за Андреем, а за сыном Даниила Юрием Даниловичем Московским.

1304 — Умер великий князь Андрей Александрович, завещавший, согласно сообщению «Повести о Михаиле Тверском», великокняжеский стол Михаилу Ярославичу Тверскому. Но вместе с последним в Орду отправился и другой претендент — Юрий Данилович Московский. Однако тверские бояре перехватили его по дороге в Суздале (или в Костроме), и он был вынужден ехать в Орду иным путем.

Пока Михаил Тверской и Юрий Московский находились в Орде, брат Юрия — Иван Данилович — занял княжеский стол в Переяславле. Тверичи во главе с боярином Акинфом выступили против него, но были разбиты. Эту битву можно считать боевым крещением будущего великого князя.

1305 — Михаил Ярославич возвратился из Орды с ярлыком на великое княжение. В том же году он напал на Юрия Московского. Это была одна из первых стычек в длинном ряду междоусобных столкновений тверских и московских князей за главенствующее положение на Руси.

По случаю получения Михаилом великокняжеского титула и был, как полагают, составлен летописный свод. Переписанный в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу князя Дмитрия Константиновича Суздальского, он дошел до нас в составе Лаврентьевской летописи. Это вторая по древности списка (после Синодального списка Новгородской первой летописи) русская летопись; следующий список южнорусского летописного свода, так называемая Ипатьевская летопись, относится уже к первой четверти XV в.

1307 — Второе столкновение Юрия Московского и Михаила Тверского — под стенами Москвы. Как полагают, именно эта битва нашла отражение в знаменитой приписке к Апостолу 1307 г.[96]

1309 — Во Владимир прибыл из Константинополя Петр, рукоположенный там в митрополиты всея Руси.

1314 — В 1312 г. умер ордынский хан Тохта, его сменил хан Узбек, и Михаил Ярославич отправился в Орду представиться новому хану. Воспользовавшись его отсутствием, Юрий Данилович решил вытеснить тверского князя из Новгорода: он отправил в Новгород своего наместника князя Федора Ржевского, а наместников тверского князя приказал арестовать. Федор Ржевский с новгородским войском двинулся на Тверь, но сражения не произошло: враждующие заключили мир. Вернувшийся из Орды Михаил Ярославич в 1315 г. «со всей землей Низовьскою и с татараы» двинулся на Новгород. В битве под Торжком новгородцы потерпели поражение. Им пришлось выдать тверскому князю Федору Ржевского и Афанасия — брата Юрия Московского.

1315 — Великим князем литовским становится Гедимин (ум. 1341). Происходивший в годы его княжения процесс переподчинения Литве исконно русских княжеств (к Литве отошли Витебск, Минск, Волынь, Друцк, Берестье) ни в коей мере нельзя рассматривать как завоевание; князя — частично Рюриковичи, частично потомки смешанных браков, частично литовцы — становились вассалами Гедимины в ходе каких-то не до конца нам известных (по скудности источников) событий. В то же время поддерживались династические связи Гедимины с русскими князьями: его дочь Мария в 1320 г. стала женой тверского князя Дмитрия Михайловича; Аигуста (полагают, также дочь Гедимины) в 1333 г. выходит замуж за княжича Семена, в будущем великого князя владимирского. На поддержку Литвы неизменно опирались, соперничая с Москвой, тверские князья, на Литву зачастую ориентировались Псков и Новгород. В 1333 г. литовский князь Наримут Глеб Гедиминович получил от Новгорода в держание Ладогу, Ореховец и Копорье. Число подобных политических и династических контактов можно умножить.

1316 — Новгородцы поднялись против Твери, с моста в Волхов был сброшен подозреваемый в сношениях с тверским князем новгородец Игнат Беск. Войско Михаила, направившееся было к Новгороду, до города не дошло, а на обратном пути заблудилось и понесло немалый урон. Михаил Тверской не решился на окончательный разрыв с Новгородом и заключил с ним договор.

1317 — Из Орды вернулся Юрий Данилович с ярлыком на великое княжение. Для борьбы со своим соперником — тверским князем (бывшим великим князем с 1305 г.) — он привел с собой татар под предводительством Кавгадыя (Кавадыя) и Астрабыла и двинулся на Тверь.

По одним сведениям, новгородцы отказались сотрудничать с Юрием, уговорившись с тверичами «не вступаться им не по ком», но, по свидетельству Тверской летописи, они все же начали грабить пограничье тверичей, пока Михаил Ярославич не нанес им поражение. В сорока верстах от Твери (у села Бортнева) произошла битва: «...и сошлись оба войска, и была сеча злая, и многих перебили вокруг князя Юрия, и одолел князь Михайло».[97] В плен попали брат Юрия Борис и жена великого князя — Кончака (в крещении Агафья), приходившаяся сестрой татарскому хану. Агафью отвезли в Тверь и там отравили.

1318 — В Орду за ярлыком на великое княжение отправились соперники — Михаил Тверской и Юрий Данилович. По словам летописца, перед поездкой Юрий молился в храме на Нерли (видимо, в церкви Покрова на Нерли близ Боголюбова, под Владимиром). Исход поездки тревожил Михаила: он знал, что против него резко настроен Кавгадый. Но князь решил: «Если я уклонюсь, то пленят землю мою и множество христиан перебьют, а после того и я от него (хана. — О. Т.) погибну; так лучше же мне сложить голову свою, чтобы не пострадали неповинные». В Орде, действительно, против Михаила выступил Кавгадый: князя обвиняли в отравлении Агафьи. Его оправданий не слушали, он был ограблен и подвергнут истязаниям. Эти физические и душевные страдания Михаила описаны в его «Житии».

Наконец, по настоянию Кавгадыя и, вероятно, не без согласия Юрия Даниловича, стремившегося расправиться со своим соперником, князь был осужден на смерть. В шатер Михаила ворвались убийцы. Его повалили наземь, били ногами, а один из пинавших по имени Романец ударил Михаила ножом в грудь и, «обращая нож семо и овамо (туда и сюда. — О. Т.), отреза честное сердце его». Труп князя был выброшен из шатра, и даже Кавгадый упрекнул Юрия: «Не брат ли это твой старший и отец? Так почему же {в таком виде} лежит

его труп обнаженный?». И Юрий повелел прикрыть тело убитого.[98]

1319 — Юрий Данилович с сыном Михаила Константином возвращается на Русь. Лишь уступая просьбам вдовы и сыновей, он разрешает отвезти тело Михаила в Тверь и предать погребению: «И от многого вопля не слышно было поющих, и не могли донести раки (гроба. — О. Т.) до церкви из-за собравшейся толпы».[99]

1322 — На Русь из Орды пришел татарский посол Ахмыл и разграбил Низовскую землю (т. е. области по средней Волге и около Нижнего Новгорода). С ним, по словам летописца, был и Иван Данилович, брат великого князя. Ярлык на великое княжение Узбек вручил сыну Михаила Тверского Дмитрию.

1323 — Новгородцы возвели крепость на Ореховом острове, в истоке Невы (ныне Орешек).

1325 — В Орде Дмитрий Михайлович Тверской убил своего недруга — Юрия Даниловича. Тело его привезли в Москву и погребли в Архангельском соборе (деревянном, предшествовавшем одноименному кремлевскому собору). Московским князем стал брат убитого Иван, известный в историографии под прозвищем Калита. Дмитрий Михайлович был казнен по приказу хана Узбека в 1326 г., а ярлык получил его брат Александр.

Мы видим, как система ярлыков не только унижала, но и ослабляла Русь: разжигалась вражда между князьями, провоцировались политические убийства (Михаила Тверского, Юрия Даниловича), ханы подкрепляли свои дипломатические акции карательными экспедициями Невруя, Дюденыя, Кавгадыя. Очередная трагедия разыгралась в Твери.

1327 — Сюда прибыл «с многими татарами» ордынский баскак Чол-хан (в русском историческом эпосе он именуется Щелкан), как полагают, двоюродный брат хана Узбека. Чол-хан занял княжеский дворец, а татары всячески притесняли местных жителей, которые обращались с жалобами к своему князю Александру Михайловичу. Тот, однако, занимал осторожную позицию и убеждал их «терпеть». Но возмущение зрело, и скоро нашелся повод для восстания горожан. Утром 15 августа дьякон Дудко повел поить на Волгу молодую откормленную кобылицу. Татары позарились на хорошую лошадь и отняли ее у дьякона, который стал кричать и просить о помощи. Завязалась драка, татары схватились за оружие. Тогда тверичи «ударил во все колокола», и, по призыву веча, против ордынцев поднялся весь город. Татары были перебиты, а сам Чол-хан сгорел в охваченном пламенем пожара княжеском дворце.

Ордынский хан не замедлил с расправой. В Орду был вызван Иван Данилович, а затем он и пять татарских темников, которых возглавлял воевода Федорчук, двинулись на Тверь: были взяты Тверь и Кашин, «а прочие города и волости опустошили, а людей иссекли, а иных в полон увели». Князь Александр Михайлович с братом бежали в Псков.[100]

1328 — Великим князем владимирским стал Иван Данилович Калита. Он вместе с тверским князем Константином Михайловичем ездил в Орду; хан повелел «искать» Александра, и к нему в Псков послали новгородского архиепископа и тысяцкого, но князь отказался ехать к

хану.

1330 — Из Новгорода, где в это время находились Иван Данилович и митрополит Феогност, вновь отправили послов в Псков к Александру, настаивая: «Пойди в Орду, не погуби христиан». Александр готов был отправиться к хану, но его удерживали псковичи, обещая «умереть вместе с ним». Тогда Иван Данилович пошел на Псков «ратью», а митрополит по его совету послал «проклятье и отлученье» на князя и на псковичей. Александру пришлось бежать в Литву.

1331 — В Москве во время пожара сгорел Кремль.

1337 — Александр Михайлович Тверской отправился в Орду, был пожалован своей отчиной (Тверским княжеством) и вернулся в Тверь с женой и детьми.

1339 — В Орду отправляется Иван Данилович с сыновьями — Семеном и Иваном, а затем в Орду «по думе его» (т. е. по совету Калиты) были вызваны Александр Михайлович и сын его Федор. Оба тверских князя были убиты в Орде по повелению хана Узбека.

Видимо, во время месячного пребывания тверских князей в Орде в окружении хана шли споры между сторонниками и противниками Ивана Калиты. Победили первые. Александру Михайловичу инкриминировали союзнические отношения с Литвой. Но, как полагают исследователи, в большей мере сыграло свою роль воспоминание о тверском восстании 1327 г. После смерти Александра Иван Калита приказал вывезти из Твери вечевой колокол.

В том же году в Москве были возведены дубовые стены Кремля.

1340 — Умирает Иван Калита. Еще в 1339 г., отправляясь в Орду, он составил завещание, в котором отказал «отчину» свою — Москву — старшим сыновьям: Семену, Ивану и Андрею, выделив каждому из них долю. Семену как старшему из братьев он поручил «братью ... молодшую и княгиню свою с меньшими детьми».[101] всю свою деятельность Калита направлял на расширение Московского княжества, его куплями впоследствии называли Галицкое, Углицкое и Белозерское княжества. Сейчас же, сохраняя уделы в руках старших сыновей, он все же подчеркивает и единство княжества, и главенствующую роль в нем своего наследника.

Великим князем всея Руси стал Симеон (Семен) Иванович, объединивший в своей власти Московское и Владимирское княжества. В то же время получило самостоятельность Нижегородское княжество, в котором княжил троюродный брат Ивана Калиты Константин Васильевич Суздальский.

1342 — После смерти Узбека ханом Золотой Орды становится Джанибек.

1345 — Великим князем литовским становится сын Гедимины Ольгерд, один из

авторитетнейших и могущественнейших литовских правителей. При нем продолжалось территориальное расширение Литовского княжества за счет западнорусских земель — именно в эти годы к Литве отойдет Волынь, восточная часть Подолии, Киевская земля с Киевом, Черниговом, Новгородом-Северским, Брянском.

Около 1345 г. в глухом лесу к северо-востоку от Москвы благочестивый юноша Варфоломей построит себе келью и церквушку. Впоследствии здесь возникнет знаменитый Троицкий монастырь, а Сергей (монашеское имя Варфоломея), его первый игумен, станет одним из самых почитаемых церковных и политических деятелей Руси.

1348 — Шведский король Магнус напал на новгородские земли и высадил свои войска на Ореховом острове (у истока Невы), а также в других районах Ижорской, Водской и Карельской земель, пытаясь обратить местное население в католичество.

Новгород обратился за помощью к великому князю Семену Ивановичу, но помощь оказана не была; сам Семен Иванович, дойдя до Торжка, вернулся в Москву, а брат его Иван Иванович, прибывший в Новгород, некоторое время спустя также ушел оттуда, так и не приняв участия в войне. Новгородцам пришлось рассчитывать на свои силы (помощь псковичей была незначительной и кратковременной: шведы угрожали их собственным границам). Тем не менее в битве на Жабче-поле новгородцы одержали победу над шведами. Правда, шведам «лестью» (они обещали не брать города, получив выкуп, но не сдержали своего слова) удалось захватить Ореховец, воеводы были взяты в плен и отправлены в Швецию. Но затем Магнус покинул пределы Новгородской земли, оставив в Ореховце гарнизон в 800 воинов. После полугодовой осады в феврале 1349 г. новгородцы вернули себе крепость. Летом 1351 г. со шведами начались мирные переговоры и был произведен обмен пленными.[102]

Неспокойно было в Твери, где соперничали великий князь Константин Михайлович Тверской и его племянник Всеволод Александрович Холмский. После смерти Константина в конфликт со Всеволодом вступил его дядя Василий Михайлович Кашинский. Последнего поддерживали московские князья — Семен Иванович, дочь которого была выдана замуж за сына Василия Михайловича, а позднее, в конце 50-х гг., и великий князь Иван Иванович.

1353 — Эпидемия чумы, бушевавшая с конца 40-х гг. в западноевропейских странах, достигла и Руси. В апреле этого года от чумы умер великий князь Семен Иванович. Возможно, от той же болезни в одну неделю скончались митрополит Феогност и два сына великого князя — Семен и Иван. Умер и брат Семена Ивановича Андрей. На сороковой день по его кончине родился сын Андрея Владимир — будущий герой Куликовской битвы.

Великим князем становится брат Семена Ивановича Иван.

1354 — В Константинополе рукоположен в митрополиты всея Руси Алексей. Князь Константин Васильевич Суздальский умирает, незадолго до смерти женив своего сына Бориса на дочери Ольгерда. Суздальским князем Орда утверждает Андрея Константиновича.

1356 — Митрополит Алексей отправляется в Орду, где исцеляет заболевшую жену хана — Тайдулу. Едва митрополита отпустили на Русь «с великой честью», как в Орде началась «замятня великая» — после убийства Джанибека ханом стал сын его Бердибек, расправившийся при этом с двенадцатью своими братьями.

1359 — Умер великий князь владимирский Иван Иванович. После него остались два малолетних сына — девятилетний Дмитрий (будущий герой Куликовской битвы) и Иван. Реальная власть в Московском княжестве оказывается в руках митрополита Алексея, постоянно поддерживавшего Дмитрия в его борьбе за великое княжение, боровшегося за единство русской церкви, выступавшего против попыток создать в Киеве вторую русскую митрополию.

1360 — Ярлык на великое княжение Орда вручила Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Он занимает стол во Владимире, но, как подчеркивает летописец-москвич, «не по отчине, не по дедине», так как перед этим великими князьями являлись московские князья Иван Данилович, Семен и Иван Ивановичи.

1362 — Московский князь Дмитрий Иванович «сперся о великом княжении» с Дмитрием Константиновичем. Получив от сарайского царя Амурата (Мюрида — одного из правителей расколовшейся во время «замятни» Орды) ярлык на великое княжение «по отчине и по дедине», Дмитрий Иванович, собрав «вои многи», с братом своим Иваном и двоюродным братом Владимиром Андреевичем двинулся на Дмитрия Константиновича под Переяславль. Тот не принял боя, уехал в свой Суздаль. Дмитрий Иванович вступил во Владимир. На следующий год Дмитрий Константинович вновь получит ярлык из Орды, но Дмитрий Иванович опять заставит его уйти из Владимира в Суздаль.

Л.В. Черепнин подчеркивает, что это «означало прямое неповиновение со стороны московской великокняжеской власти распоряжениям Сарая. Ясно, что та политика, которую проводили в отношении Орды московские князья, начиная с Ивана Калиты, стала давать трещины. Московские бояре в новых условиях начинают действовать более независимо от Орды».[103]

1363 — После разгрома татар на реке Синие Воды (р. Синюха, ясный приток Южного Буга) Ольгерд присоединил к своему княжеству Киев. Отходившие к Литве княжества избавлялись от прямого подчинения Золотой Орде, хотя Киевская, Черниговская и Волынская земли продолжали платить ей «выход». Зависимость всех этих земель от Литвы фактически ограничивалась тем, что там правили князья из литовской династии Гедиминовичей, находившиеся в подчинении великим князьям литовским.

1364 — На Руси вновь вспыхивает эпидемия чумы: «...харкали люди кровью, а иные железой болели и не долго болели, но дня два или три, а иные и один день поболев, умирали», так что мертвых не успевали погребать. Эпидемия была в Нижнем Новгороде, а затем в Переяславле, в Коломне и в Москве. «В одну могилу погребали по 5—6, а порой и по десять мертвецов; а в иных домах никого не оставалось в живых, в других же — по одному, или по двое — или женщина, или мужчина, или "отроче мало"».[104] Умер и брат Дмитрия Ивановича Иван. Сын Дмитрия Константиновича Суздальского привез из Орды ярлык на великое княжение своему отцу, но тот «отступился» в пользу Дмитрия Ивановича.

1365 — В Нижегородском княжестве произошла распря между братьями Борисом и Дмитрием

Константиновичами; Дмитрий Иванович оказал военную помощь Дмитрию Константиновичу, князь Борис получил в княжение Городец. В том же году в Москве произошел страшный пожар: выгорели весь посад, и Кремль, и Заречье. Пожару способствовала страшная жара и сильный ветер, так что головни с огнем относило за десять дворов — в одном месте гасили, а в десяти загоралось. И никто не успел спасти своего имущества — в два часа город выгорел «без остатка». На следующий год Москву вновь посетила эпидемия чумы.

1366 — Наметившийся союз Дмитрия Ивановича с князем Дмитрием Константиновичем Суздальским был скреплен браком московского князя на дочери последнего — Евдокии.

В эти же годы оформляется тесный союз Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпухово-Боровским. В грамоте, закреплявшей эту договоренность (по терминологии тех лет, «докончальной»), Владимир обещал чтить Дмитрия — «брата своего старейшего ... во отца место», князья обещают друг другу «быти ... заодин».[105]

1367 — Начало многолетней ожесточенной распри между Дмитрием Ивановичем и тверскими князьями. В самом Тверском княжестве уже шла междоусобная борьба, которая и была использована Дмитрием, поддержавшим кашинского князя Василия Михайловича против великого князя тверского Михаила Александровича. Осенью Михаил Александрович вернулся из Литвы с «литовской ратью», арестовал находившегося в Твери князя Еремея Константиновича Дорогобужского, затем двинулся на Кашин — на Василия Михайловича. Однако распря окончилась миром.

В этом году начато возведение кремлевских стен из белого камня, что впоследствии дало повод и саму Москву именовать «белокаменной».

1368 — Князь тверской Михаил Александрович был вызван в Москву «любовию», но там неожиданно для него «поимаша его и бояр его всех ... и держаша их в истоме». Лишь ожидание приезда татарских послов (которых нежелательно было вмешивать в эти распри) побудило великого князя, «укрепив» Михаила «крестным целованием», отпустить его восвояси.[106]

Но той же осенью Дмитрий Иванович двинул войска на Тверь. Михаил Александрович бежал в Литву и просил помощи у Ольгерда, женатого на его сестре Ульяне. Литовский князь вместе с тверичами и смоленцами напал на Москву. Летописец при этом подчеркивает: «Обычай же был у Ольгерда: когда куда-либо шел войной, тогда никто не знал, даже воины его, куда хочет идти ратью, ни тем более соседи его, или сопредельные, или иноземцы, или купцы, так как он не давал узнать, на кого идет, чтобы не был услышан замысел его ушами иноземцев и не дошла бы весть до той земли, на которую ведет он полки, и благодаря хитрости такой многие города и земли завоевал, не только силою своею, но и коварством своим».[107]

Так случилось и в 1368 г. Ольгерд внезапно появился под Москвой. Полки из соседних городов не успели подойти, а сторожевой полк, наскоро собранный из московских, дмитровских и коломенских воинов, был разбит недалеко от Волоколамска. Ольгерд подступил к стенам Москвы. Посад был выжжен самими жителями, однако Кремль Ольгерд взять не смог и через три дня отступил. Были пограблены и пожжены «волости и села» и подмосковные монастыри.

В 1370 г. Ольгерд вновь подступил к Москве, но после десятидневной осады предложил

перемирие. Летописец сравнивал походы Ольгерда с походами татар — это было такое же «великое зло».

1371 — Михаил Александрович Тверской получает в Орде ярлык на великое княжение. Дмитрий Иванович тем не менее не признает это пожалование, убеждает население городов не принимать Михаила. И владимирцы действительно вопрошают нового великого князя: «...не верим, почему бы тебе взять великое княжение».[108] В июле в Орду едут Дмитрий Иванович и Андрей Федорович Ростовский. В отсутствие Дмитрия был заключен новый московско-литовский договор, скрепленный обручением Владимира Андреевича Серпуховского и дочери Ольгерда Елены. Тем временем из Орды возвращается с ярлыком на великое княжение Дмитрий Иванович, приведя с собой выкупленного им за 10 000 рублей серебром сына тверского князя — Ивана. Однако Дмитрий задержал его «в истоме» и отпустил в Тверь лишь в 1374 г.

В том же 1371 г. зимой Дмитрий Иванович посылает полки против рязанского князя Олега Ивановича. Московский летописец иронизирует: рязанцы будто бы и свирепы, и высокоумны, и даже полоумны; перед боем возгордились — «не возьмем с собой ни щитов, ни копий, никакого иного оружия, а возьмем лишь веревки, чтобы вязать каждого из плененных москвичей, ибо они слабаки, и трусы, и не мужественны».[109] Но случилось иначе: в битве на реке Скоринице москвичи одержали победу, и в Рязань был посажен союзный Дмитрию Ивановичу князь Владимир Ярославич Пронский, впрочем уже в следующем году изгнанный Олегом.

1372 — В Торжке новгородцы возводили укрепления: «...и град поставиша крепок зело, и остроги вся уготоваша». В то же время были «задержаны» находившиеся в городе тверские купцы. В ответ на это Михаил Александрович подступил к Торжку с «ратью» и потребовал выдать тех, кто ограбил его купцов, а также принять в городе его наместника. Торжковцы не уступили, под стенами города произошла битва, в ходе боя новгородцы, принимавшие в нем участие, будто бы отступили, и это принесло победу тверичам. Торжок был сожжен, а его жители перебиты и ограблены. «Было многое множество мертвых, избитых, утонувших, обожженных, задохнувшихся в дыму, так что заполнили трупами пять братских могил. А другие начисто сгорели, а иные утопленники уплыли вниз по Тверце». Такой беды не было Торжку даже от татар, заключает летописец.[110]

В том же году по призыву Михаила Александровича Ольгерд в третий раз пошел на Москву, но потерпел поражение под Любутском, на Оке.

1375 — Дмитрий Иванович вместе с союзными князьями из Суздаля, Ростова, Смоленска, Ярославля и других городов идет походом на Тверь. 5 августа город был окружен, 8 августа начался приступ. Бои под стенами Твери продолжались около месяца, вся Тверская земля была разорена. Не дождавшись обещанной помощи от Литвы и видя страдания тверичей, Михаил Александрович «дался на волю» Дмитрию Ивановичу. Был заключен мир, подведший черту под почти столетним противоборством двух сильнейших княжеств за лидерство на Руси.

Разумеется, складывание централизованного государства не могло осуществляться без насильственного подчинения прежде суверенных княжеств Москве. Но констатируя объективное движение исторического процесса, с гордостью и удовлетворением следя за

этапами становления могущественной централизованной Руси, мы не можем не склонить головы перед памятью о многострадальном русском народе: перенесшие все тяготы монголо-татарского нашествия люди продолжали гибнуть и «у себя дома» в бесконечных феодальных войнах.

Эта братоубийственная война, разумеется, не национальная черта: подобным же образом происходил процесс становления централизованного государства и в других европейских странах. Вспомним о Столетней войне во Франции (1337—1453), о войне Алой и Белой роз в Англии (1455—1485), о Тридцатилетней войне в Германии...

Так не станем же уподобляться зрителям римского цирка, славившим победителей и с равнодушием взиравшим на предсмертные муки побежденных. Склоним головы перед жертвами войн, походов, осад, пожаров. Это предки наши, на долю которых выпала тяжелая судьба.

Вернемся вновь к событиям тех лет.

1377 — Умер великий князь литовский Ольгерд, ему наследовал сын его Ягайло.

Татары осуществляют набег на русские земли (традиционно считается, что возглавлял поход царевич Араб-шах). Навстречу ему двинулось большое войско: владимирцы, переяславцы, юрьевцы, ярославцы. Нижегородскую рать возглавляли сын Дмитрия Константиновича Иван и князь Семен Михайлович. Битва произошла на реке Пьяне, левом притоке Суры (в юго-восточной части нынешней Нижегородской области). Русские, не зная, где находятся татары, повели себя крайне беспечно: доспехи свои положили на телеги, а иные даже упрятали «в сумы»; сулицы были «не насажены», щиты и копья не изготовлены, сами же воины разъезжали полураздетые, пьяные, развлекались охотой. Мордовские князья провели татарские полки в тыл русских, и те напали на них внезапно, «бьюще, колюще и секуще». Русские не успели оказать сопротивления и бежали. Князь Семен Михайлович и его бояре были перебиты, князь Иван Дмитриевич в растерянности («в оторопе») бросился к реке, но при переправе утонул. Беспечность стоила дорого: татары смогли внезапно оказаться под стенами Нижнего Новгорода. Князь Дмитрий Константинович, оказавшийся без войска, бежал в Суздаль, а горожане в лодках уплыли в соседний Городец. Новгород был предан огню, татары пожгли и разорили окрестные селения, перебили и увели в полон их жителей.[111]

Русско-ордынские отношения 70—80-х гг. можно понять, лишь обратившись к событиям в самой Золотой Орде. После смерти в 1359 г. хана Бердибека в Орде началась смута. Фактически она распалась на две части, границей между которыми была Волга. Территории к западу от Волги до Днепра, Крым и Северный Кавказ оказались под властью хана Абдуллаха, но реальная власть принадлежала темнику Мамаю, женатому на дочери Бердибека и находившемуся на высшей должности беклерибека. Столица Золотой Орды — Сарай ал Джерид (на левом берегу Волги, ниже Волгограда) — находилась в руках другой части Орды, занимавшей территорию восточнее Волги. Феодалы правобережья либо подчинялись Мамаю, либо отселялись на границы его владений. Один из них, Булак-Тимур, захватил город Булгар. Но в 1367 г. русские выгнали его оттуда, и власть перешла к местному князю Хасану. Когда же Мамай изгнал его из Булгара, тот основал на новом месте, недалеко от Волги город, названный его именем (будущую Казань).[112]

Необходимо вспомнить и о судьбе Улуса Джучи в целом. «Государство Золотая Орда (Улус Джучи) состояло из двух крыльев: правого — Ак-Орда (Улус Бату со столицей в Сарае на Волге) и левого — Кок-Орда (Улус Орды со столицей в Сырчане на Сырдарье). Причем главенствующую роль всегда играла Ак-Орда, и правившие здесь ханы династии Бату

назначали и утверждали ханов Кок-Орды».[113]

Именно из Кок-Орды (в русских источниках она называлась Синей Ордой) в Поволжье явился хан Тохтамыш. Он захватил Сарай ал Джерид, но затем на два года его вытеснил оттуда Араб-шах. С Тохтамышем Мамай столкнется в 1380 г., а русские — два года спустя.

1378 — Татары вновь подошли к Нижнему Новгороду, еще не оправившемуся после прошлогоднего разорения, и вступили в него. Князь Дмитрий Константинович, прибывший из Городца, попытался откупиться, но татары отказались от выкупа и сожгли город.

В том же году Мамай послал против Руси войско под командованием Бегича. Дмитрий Иванович встретил татар в Рязанской земле, на реке Воже, притоке Оки. Несколько дней оба войска стояли друг против друга на ее берегах. 11 августа татары переправились через Вожу, завязалась битва. Русские ударили с трех сторон — Данила Пронский, окольный великого князя Тимофей и сам князь со своим полком — и победили; татары обратились в бегство, неся большие потери. Эта битва была первой и весьма значительной победой над татарами. [114]

РУСЬ СБРАСЫВАЕТ ИГО: ОТ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ДО УГРЫ

1380 — Мамай двинулся на Русь, рассчитывая в случае победы на богатые трофеи и приобретение высокого авторитета в раздираемой междоусобицами Золотой Орде. Надеялся хан и на поддержку литовского князя Ягайлы, который должен был напасть на русских с запада. Войско Мамай, по расчетам современных исследователей, насчитывало около 60 тысяч человек.

Примерно такое же по численности войско собрал для отпора ордынцам и Дмитрий Иванович. Помимо московских полков в Коломну, где было назначено место сбора, стянулись полки из Белоозера, Серпухова, Переяславля, Костромы, Владимира, Суздаля, Муром, Ростова, Нижнего Новгорода и других русских городов. Пришли к Дмитрию со своими дружинами и сыновья Ольгерда Дмитрий Брянский и Андрей Полоцкий, незадолго перед тем перешедшие под власть московского князя. Возглавляли русское войско помимо великого князя Владимир Андреевич Серпуховской, боярин Михаил Андреевич Бренков (Бренок) и воевода Дмитрий Боброк. Из Коломны полки двинулись к переправам через Дон и расположились вблизи впадения в него реки Непрядвы, на Куликовом поле. Русское войско было разделено на 6 полков: Сторожевой, Передовой, Большой, Правой руки,левой руки и Засадный.

Битва началась, когда рассеялся утренний туман — около половины двенадцатого, и продолжалась четыре часа. После поединка татарского богатыря с Александром Пересветом — боярином, постригшимся в монахи, — в котором погибли оба сражавшихся, сошлись в

битве полки. Сравнительно неширокое Куликово поле (2.5—3 км) лишило противников возможности использовать фланговые охваты; воины бились буквально плечом к плечу, «от великия тесноты задыхахуся». Несмотря на стойкое сопротивление русских, татарам удалось прорвать их ряды, но обратилась в бегство лишь небольшая часть молодых ратников, остальные продолжали яростно сражаться. Был ранен (или контужен) Дмитрий Иванович, в Большом полку татары подсекли полковое знамя... Именно в этот момент из дубравы устремился в битву Запасной полк под водительством Владимира Андреевича Серпуховского. Вступление в бой свежих сил решило исход сражения: татары обратились в бегство.[115] Мамай лишь с четырьмя соратниками бежал в Крым. В том же году он потерпел поражение от хана Тохтамыша в битве на Калке, бежал в Кафу и был там убит.

Победа досталась русским дорогой ценой. Князя Дмитрия Ивановича с трудом отыскивали среди тел убитых и раненых; погиб Михаил Бренок, погибло множество военачальников: князей, бояр, предводителей небольших войсковых единиц — всего около восьмисот человек. Общие потери исчисляются примерно в 20 тысяч человек. Шесть дней хоронили убитых; князей и бояр в дубовых колодах повезли для погребения в родных местах.

Великий князь литовский Ягайло не подоспел к битве: по одним сведениям, он, узнав о поражении татар, повернул назад; по другим, впрочем сомнительным, напал на возвращавшиеся после битвы в Москву русские войска. 21 сентября русские полки достигли Коломны, а 1 октября победителей радостно и торжественно встречала Москва.[116]

Несмотря на то что военный потенциал Руси был сильно ослаблен людскими потерями, значение победы на Куликовом поле трудно переоценить. Впервые огромное татарское войско было разгромлено и поле битвы осталось за русскими. Нельзя забывать, однако, победоносное сражение на реке Воже, но масштабы и политический резонанс этих двух битв несоизмеримы. И хотя впереди еще будет нашествие Тохтамыша, набег Едигея, поход Улу-Мухаммеда, перелом наступил, и прежде всего перелом в сознании людей. Полное освобождение от татарского ига произойдет еще через сто лет, но Дмитрий Иванович в своем завещании уже смог выразить убеждение, что придет время, когда «дети его» не станут «давати выхода в Орду».

1382 — Недолго довелось Руси жить в мире. Хан Тохтамыш, разгромивший Мамаю и объединивший под своей властью Орду, неожиданно подступил к стенам Москвы. Дмитрий Иванович покинул город и через Переяславль направился в Кострому, не найдя возможности противостоять татарам: еще не оправилась Русь после давшей дорогой ценой победы над Мамаем, и к тому же «обретется в князех розность, и не хотеху пособляти друг другу». В Москве началась паника: одни спешили покинуть город, другие препятствовали их отъезду. Инициативу обороны города взял на себя литовский князь Остей, внук Ольгерда. Четыре дня горожане выдерживали осаду: гремели с кремлевских стен тюфяки (пушки), в татар металы камни, на головы осаждавших лили кипяток. Суконник Адам сумел поразить стрелой татарского военачальника. Но затем татарам, обещавшим мир в обмен на выкуп, удалось выманить из города князя Остея. Он и сопровождавшие его священники были убиты, а осаждавшие ворвались в Москву. Летопись сохранили страшные картины погрома и насилия: улицы оглашались криками и стенаниями, из церквей выволакивали укрывавшихся там людей, срывали с них одежды, а самих убивали; были разграблены церкви и сожжены снесенные в храмы книги, груды которых достигали стропил. Москвичи же — мужчины, женщины и дети — «все те посечены были, а другие в огне сгорели, а иные в воде потонули, множество же иных в полон уведено было». В один час изменился облик Москвы, города великого, чудного и многолюдного. По словам летописца, «не на что было смотреть, была разве что земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены». Тохтамыш отправил свои полки к Владимиру, Звенигороду, Юрьеву, Волоку, Можайску и другим городам, был взят и сожжен Переяславль. Лишь около Волока

Владимир Андреевич Серпуховской нанес татарскому отряду поражение; после этого татары вернулись в Орду, по пути, впрочем, разорив город Коломну.

Через несколько дней в опустошенную Москву вернулись Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич. Завершая рассказ о нашествии Тохтамыша, летописец восклицает: «Сколько сотворили убытков своими набегам, сколько городов захватили, сколько золота и серебра и всякого имущества захватили и ценностей всяких, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли скольких мечами посекали, скольких в плен увели!». [117]

1383 — Все еще остается в силе унижительный обычай получать ярлык на великое княжение из рук ордынского хана. Для подтверждения своих прав Дмитрий Иванович посылает к Тохтамышу за ярлыком сына своего Василия. Права Дмитрия пытается оспорить тверской князь Михаил Александрович. Тохтамыш подтвердил ярлык Дмитрия, но оставил у себя заложниками княжичей: Василия Дмитриевича и сына тверского князя — Александра. Лишь в 1386 г. Василию удалось окружным путем через Подольскую землю бежать из Орды, Александр вернулся в том же году в сопровождении татарского посла. Однако Михаил Александрович добился желаемого: он получил Тверскую землю из рук татар (а не великого князя!) в качестве ханского пожалования.

1386 — Князь Олег Рязанский захватил Коломну, пленил наместника и вывез немало золота и серебра. Дмитрий Иванович послал на Рязань Владимира Серпуховского. Лишь осенью игумену Троицкого монастыря Сергию Радонежскому удалось примирить московского и рязанского князей. В том же году состоялся поход Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича на Новгород в отместку за то, что новгородские ушкуйники (вооруженные дружины, промышлявшие разбоем) разграбили Кострому и Нижний Новгород. Окрестности Новгорода и 24 пригородных монастыря были сожжены. После переговоров новгородцы откупились за виновных 8 тысячами рублей.

1387 — Смоленский князь Святослав Иванович пошел на Литву, желая вернуть себе захваченный город Мстиславль. Пока он осаждал город, подошли литовские полки. Смоляне потерпели поражение, князь Святослав был убит, его сыновей и бояр, пленив, увели в Литву, с горожан потребовали контрибуцию, а в городе посадили Юрия Святославича, но уже «из своей руки».

1389 — В возрасте 39 лет умер великий князь Дмитрий Иванович. Жизнь его была «исполнена ратных и государственных трудов; отмечена она дальновидностью политических, военно-стратегических целей и умением окружать себя опытными государственными советниками — среди них находились такие крупные люди, как соправитель первых лет власти митрополит Алексей, печатник (канцлер) Дмитрий (Митяй), неизменный военный помощник двоюродный брат серпуховской князь Владимир Андреевич, дальновидный церковный деятель Сергей Радонежский и др.». Дмитрий был человеком «решительным, здравомыслящим и политически искушенным», — так оценивает его деятельность современный историк. [118] Древнерусский автор в блестящем по форме «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» не в силах сдержать патетической похвалы князю: «...неприятелю же всегда был страшен в бранях и многих врагов, на него поднимавшихся, победил. И славный град Москву стенами он на диво всем оградил (имеется в виду постройка в 1367 г. каменных стен московского Кремля. — О. Г.)»; «И могуществом власти своей оградил он землю; от востока до запада было прославлено имя его ... до конца вселенной

разнеслась слава его»; был он «венец победы, плавающим пристанище, корабль богатству, оружие на врагов, стена нерушимая», а когда умер «царь земли Русской Дмитрий, воздух взмутился, и земля тряслась, и люди пришли в смятение».[119]

Перед смертью Дмитрий разделил свое княжество: Московское княжество получил его старший сын Василий, второй сын — Юрий — получил Звенигород и Галич, Андрею достались Можайск и Белоозеро, Петру — Дмитров. Тяжелейшей феодальной войной обернется через несколько десятилетий это дробление великокняжеского удела.

Но ничто пока не предвещало будущих бед.

1392 — Из Орды от Тохтамыша вернулся Василий Дмитриевич, получивший ярлык на Нижегородское княжество; оно присоединялось отныне к Великому княжеству Московскому.

Умер Сергей Радонежский — один из наиболее чтимых и авторитетных церковных деятелей. Он не раз, выполняя просьбу Дмитрия Донского, способствовал примирению враждующих князей. Именно к нему, согласно преданию, отправился за благословением перед Куликовской битвой великий князь.[120]

В 1395 г. по Кревской унии объединились Польша и Литва, королем стал бывший великий князь литовский Ягайло. Однако его двоюродный брат Витовт все же сумел добиться автономии возглавляемого им Великого княжества Литовского. На дочери Витовта Софье был женат Василий Дмитриевич, но это не мешало Витовту стремиться к расширению своих владений на восток.

1395 — В этом году Русь столкнулась с еще одним могущественным завоевателем — Тимуром. Его политическая деятельность началась в Средней Азии: с 1370 г. он стал эмиром Мавераннахра — государства с центром в Самарканде, образованного на территории Джагатайского улуса Монгольского государства. Затем Тимур подчинил Хорезм, разгромил Золотую Орду, нанеся в 1391 г. поражение Тохтамышу в долине реки Кондурча (ныне территория Самарской области). Второй поход на Тохтамыша Тимур предпринял через Кавказ. В долине Терека Тохтамыш был разгромлен. Тимур вышел в Причерноморье, достиг Днепра, оттуда повернул на северо-восток и вторгся в Рязанское княжество (об этом и расскажет русская летопись). В 1402 г. в битве при Анкире (Анкаре) Тимур разгромил османского (турецкого) султана Баязида, который в то время, овладев большей частью полуострова Малая Азия и Балканским полуостровом, фактически мог со дня на день решить судьбу Византии: некогда могущественной империи принадлежал теперь только полуостров Пелопоннес и крошечная территория к северо-западу от Константинополя. Разгром османов и пленение Баязида продлило существование Византии еще на полвека. В 1404 г. Тимур умер во время похода на Китай.

Итак, в 1395 г. Тимур вступил в пределы Рязанской земли, взял Елец, пленив елецкого князя. Навстречу Тимур из Москвы двинулся князь Василий Дмитриевич. На берегу Оки, возле Коломны, русское войско и войско Тимура стояли друг напротив друга в течение двух недель, после чего полки Тимура внезапно покинули пределы Руси. Причины ухода Тимура неясны, но современники посчитали, что Русь спасло божественное заступничество: как раз в это время в Москву была доставлена из Владимира чтимая там икона Богородицы. В честь этого события на Руси был установлен церковный праздник.[121]

В том же году великий князь литовский Витовт обманом захватил Смоленск. Он прибыл под стены города с большим войском, заявив, что отправляется в поход против Тимура. Вышедшему ему навстречу смоленскому князю Глебу Святославичу Витовт предложил себя

в посредники в разгоревшихся среди смоленских князей династических спорах. Ему поверили, и из города вышли «все братья Святославичи и все князья смоленские с боярами своими». Витовт пленил их, отослал в Литву, а в Смоленске посадил своего наместника. В том же году Литва напала на Рязанское княжество.

1398 — Турецкий султан Баязид осаждает Константинополь. Услышав об этом, Василий Дмитриевич посылает в Византию «много серебра и милостыню с чернецом Родионом Ослебятей, бывшим прежде боярином Любутска». Посылает «милостыню» и тверской князь.

В Орде Темир-Кутлуг свергает Тохтамышу, и тот с согласия Витовта переезжает со своими женами и двумя сыновьями в Киев.

1400 — Витовт, собрав многоплеменное войско — литовцев, немцев, татар (из числа пришедших с Тохтамышем), а также жителей Валахии и Подолии, двинулся в поход на Темир-Кутлуга. По словам летописца, Витовт рассчитывал вернуть власть в Орде Тохтамышу, а сам с его помощью занять московский престол.

12 августа на реке Ворксле, левом притоке Днепра, произошла битва. Витовт потерпел поражение, при этом бежавший с ним вместе Тохтамыш «много пакости учинил земле Литовской». Потери побежденных были велики: пали многие князья, воеводы и бояре, множество простых воинов. Темир-Кутлуг подступил к Киеву, взял с него выкуп в 3 тысячи рублей серебром и прошел, воюя землю Литовскую, вплоть до Луцка. В этой битве пали среди прочих герои Куликовской битвы — Андрей Ольгердович Полоцкий и Дмитрий Ольгердович Брянский, князья киевский, смоленский и краковский.

В том же году после тяжелой болезни умер Михаил Александрович Тверской, давний соперник московских князей. Летопись подробно описывает последние часы жизни князя. Он узнал, что из Константинополя вернулся посланный им протопоп Данило (с «милостыней» императору и патриарху) и привез патриаршее благословение и икону. Князь Михаил велел торжественно встретить святыню, «а сам встал с постели своей, словно бы забыв о старости своей и словно не ощущая болезни своей, и встретил ту икону на дворе своем». Затем князь пригласил на обед епископа и клир, а после обеда стал прощаться со всеми и просить у всех прощения; присутствовавшие «не в силах удержаться горько плакали». Затем князь попрощался с детьми, выделив им уделы, указал место своего погребения, принял постриг и через шесть дней скончался в монастыре.[122] Тверским князем стал Иван Михайлович.

1402 — Умер князь Олег Рязанский. Суздальский князь Семен Дмитриевич, вот уже восемь лет находившийся в Орде и добившийся права на свою «отчину» — Нижегородское княжение, услышав, что жена его схвачена посланцами Василия Дмитриевича и увезена в Москву, сам явился туда, помирился с великим князем, а затем с княгиней и детьми поехал на Вятку, где после пяти месяцев болезни умер. «Много трудов принял, — заключает рассказ о нем летописец, — не обретая покоя ногам своим, и не достиг ничего, все всуе стараясь».[123]

1404 — Витовт с огромным войском подошел к стенам Смоленска. Осада длилась семь недель, но смоленская крепость, несмотря на обстрел ее из пушек, не сдавалась. Воспользовавшись тем, что Витовт отошел от города и стал разорять Смоленскую землю, Юрий Смоленский отправился в Москву и бил челом Василию Дмитриевичу, предлагая перейти в его подчинение со всем своим княжеством. Но Василий отказался, «не хотя

изменить Витовту». Тем временем Витовт возобновил осаду, и смоленцы, не выдержав голода и лишений, сдались. Княгиню, жену Юрия, Витовт отослал в Литву, сторонников Юрия выслав или казнил, в городе посадил своих наместников. Смоленск перешел под власть Литвы и был возвращен Русскому государству лишь в 1514 г. Юрий с сыном Федором бежали в Новгород. Два года спустя князь приехал в Москву и получил от великого князя Василия Дмитриевича в управление город Торжок. Но здесь Юрий совершил проступок, покрывший его несмываемым позором. Князь захотел сделать своей наложницей Ульяну, жену подчиненного ему князя Семена Мстиславича Вяземского. Но княгиня, храня верность своему мужу, воспротивилась насилию и на ложе нанесла оскорбителю удар ножом. Тогда Юрий приказал убить князя Семена, а Ульяну, отрубив ей руки и ноги, бросить в реку. Спасаясь от «срама и бесчестия», Юрий бежит в Орду и год спустя умрет на чужбине — в одном из монастырей в Рязанском княжестве.

1406 — Между Витовтом и Василием Дмитриевичем произошел раздор из-за нападения Литвы на Псков. В сентябре их войска сошлись для битвы на Пашковой гати (где-то на берегах р. Плавы, правого притока Упы, в нынешней Тульской обл.), но сражение не состоялось, и князья примирились.

Умер один из самых выдающихся церковных деятелей средневековой Руси митрополит Киприан. Он был рукоположен в митрополиты в 1375 г. и по замыслу константинопольского патриарха Филофея должен был стать единым митрополитом для Московской Руси и православного населения княжеств, входивших в состав Великого княжества Литовского. Но этот проект вызвал резкое неодобрение на Руси, и митрополит остался в Киеве, тем более что престарелый митрополит Алексей был еще жив. После смерти Алексея (в 1378 г.) Киприан попытался явиться в Москву сам, но по приказу Дмитрия Ивановича был арестован и выслан. Лишь в 1381 г. Дмитрий Иванович призвал Киприана на митрополичий стол, но уже в 1382 г. тот был вынужден снова уехать из Москвы в Киев и стать митрополитом подвластных Литве русских княжеств. В 1390 г. Киприан вернулся в Москву и с этого времени до самой смерти оставался митрополитом как Руси, так и православного населения Великого княжества Литовского, к союзу с которым Киприан настойчиво стремился склонить Василия Дмитриевича.[124]

1408 — С конца XIV в. в Золотой Орде выдвигается новый деятель — эмир Едигей. Не принадлежа к роду чингисидов, он не мог рассчитывать на титул хана, но, подобно Мамаю, стремился добиться реальной власти при бесцветных номинальных правителях. Едигей являлся фактически главой Орды при сыне Темир-Кутлуга Шадибеке и при сыне последнего Булате (Пулад-хане). Эмир стремился восстановить «престиж Золотой Орды, прибегая для этого ко всем испытанным татарами средствам. Булат-Салтан (Пулад-хан) требовал, чтобы русские князья, как и прежде, ездили в Орду, получали из рук ханов ярлыки на княжение, привозили бы подарки, разрешали бы у золотоордынского престола споры друг с другом, как у верховного судьи, и т. д.».[125]

Именно эти цели преследовал и поход Едигея на Москву в 1408 г. Узнав о приближении татарского войска, великий князь Василий Дмитриевич покинул столицу и «отъехал» в Кострому.

1 декабря Едигей вступил в пределы Московского княжества.

«Рассыпались по всей земле, словно злые волки, по всем городам и областям, и по волостям и по селам, и не оставалось такого места, где бы не побывали татары. Были взяты и сожжены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец». Сам Едигей стоял в

селе Коломенском, вблизи Москвы, и оттуда направил послов к тверскому князю Ивану Михайловичу, веля ему прибыть со всею своею ратью, «и с пушками, и с тюфьями, и с самострелами и со всеми орудиями градобитными», готовясь сокрушить укрепления Москвы. Но тверской князь не захотел изменить крестному целованию и дружественным отношениям с московским князем: он с небольшой дружиной вышел из Твери, однако, дойдя до Клина, возвратился оттуда в Тверь. Летописец одобряет поступок Ивана Михайловича — он поступил так, «дабы ни Едигея разгневать, ни великого князя не оскорбить». А Москва оставалась в осаде. В городе находились князь Владимир Андреевич Серпуховской, уже немолодой (ему было 55 лет) герой Куликовской битвы, братья великого князя — Андрей и Петр — и другие князья. Едигей намеревался зимовать под стенами Москвы, но достичь своего — овладеть городом. Однако в это время в Орде началась очередная смута и Булат потребовал срочного возвращения Едигея. Тот пошел на хитрость; не поведав о готовящемся марше в Сарай, он потребовал у москвичей огромный выкуп — 3 тысячи рублей. Получив его, Едигей снял осаду и возвратился к Булату.

Хотя летописец прославляет избавление Москвы и приписывает его божественному заступничеству, последствия нашествия Едигея были трагическими: татары отходили с награбленным имуществом и «узорочьем» (богатством, ценностями), а число пленников превышало несколько тысяч. «Горестно было видеть, и слез многих достойно, как один татарин до сорока христиан вел, грубо связав их, многое же множество посечено было, иные же от холода умерли, другие от голода и нужды... И была тогда во всей Русской земле среди всех христиан туга великая и плач безутешный, и рыдание, и стоны, ибо вся земля пленена была начиная от земли Рязанской и до Галича, и до Белоозера».[126]

Поход Едигея не должен создать впечатление, что после победы на Куликовом поле в отношениях Руси и Орды ничего не изменилось. Орда имела еще возможность совершать опустошительные набеги, но одновременно вынуждена была считаться с возрастающей силой Московской Руси. Характерны, например, сетования того же Едигея в грамоте, направленной им Василию Дмитриевичу в 1408 г.: «А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили». И далее: «Как царь Темир-Кутлуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни кого иного не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом».[127]

1410 — Как полагают, во время своего похода на Москву Едигей передал Нижегородское княжество Даниилу и Ивану, сыновьям нижегородского князя Бориса Константиновича (вскоре, однако, используя очередную смуту в Орде, Василий Дмитриевич вернет себе Нижний Новгород). В 1410 г. Даниил Борисович призвал к себе татарского царевича Талыча и направил со своими и с татарскими полками — по полторы сотни русских и татар — боярина своего Семена Карамышева на Владимир. К городу подошли скрытно, лесами, в полдень, когда горожане спали. Наместника во Владимире не было, и нападавшие начали сечь жителей и грабить посад. Подошли к соборной церкви святой Богородицы (Успенскому собору) — в ней заперся поп Патрикей, который успел спрятать церковные сокровища («сосуды золотые и серебряные») и часть людей, а сам, сойдя с церковных полатей и сбросив лестницы, чтобы нападавшие не догадались, где находятся ценности, стал молиться. Татары ворвались в церковь, стали грабить ее и истязать Патрикея, требуя рассказать, где остальные ценности и спрятавшиеся люди, но он стойко переносил пытки и молчал. Его истязали огнем («на сковороде пекли»), загоняли под ногти щепы, «ноги прорезав, ремни продернули ...вслед за лошадью волочили», и в этих мучениях Патрикей умер. Были разграблены все церкви и город, захвачены пленные. И случилось это, подводит грустный итог летописец, «от своих же братьев христиан».[128]

Этот год отмечен и важным событием в истории славянских народов — произошла

знаменитая Грюнвальдская битва, в которой объединенные силы Польши и Литвы с поддержкой чехов, венгров и русских смоленских полков в многочасовой битве нанесли сокрушительное поражение рыцарям Тевтонского ордена: 18 тысяч крестоносцев было убито, 14 тысяч попало в плен. Эта битва окончательно остановила экспансию Ордена.[129]

1417 — На Руси вновь вспыхнула эпидемия чумы, охватившая Новгород, Ладогу, Старую Руссу, Порхов, Псков, Торжок, Тверь и Дмитров. Живые не успевали погребать умерших, а один здоровый едва успевал помогать десяти больным. Опустели многие дома — в некоторых осталось по одному-двум жителям, а где и всего один ребенок. Симптомы болезни были таковы: «Сначала словно рогатиной ударит под лопатку, или напротив сердца в груди, или между лопаток, и разболевшись начинает харкать кровью, и в огне горит, а потом в поту, а потом в ознобе, и ходит по всем суставам человеческим болезнь та. Опухоль же у одного на шее, у другого на ноге, у того под мышкой или под скулой, или за лопаткой, или в паху и на иных местах».[130]

1420 — Чума появилась теперь в Костроме, Ярославле, Галиче, на Плесе (на Волге, выше Кинешмы), в Ростове. И умерло столько народа с начала эпидемии (а началась она в августе), что некому было жать; к тому же на Никитин день (т. е. 15 сентября) выпал снег и шел три дня и три ночи, а выпало его почти полметра. После этого мало кто даже из оставшихся в живых смог убрать урожай. А после «мора» начался голод.

1421 — На Новгородскую землю обрушилось стихийное бедствие: небывалое половодье в Волхове снесло 20 устоев моста в Новгороде, от воды пострадали деревянные мостовые, многие дома были сорваны с оснований, а люди спасались от воды на чердаках и крышах. Людей пугали слухи о начале нового потопа. 19 мая в полдень в городе разразилась сильнейшая гроза, причем молнии блистали так, что невозможно было смотреть. Люди решили, что это огонь, «пожигающий грешников», и придя в ужас стали кричать: «Господи помилуй!».[131] В этот год на Новгородчине снова был голод и снова «мор» от болезни.

1422 — Продолжается голод. Люди умирают, уходят в Литву, на дорогах лежат трупы замерзших (зима была суровой); люди едят падшую скотину, собак и кошек, «и люди людей ядоша», — отмечает летописец.[132]

1425 — Умер великий князь Василий Дмитриевич. «Ни в чем, казалось бы, не явил нам блестящих деяний сын Дмитрия Донского, — пишут о нем И. Б. Греков и Ф. Ф. Шамагонов, — нет выигранных битв, не прославлен походами, и все же он оказался достойным преемником своего отца. Он не растерял отцовского наследства, а почти незримой для нас деятельностью сохранил его и укрепил».[133] На княжение Василия Дмитриевича пали и встреча с грозным Тимуром, и нашествие Едигея, продолжалось противоборство с Ордой, уже заметно терявшей свое прежнее могущество. Но час полного освобождения от ордынского ига еще не пробил.

Великим князем стал десятилетний Василий Васильевич. Вскоре, однако, заявил о себе грозный и сильный соперник юного князя — его дядя князь Юрий Дмитриевич Галицкий. Княжество Юрия располагалось по притокам Волги — Унже и Костроме — и в бассейне Верхней и Средней Ветлуги: земли там были плодородны, леса изобиловали пушшиной,

имелись богатые соляные источники.[134] Именно это княжество становится главным соперником Москвы.

Сразу же по вокняжении Василия Юрий Дмитриевич попросил перемирия, а тем временем разослал по всем городам за своими сторонниками, намереваясь выступить против великого князя. Тот же отправился в Кострому, куда прибыли и другие его дядья — Константин, Андрей и Петр. Юрий Дмитриевич ушел в Нижний Новгород. Посланный против него Константин Дмитриевич настиг князя на реке Суре, но, постояв друг против друга на ее берегах, противники разошлись, и Юрий вернулся в свой Галич. Для переговоров о мире к Юрию послали митрополита Фотия.

Здесь произошло следующее. Юрий приказал собраться всем галичанам и встретить митрополита на горе, с той стороны, откуда он должен был подъехать, рассчитывая, что множество народа произведет на Фотия впечатление: князь собрал не только бояр и лучших людей, но и «чернь» (выражение летописца) из своих городов, сел и деревень. Однако митрополит, помолвившись в церкви и выйдя к ожидавшей его толпе, обратился к Юрию: «Сын мой! Не видел столько народа в овечьей шерсти», ибо, поясняет летописец, простой народ был одет в сермяги. «Князь же хотел представить себя повелителем многих людей, а святитель понял это как насмешку над собой», — иронизирует летописец. Переговоры зашли в тупик: Фотий настаивал на мире, Юрий же соглашался только на перемирие. Разгневанный митрополит отказался благословить князя и горожан. Летописец утверждает, что после этого начался «мор», и испуганный князь поскакал вдогонку за уехавшим митрополитом, умоляя его простить, возвратиться и благословить его и город. Снова начались переговоры, и Юрий пообещал Василию Васильевичу не добиваться великого княжения, но полагаться на царя (т. е. на ордынского повелителя): «...которого царь пожалует, тот будет князь великий владимирский и Новгороду Великому и всей Руси».[135] и на этом присягнули на кресте.

Таковы были предвестия новой феодальной войны, которая разразилась в середине XV в.

1426 — В этом и следующем году на Руси все еще не утихал «мор». Витовт пришел под принадлежащий Пскову город Опочку. В его войске были литовцы, поляки, чехи, волохи и татарский отряд. Горожане Опочки скрылись за стенами, так что враги решили, что город пуст. Но когда татарские конники заполнили мост, ведущий к крепости, горожане перерезали веревки, и мост рухнул на заостренные колья, врытые в дно рва. Многие воины погибли; пленных татар, поляков и литовцев подвергли жестоким и унижительным пыткам: отрезали половые органы, с поляков, чехов и волохов сдирали кожу. Витовт, не перенеся уничтожения, отступил и двинулся к другому городу — Вороначу (вблизи Пскова). Но разразилась страшная гроза. Охваченный суеверным ужасом, Витовт, схватившись за столб шатра, кричал: «Господи, помилуй!», ожидая, что его поглотит разверзшаяся земля. Однако гроза кончилась, а прибывший посол великого князя Василия Васильевича Александр Лыков поведал литовскому князю о возмущении своего господина: «Чего ради ты творишь такое, вопреки договору, чтобы быть со мною один за один, а ты отчину мою воюешь и разоряешь?».[136] Псковичи пообещали Витовту выкуп в 3 тысячи серебром, но ничего не дали, и он ушел восвояси.

1428 — Витовт подступил к стенам Порхова, но города взять не смог, и, получив выкуп в 8.5 тысячи рублей и еще 2 тысячи за возвращение пленных, литовский князь возвратился в свои владения.

1430 — Умер Витовт, и в Великом княжестве Литовском началась распря между

претендентами — Свидригайло Ольгердовичем, опиравшимся на поддержку феодалов из областей, входивших прежде в состав Руси, и его двоюродным братом Сигизмундом Кейстутовичем (см. генеалогическую таблицу 10).

Как полагают, смерть Витовта и ожидавшийся приход к власти Свидригайло побудили его свояка Юрия Дмитриевича Галицкого расторгнуть мир с Василием Васильевичем и попытаться оспорить завещание Василия Дмитриевича, согласно которому великое княжение перешло не по старшинству (т. е. не к Юрию Дмитриевичу, брату Василия Дмитриевича, а к сыну последнего — Василию).

1431 — Василий отправился за поддержкой в Орду. Позднее в Орду прибудет и Юрий. Оба соперника искали сторонников в окружении хана. Боярин Василия Иван Дмитриевич Всеволожский стал убеждать ордынцев, что Юрий, получив великое княжение, добьется с помощью своего «побратима» (сваяка) Свидригайло усиления ордынского князя Тягини, который покровительствовал Юрию Дмитриевичу. Страшась этого, другие ордынские князья настроили хана в пользу Василия.

В прении обе стороны выдвигали свои аргументы: князь Юрий ссылался «на летописцы, старые списки» и духовную Дмитрия Донского, в которой говорилось, что в случае смерти Василия следует передать княжение, «кто будет под тем (т. е. следующий по возрасту. — О. Т.) сын мой, ино тому сыну моему стол Васильев, великое княжение».[137] Но боярин Всеволожский решил апеллировать к самолюбию хана и обратился к нему со словами: «Государь, вольный царь, разреши молвить слово мне, холопу великого князя. Наш государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса (т. е. Русь юридически рассматривалась как владение, улус золотоордынских ханов. — О. Т.), по твоему цареву пожалованию и по твоим девтерем и ярлыкам, и вот твое пожалование перед тобой. А господин наш князь Юрий Дмитриевич хочет взять великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему пожалованию, вольного царя, а ты волен распоряжаться своим улусом...».[138] Мнение хана склонилось в пользу Василия. Улу-Мухаммед сохранил право на великое княжение за Василием Васильевичем, а Юрию «повеле ... коня повести под ним». Но тут воспротивился сам великий князь, не желая обесчестить своего дядю, в качестве компромисса Василий Васильевич присоединил к вотчине Юрия Дмитров.

1433 — Боярин великого князя Иван Дмитриевич, тот самый, который добивался в Орде ярлыка своему господину, изменил ему и бежал сначала в Углич, затем в Тверь, а потом в Галич и стал подговаривать Юрия Дмитриевича снова добиваться великого княжения. По его совету Юрий послал за сыновьями своими — Василием и Дмитрием Шемякой. Те были в это время на свадьбе Василия Васильевича и Марьи, дочери Ярослава Владимировича, князя малоярославского.

На свадьбе произошел эпизод, имевший немалые политические последствия и поэтому подробно описанный летописцем. Боярин великого князя (по одним источникам, Петр Константинович Добрынский, по другим — Захарий Иванович Кошкин) опознал на Василии Юрьевиче золотой пояс, принадлежавший некогда великому князю Дмитрию Ивановичу. Пояс этот был будто бы дан в приданое невесте Дмитрия Евдокии ее отцом Дмитрием Константиновичем Суздальским, но на свадьбе Дмитрия и Евдокии тысяцкий Василий Вельяминов подменил пояс. От Вельяминова пояс попал к его сыну, затем к Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, а от того — к Василию Юрьевичу. Софья Витовтовна, мать великого князя, сорвала пояс с Василия Юрьевича.[139]

Оскорбленный за сына (так гласит предание), Юрий Дмитриевич двинулся на Москву. Когда

он был уже в Троице-Сергиевом монастыре, к нему явились послы Василия II, но между ними и боярами Юрия началась «брань великая и слова неподобные». Послы вернулись ни с чем. Юрий нанес Василию поражение в битве на реке Клязьме. Василий бежал в Москву, а оттуда через Тверь в Кострому. Юрий занял Москву, Василию же передал в удел Коломну. Тем не менее к Василию в Коломну стали собираться князья, бояре, дети боярские, дворяне; Юрий уступил и, покинув Москву, вернулся в Галич, но не оставил своих надежд на получение великокняжеского стола. И. Д. Всеволожский, попавший в руки Василия II, был им ослеплен. Юрий Дмитриевич наносит войскам Василия еще два поражения, Василий бежит в Нижний Новгород, но в это время в Москве неожиданно умирает Юрий. Положение его преемника — Василия Юрьевича — было непрочным, тем более что братья его — Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный — начали переговоры с Василием.

1435 — Феодальная война продолжается. Василий II вместе с недавними противниками — Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным — идет на Москву. Василий Юрьевич бежит из столицы, пробыв там всего месяц, через Ржев в Новгород. Оттуда он отправляется в Кострому собирать войско для продолжения борьбы. В январе полки великого князя встретились с войском Василия Юрьевича на реке Коростели. Разбитый Василий Юрьевич бежит в Кашин и там, опираясь на поддержку тверского князя, вновь собирает войско, идет с ним к Вологде, разбивает «заставу» Василия II, пленив нескольких московских воевод, и уходит в Кострому, продолжая черпать новые силы на Вятской земле. К Костроме приходит и Василий II. Обе рати стоят на противоположных берегах реки Костромы, но до сражения дело не доходит — князья заключают перемирие.

1436 — Зимой Василий Юрьевич захватывает Устюг и оттуда через Вологду и Кострому вновь идет на Москву. У села Скорятина (в Ростовской земле) произошла битва с великим князем. Московскому воеводе Борису Тоболину удалось схватить Василия Юрьевича. По приказу Василия II он был отвезен в Москву и там ослеплен. С этой поры князь получает прозвище Косой.

1437 — В связи с произошедшим в этом году новым нападением на Русь ордынского хана Улу-Мухаммеда необходимо остановиться подробнее на русско-ордынских отношениях в 30—50-х гг. XV в.

С 20-х гг. единовластным правителем Орды становится внук Тохтамыша Улу-Мухаммед. В 1423 г. его разбил пришедший с востока Борак-хан, который нанес поражение и другому золотоордынскому хану Девлет-Берди, откочевавшему после этого в Крым. Улу-Мухаммед бежал в Литву, но впоследствии отобрал у Борак-хана свои владения. Однако у него появляется новый соперник — Сеид-Ахмет, которого поддерживал Василий II. Улу-Мухаммед пытался удержаться на верхней Оке, в Белеве, и в 1437 г. нанес поражение русскому войску, во главе которого стояли Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. В последующие годы он еще не раз нападет на русские земли, а в 1445 г. даже захватит в плен самого Василия II. В 1438 г. Улу-Мухаммед завоюет Казанское ханство и явится основателем новой династии казанских ханов. Население этого ханства составляли в основном потомки волжских булгар, чуваша, мари, удмурты. В XV в. их именовали обычно «казанцами», этноним «татары» станет применяться к населению ханства позднее.

1439 — Улу-Мухаммед подступил к стенам Москвы. Василий II покинул столицу и уехал за Волгу. Хану не удалось взять город, но он разорил селения от Москвы и до Коломны, перебил

или пленил множество мирных жителей.

1441 — Из Москвы бежал в Литву, а оттуда в Италию митрополит Исидор. Поставленный митрополитом всея Руси в 1437 г., он принимал активное участие в VIII Вселенском соборе во Флоренции, где выступал как решительный сторонник унии православной и католической церквей. Решение собора было воспринято на Руси как «богомерзкое», православное духовенство от унии отказалось, а Исидор был заточен в Чудовом монастыре, откуда и совершил свой побег.

1443 — Ордынский царевич Мустафа напал на Рязанское княжество, разграбил «волости» и ворвался в город. Василий Васильевич направил против него своих воевод — князей Василия Ивановича Оболенского и Андрея Федоровича Голтыева. В жестоком бою под стенами Рязани Мустафа был убит, а его войско разгромлено.

1445 — Это был трагический год в жизни Руси. Сначала пришлось отражать нападение литовцев, дошедших до Козельска и Калуги и потерпевших поражение лишь под Суходревом. Потом Василий II с другими князьями пошел на Улу-Мухаммеда, занявшего Нижний Новгород и пытавшегося овладеть Муромом. В июле великий князь вышел навстречу его сыновьям Махмутеку и Якубу (Юсуфу) к Суздалю. С Василием были его двоюродные братья — князья Иван и Михаил Андреевичи, Василий Ярославич. Вечером в своем стане князь с боярами спокойно поужинали и до ночи пили. На следующий день после заутрени, когда князь собрался отдохнуть, пришла весть, что татары переходят по бродам через Нерль. Князь и воины стали спешно облекаться в доспехи. Но не все войска успели собраться, а Дмитрий Шемяка и сам не пришел, и полков своих не прислал. Сначала бой шел с перевесом в пользу русских, но затем татары переломили ход боя, и в плену оказались сам великий князь, князь Михаил Андреевич Верейский, «и прочие многие князья, и бояре, и дети боярские», и простые воины. Василий Васильевич, как утверждает летописец, сражался мужественно, и «многие раны были по главе и по рукам, а тело все избито сильно». Победители рассыпались по окрестным селам, грабя и предавая их огню, убивая мирных жителей. С татаринном Ачисаном были посланы в Москву снятые с великого князя кресты, — вероятно, чтобы подтвердить его пленение и потребовать выкупа. От Суздаля татары направились к Владимиру, а оттуда — к Мурому и Нижнему Новгороду.

Печаль москвичей по случаю поражения и пленения великого князя и других князей была усугублена новым несчастьем. 14 июля в Москве начался большой пожар, так что в Кремле не осталось «ни единого бревна»; каменные церкви «распались», а во многих местах даже рухнули крепостные стены. В огне погибло множество людей, потому что под защиту городских укреплений бежали жители посада, боявшиеся прихода татар; погибла казна и богатства, привезенные в Москву людьми, бежавшими из пригородов и из других городов. Среди москвичей начались волнения: зажиточная часть горожан, страшась нападения татар на незащищенный город (ибо пожар повредил укрепления), спешила уехать из Москвы, что вызвало крайнее возмущение у простого люда. По данным некоторых летописей, горожане настаивали, чтобы в Москве оставались и княгини — жена Василия Мария Ярославна и его мать Софья Витовтовна. Тем временем москвичи стали спешно «врата градные делати», восстанавливать оборонительные сооружения.

Улу-Мухаммед отправил своего посла Бегича к Дмитрию Шемяке. Тот встретил посла с почетом и дал ему понять, что он, Дмитрий, а не Василий должен стать великим князем. Но Бегич задержался в Муроме, и хан, поверив слухам, что его посол убит Шемякой, за

огромный выкуп (князь обещал «дати окуп сколько может») отпустил Василия II.

Случилось так, что муромский наместник князь Василий Иванович Оболенский захватил возвращавшегося в Орду Бегича и сопровождавшего его посла Шемяки дьяка Федора Дубенского. Тем временем Василий прибыл в Переяславль, где его встретили жена, мать, сыновья, князья, бояре и дворяне. 17 ноября Василий прибыл в Москву.

Но против великого князя зрело недовольство: Русь должна была выплатить огромный выкуп (200 тысяч рублей серебром) и передать ордынцам несколько городов «на кормление». Этим недовольством и решил воспользоваться Дмитрий Шемяка.

1446 — Под влиянием Шемяки против Василия выступил его двоюродный брат — князь Иван Андреевич Можайский. Заговорщики нашли немало сторонников — бояр, купцов, монахов. В феврале Василий со своими сыновьями Иваном и Юрием и небольшим отрядом приближенных отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Во время его отсутствия Москвой без труда овладели заговорщики: были пленены великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна, разграблена казна. Дмитрий посылает в Троице-Сергиев монастырь князя Ивана Можайского. Того опережает слуга Василия — Бунко. Он сообщает князю о заговоре, но князь на верит ему, потому что Бунко перед этим «отъехал» от Василия к Шемяке: «Обманывают нас, — сказал князь, — я со своими братьями связан крестным целованием, так как же может быть такое». И Бунко изгоняют из монастыря. Но все же Василий встревожился и послал дозор к Радонежу. Однако разведчики Ивана Можайского обнаружили дозорных и решили их перехитрить. Воины князя Ивана были спрятаны в санях, будто бы груженных товарами: двое из них лежали под рогожами, а третий шел сзади. Когда обоз поравнялся с великокняжеским дозором, то выскочившие из саней воины без труда пленили дозорных, убежать которым не дал глубокий снег.

Враги подступили к монастырю. Василий ринулся в конюшню, но коней не было: князь сам не позаботился об этом, не поверив Бунко. Его спутники «в уныньи быша, в торопе (смятении. — О. Т.) велице, яко изумлени». Увидев, что никто не в силах ему помочь, князь скрылся в церкви, где его спрятал и запер пономарь Никифор. Заговорщики рыскали по всему монастырю, ища князя. Услышав голоса, Василий стал умолять князя Ивана «не лишить его видеть образа божьего и пречистой матери его и всех святых» (если Василий действительно говорил что-то подобное, то значит, он допускал такую расправу в отместку за ослепление Василия Юрьевича). Князь обещал постричься в монахи, сам вышел навстречу заговорщикам с иконой в руках, напоминал о клятвах на кресте, которыми был скреплен его мир с Шемякой. Но все было напрасно. Никита, приближенный Ивана Можайского, положил Василию руку на плечо и произнес: «Пойман великим князем Дмитрием Юрьевичем», на что Василий смог лишь смиренно ответить: «Воля Божия да будет». На голых санях Василия отвезли в Москву, посадили под охраной на дворе Шемяки, а два дня спустя ослепили и выслали вместе с женой в Угличе Поле. Софья Витовтовна затем была выслана в Чухлому. Сыновей Василия в Троицком монастыре не стали искать, и им удалось бежать в Юрьев, а оттуда в Муром. Некоторые из приближенных Василия бежали в Литву, другие перешли на сторону Шемяки.

Шемяка послал в Муром рязанского епископа Иону и уговорил его вывезти из Мурома сыновей Василия Васильевича — Ивана и Юрия. Он «мало почти» их в Москве, а затем также отправил в Углич, где находился и свергнутый великий князь. Сторонники Василия не оставляли замыслов освободить его, и Шемяка осенью же 1446 г. отправился в Углич примириться с Василием. Он устроил совместный пышный пир и выделил Василию в удел Вологду. Но к Василию стали собираться его сторонники, договорившись с тверским князем Борисом Александровичем, перебрался к нему в Тверь. Затем Василий со своими сторонниками и соратниками двинулся к Москве, послав туда своего боярина Михаила

Борисовича Плещеева с отрядом. Через ворота, открытые для въезжавшей в Москву на заутреню княгини Ульяны они смогли незаметно проникнуть в город. Как разворачивались дальнейшие события, не совсем ясно, но малочисленный отряд, посланный Василием, смог овладеть Москвой: наместников князей Шемяки и Ивана Можайского взяли под стражу, а детей боярских, служивших им, хватали, грабили и заключали в оковы. Горожан привели к присяге Василию II. Узнав, что на него движется князь Василий из Твери, что его союзники спешат с ним соединиться, а Москва находится в руках единомышленников великого князя, Шемяка обратился в бегство — в Чухлому, а затем в Каргополь.[140]

1447 — Шемяка вынужден был отпустить из Каргополя увезенную им в качестве заложницы мать великого князя Софью Витовтовну. Летом того же года было заключено мирное соглашение между Василием II и Шемякой. Однако Шемяка не оставил своих намерений, не прекратил попыток сколотить новый блок против великого князя, обращаясь за содействием и к казанскому царевичу Махмутеку, и к новгородцам; Иван Можайский налаживает контакт с польским королем Казимиром IV, призывая его занять московский стол. Не возвратил Шемяка и награбленного имущества великого князя, его документов (ярлыков и договорных грамот). В течение последующих лет Василий вынужден был еще не раз посылать войско против Шемяки. Лишь в 1453 г. Шемяка, находившийся в то время в Новгороде, был отравлен: посланный Василием дьяк Степан Бородатый подговорил боярина Шемяки Ивана Котова, и повар Поганка подложил яд в курицу, приготовленную для строптивного князя. Сын Шемяки Иван бежал в Литву. Так кончилась многолетняя феодальная распря, победителем из которой вышел великий князь московский Василий Васильевич, получивший после ослепления Шемякой прозвание Василия Темного.

1449 — Русским митрополитом стал Иона, бывший епископ Рязанский, сыгравший немалую роль в увещевании Шемяки и защите прав Василия Темного. В этом году станет независимым от Орды Крымское ханство, которое возглавит Хаджи Гирей.

1451 — На Москву пришел татарский царевич Мазовша. Великий князь покинул город, оставив в нем, однако, свою мать, сына Юрия и многих бояр. Татары подступили к стенам Москвы 2 июля и подожгли посад. Пожару способствовала стоявшая засуха, так что огонь, бушевавший за крепостными стенами, и дым причиняли немалые страдания осажденным. Когда догорел посад, осажденные стали, выходя из Кремля, нападать на татар, а отогнав их от стен, начали готовиться к отражению возможного приступа: установили на стенах пушки, пищали и самострелы. Но наутро горожане не обнаружили противника. Татары отступили, побросав «медь и железо» и другое награбленное имущество. Москвичи приписали внезапное освобождение от осады божественному заступничеству. Вернувшийся в столицу Василий Темный отслужил благодарственный молебен, призвал восстанавливать посад, обещая свою помощь.

1452 — Еще в 1446 г. сын Улу-Мухаммеда Касым, спасаясь от брата своего Махмутека, пришел на службу к Василию Васильевичу. В 1452 г. Василий передал ему в вассальное владение Городец на Оке, впоследствии переименованный в Касимов. Здесь образовалось вассальное Касимовское царство, которое просуществовало еще два столетия и будет играть немалую роль в отношениях Руси с Казанским ханством.

В этом году княжич Иван Васильевич женился на Марии, дочери Бориса Александровича Тверского.

1453 — От пожара выгорел Московский Кремль. В тот же год умерла мать великого князя Софья Витовтовна.

Год этот отмечен и событием общеевропейского значения. Турки овладели Константинополем. Прекратила свое существование некогда могущественнейшая Византийская империя. Строго говоря, величие Византии померкло уже давно. Она лишилась почти всех своих территорий в Малой Азии еще в середине XIV в., а после 1402 г. императору Византии принадлежали лишь Пелопоннесский полуостров и крошечная территория на Балканском полуострове, непосредственно примыкающая к Константинополю. И тем не менее факт захвата самого Константинополя после многомесячной его осады султаном Мехмедом II произвел тяжелейшее впечатление на все христианские страны Европы. Неизвестный древнерусский писатель, назвавшийся Нестором Искандером, оставил подробнейшее описание осады и взятия Константинополя.[141]

1456 — Московское войско отправляется на Новгород, официально — «за неисправление» новгородцев; возможно, за связь их с Дмитрием Шемякой. Вместе с москвичами на Новгород пришел и татарский отряд. Ратью, во главе которой стояли князь Иван Васильевич Стрига Оболенский и Федор Басенок, была захвачена и разграблена Руса (Старая Русса, город южнее озера Ильмень). Когда об этом стало известно в Новгороде, в Русу был направлен небольшой отряд. Московские воины одержали победу: татарские стрелки поражали коней, и всадники падали на землю, их давили упавшие кони. Предводитель новгородцев князь Василий Васильевич Шуйский и тысяцкий Василий Александрович Казимир бежали в Новгород. Посадник Михаил Туча и многие бояре попали в плен.

В Новгороде собрали вече. Видимо, обсуждались различные предложения. Во всяком случае одновременно направили посольство в Москву к великому князю и послов в Псков с просьбой о военной помощи. В Яжелбицах (в 150 верстах от Новгорода) было подписано соглашение, по которому суверенитет Новгорода был несколько ограничен: республика лишалась права на самостоятельность во внешнеполитических делах.

1459 — Хан Синей Орды Сеид-Ахмет попытался совершить набег на Русь, но на Оке татар встретил княжич Иван Васильевич «со многими силами» и воспрепятствовал переправе. Татары отступили.

1460 — В январе в Новгород приезжает великий князь с сыновьями Юрием и Андреем. Официально поездка носила сугубо мирный характер: Василий Васильевич будто бы хотел поклониться новгородским святыням и выразить уважение к правам и традициям новгородцев. Но в действительности взаимоотношения московских князей и новгородцев были напряженными. Новгородскому архиепископу Ионе с большим трудом, напоминая о возможности возмездия со стороны старшего сына Василия Ивана (оставшегося в Москве), удалось переубедить тех новгородцев, которые предлагали расправиться с вельможными гостями. Иона будто бы обратился к заговорщикам со следующими словами: «О безумные люди! Если вы великого князя убьете, то чего достигнете? Лишь еще большие тяготы на Новгород накличете, ибо сын его (Василия. — О. Т.) старший, князь Иван, как только услышит о вашем злодеянии, в тот же час попросит рать у царя (т. е. ордынского хана. — О. Т.) и пойдет на вас и разорит всю вашу землю».[142] И все же новгородцы едва не убили Федора Басенка, который возглавлял московскую рать в 1456 г.

1461 — Умер тверской князь Борис Александрович, бесспорно, один из самых выдающихся деятелей этого княжества. Борис Александрович сидел на княжеском столе с 1425 г., успешно боролся с сепаратистскими тенденциями в своем княжестве. Он принимал участие в феодальной войне, выступая союзником Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, но затем принял сторону Василия II, скрепив этот союз браком своей дочери с наследником престола Иваном Васильевичем. Сохранилось созданное около 1453 г. «Слово похвальное» инок Фомы, в котором Борис Александрович превозносится как мудрый политик, авторитетный даже в иных странах, как доблестный воин, князь-братолюбец, поддержавший многострадального великого князя (о том, что Борис сначала действовал на стороне Шемяки, «Слово» умалчивает) как создатель городов и монастырей, мудрый книголюб, который с каждым может вести беседу и каждого одолеть в споре. «И все люди радостно ликуют, видя, как славно стоит и красуется великим князем Борисом Александровичем богоспасаемый город Тверь».[143]

1462 — Умер великий князь Василий Васильевич. Его княжение прошло в жестоких междоусобиях, из которых великий князь, немало пострадавший, познавший поражение, изгнание, подвергшийся ослеплению, вышел победителем. Могучие соперники великого князя — Юрий Дмитриевич и его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка — были устранены с политической арены и ушли из жизни. Продолжалось укрепление централизованного государства.

Преемником на великокняжеском столе стал старший сын Василия двадцатидвухлетний Иван. Его братья Юрий, Андрей Большой, Андрей Меньшой и Борис получили уделы, но были полностью подчинены в своих действиях великому князю.

1468 — В поход на Казань отправился царевич Касым и воевода великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский. Казань взять не удалось. Не оправдались надежды Касыма стать казанским царем. Труден был путь московского войска назад: осень была дождливая и холодная, кони мерли, люди голодали. Казанцы же после ухода московского войска совершили ответный набег. Нападения ожидали Нижний Новгород, Галич, Кострома, Муром. Затем русские войска вновь «повоевали» казанские владения, а в 1469 г. Иван направил под Казань большую «судовую рать», которая одержала над татарами победу.

1470 — Часть новгородцев, возглавляемая вдовой посадника Исаака Марфой Борецкой и ее сыном, посадником Дмитрием, стала призывать к отказу от связей с Москвой. По словам летописца, они заявляли: «Не хотим за великого князя московского, и вотчиной зваться его не хотим! Вольные мы все люди — Великий Новгород, и московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит. А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!».[144] На вече шли яростные споры представителей московской и литовской партий, доходившие до рукопашных схваток. Сторонники москвичей убеждали, что переход под владычество Литвы приведет к переходу в католичество. Так утверждает летопись. Однако летописный рассказ о событиях тенденциозен: новгородская оппозиция стремилась не столько к переходу под власть Литвы, сколько добивалась права избирать себе князей. Ее вполне устраивала, например, кандидатура Михаила Олельковича, бывшего киевского князя. Он считался вассалом Казимира, но был православным. Однако разрыв Новгородом договора с Москвой был воспринят в столице как вызов, и Иван стал готовить полки к походу на строптивых новгородцев.

1471 — В июне московское войско, во главе которого находились сам Иван, а также его братья — Андрей Большой, Юрий и Борис — и верейский князь Михаил Андреевич, двинулось к Новгороду. В состав рати входили и татарские отряды. Воеводам было приказано «жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение великому князю». Была взята и сожжена Руса, затем разбита новгородская рать возле озера Ильмень, причем с захваченными пленными расправлялись крайне жестоко — им велели отрезать друг другу носы, губы и уши, после чего отпускали обратно в Новгород.

Решительная битва произошла на реке Шелони. Хотя численный перевес, как утверждает летописец, был на стороне новгородцев, москвичи без труда добились победы. Дело в том, что против профессиональных ратников выступило, по существу, ополчение: новгородские посадники и тысяцкие повели в бой ремесленников — «мастеров всяких», плотников и гончаров, которые отродясь не сидели на боевом коне. По свидетельству летописца, новгородцев погибло 12 тысяч, 2 тысячи попали в плен, в числе их — посадники и бояре. Московская летописная повесть о походе на Новгород содержит драматические подробности о том, как воины разбитого новгородского ополчения блуждали по лесам, тонули в болотах, попадали в руки московских ратников. «И не было на них такого нашествия с тех пор, как и земля их стоит», — констатирует летописец.

Великий князь прибыл в Русу. Были казнены «отсечением головы» посадники Дмитрий Исакович Борецкий и Василий Селезнев, а также другие предводители «литовской» партии; часть бояр была выслана в Москву и брошена в темницы, однако «мелких людей» великий князь «велел отпущати к Новгороду». Мирный договор с Москвой, подписанный в селении Коростыни, не только существенно урезал самостоятельность Новгорода, но фактически знаменовал включение его в состав Русского государства. Кроме того, новгородцы были вынуждены выплатить пятнадцать с половиной тысяч серебром.[145]

В июле ордынский хан Ахмат «приде с многими силами под град Олексин» (Алексин, город на правом берегу Оки). Город татары сожгли, так как «в нем людей мало было, ни пристроя городного (укреплений. — О. Т.) не было, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, но еднako под ним много татар избиша». Ордынцам удалось даже переправиться через Оку «в безлюдном месте», но вскоре сюда подошли полки московских воевод и брата великого князя — Юрия. Татары поспешили отступить за Оку, а затем, глядя на «многья полкы великого князя, аки море колеблющися, доспехи же на них бяху чисты велми, яко сребро блистающи, и вооружени зело», почли за благо возвратиться восвояси.

1472 — Первая жена Ивана III умерла, и великий князь женится на Зое Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина Палеолога, дочери Фомы — деспота Морей, остатка Византийской империи на полуострове Пелопоннес. После завоевания Морей в 1460 г. турками Зоя жила и воспитывалась в Риме. В браке Зои и Ивана III был заинтересован Рим, рассчитывавший на помощь Русского государства в борьбе против турок. Иван III в свою очередь рассматривал этот брак как престижный: удельные князья все более теряли свой авторитет, превращались в подданных великого князя, и брак с представительницами княжеских или боярских родов казался ему нежелательным. Переговоры с римским папой вел посланный Иваном Джьян Баттиста делла Вольпе, находившийся на русской службе (на Руси его называли Иван Фрязин). Русские послы были торжественно приняты папой Сикстом IV. Зоя в сопровождении брата Дмитрия, Юрия Траханиота и папского легата Бонумбре отправилась к будущему супругу. Путь ее пролегал через Сиену, Флоренцию, Болонью, Аугсбург, Нюрнберг, Любек, далее морем до Ревеля (ныне Таллинн). Русскую границу невеста великого князя пересекла у Псковского озера, где

ее торжественно встретило духовенство. В Пскове Зоя посетила Троицкий собор, продемонстрировав неожиданно для сопровождавшего ее папского легата приверженность к православию. 12 ноября состоялось венчание, Зоя получила имя Софии. В браке с Иваном III она состояла до своей смерти в 1503 г.

1475 — В самом конце года Иван III приехал в Новгород, где пробыл более двух месяцев. Он участвует в пирах, которые даются в его честь, сам устраивает пиры, но одновременно принимает большое количество жалоб и жалобщиков, правит суд, казнит и обрекает на заключение. Исследователи полагают, что причинами этой поездки в Новгород были, с одной стороны, стремление завоевать популярность у горожан, привлечь их на свою сторону, отторгнув от пролитовской боярской оппозиции, с другой — под видом судебного правосудия расправиться с оппозиционным по отношению к Москве боярством.

В марте того же года русский посланник Семен Толбузин привез из Италии Аристотеля Фьораванти — «мастера», который «ставит церкви и полаты ... также и пушечник той нарочит (опытный. — О. Т.), лити их и бити ими, и колоколы и иное все лити хитр велми». Итальянскими мастерами (Аристотелем, Алевизом Фрязиным Миланцем, Алевизом Фрязиным Новым, Солари) были возведены кремлевские стены, Успенский и Архангельский соборы, Грановитая палата, колокольня Ивана Великого.

1477 — Волнения в Новгороде продолжаются. «Черные люди» разочаровываются в Иване III, боярская оппозиция вновь завязывает связи с Литвой. В сентябре 1477 г. под предлогом наказания Новгорода за нарушение «крестного целования» Иван вновь собирает войско для похода на город. Из Москвы огромное войско выступает в октябре. 23 ноября, когда Иван III по пути к Новгороду прибыл в погост Сытино, к нему явились архиепископ Новгородский Феофил, посадники, бояре, представители горожан. Начались переговоры.

В ходе их позиция Ивана III становилась все более непреклонной. 10 января 1478 г. архиепископ и новгородские послы принимают условия великого князя, и Феофил подписывает крестоцеловальную запись. Речь шла о полной ликвидации независимости Новгорода: «...вечевому колоколу в отчине нашей (так Иван называет теперь Новгород. — О. Т.) в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство нам свое держать ... и великим князем быть в своей отчине, волостям быть, селам быть, как у нас в Низовской земле».[146] Иными словами, по государственному устройству и порядкам Новгород приравнивался к любой другой области Московского государства.

1480 — В феврале против Ивана III выступили его братья Андрей Большой и Борис. Они требовали новых приращений к своим уделам и права на «отъезд», т. е. на отказ служить не удобному им сюзерену. Братья отправились к Ржеву, одновременно направив послов к польскому королю Казимиру IV. В марте и в конце апреля послы Ивана III дважды пытались усмирить мятежных братьев: до великого князя дошли вести о том, что хан Большой Орды Ахмат также завязал отношения с Казимиром, побуждая того к совместному походу на Русь. Что же касается предложений князей Андрея и Бориса о союзе, то Казимир ограничился лишь тем, что разрешил им отправить семьи в Витебск. Осенью Борис и Андрей примирились с Иваном.

Поздней весной Ахмат двинулся на Русь с огромным (более чем сотысячным) войском. Причинами его похода явились прекращение (с 1472 г.) выплаты «выхода» (дани) Орде и желание получить реальное подтверждение прежней зависимости Руси от Орды. Не случайно отказ Ивана III приехать к хану рассматривался им как демонстративный вызов. Уже

в июне силы ордынцев достигли правого берега Оки, тогда как основная часть еще до сентября кочевала в верховьях Дона. 23 июля Иван III выступил к Оке и расположился в Коломне. В августе и сентябре происходили стычки с ордынцами, прощупывавшими русскую оборону на бродах. 30 сентября Иван уехал в Москву, где пробыл до 3 октября: он готовил столицу к возможной осаде, советовался с приближенными, среди которых были как сторонники решительной борьбы с Ахматом (он тем временем двигался со своими полками на запад, к Воротынску), так и противники (бояре Иван Васильевич Ощера, Григорий Андреевич Мамон), призывавшие к примирению с ханом. Приезд Ивана III в Москву (а особенно одновременный отъезд Софьи Палеолог в Белоозеро) произвели на москвичей тяжелое впечатление: Ивана III открыто упрекали в трусости. 11 октября Иван прибыл в Кременец, где находилась основная ставка войска, возглавлявшегося его сыном Иваном Молодым. Настроения той части русского общества, которая требовала от колебавшегося Ивана III решительных действий, отразило послание ростовского архиепископа, духовника великого князя Вассиана Рыло, отправленное на Угру. Видимо, зная, что Иван III ведет переговоры с Ахматом, и страшась возможных уступок великого князя, Вассиан пишет: «А еще дошло до нас, что прежние смутьяны не перестают шептать в ухо твое слова обманные и советуют тебе не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение словесное стадо Христовых овец»; он резко упрекает нерешительного Ивана: «...а ты перед ним (ханом. — О. Т.) смиряешься, и молишь о мире, и послал к нему послов». Вассиан напоминает о мужестве прадеда Ивана — Дмитрия Донского, который за свой подвиг «и доньне похваляем и славим не только людьми, но и Богом», призывает откинуть всяческие сомнения и последовать примеру Дмитрия. Бог «поможет тебе и покорит врагов под ноги твои», — убеждает Ивана III Вассиан.[147] Возможно, сомнения и далее одолевали Ивана, так как не ясны причины отхода основных русских сил к Боровску, но тем не менее русская рать осталась подле Угры, прикрывая собой Русскую землю, и выстояла в этом противостоянии.

Когда ранние морозы сковали Угру и Ахмат мог уже переправиться на ее северный берег, ордынцы вдруг отступили. Видимо, причина была в том, что они остались «наги и босы, ободрались», и в таком состоянии не решались выдержать жестокой битвы с русским войском.

Так или иначе, стояние на Угре явилось этапным событием нашей истории — с этого времени Русь окончательно освободилась от жестоких поборов, от унижительных ярлыков, от вмешательства татар Орды в династические споры и междоусобицы. Церковь объясняла внезапный уход Ахмата божественным заступничеством. Но причины были в другом. «Действия русского командования в 1480 г., — пишет Ю. Г. Алексеев, — представляются образцовыми как пример стратегической оборонительной операции в сложных военно-политических условиях, проведенной на самом высоком уровне и с самыми положительными результатами». Было достигнуто «благополучное разрешение самого серьезного и опасного кризиса, перед лицом которого стояло молодое Русское государство».[148]

Известен текст ярлыка, посланного, как полагают, Ахматом Ивану III после вынужденного ухода хана с берегов Угры. Хан объясняет, что он «от берега пошел», так как люди его «без одежды, а кони без попон», но угрожает, что через три месяца снова явится на Русь, и в весьма резких выражениях требует немедленного сбора дани и личной явки к нему Ивана III. [149] Но это были тщетные надежды — Иван не выполнил ни одного из требований хана, а Ахмат не осуществил своих угроз. Что же касается рассказа о том, как Иван III топтал ханскую басму (грамоту) и плевал на нее, то он, несомненно, легендарен. Сам Ахмат будет убит враждебными ему ханами, а Золотая Орда уже никогда не вернет былого могущества.

Однако угроза нападения на Русь с востока и юга оставалась реальностью, пока существовали образовавшиеся в результате распада Золотой Орды ханства — Казанское, Крымское и Астраханское.

1481 — Умер бездетный брат Ивана III Андрей Меньшой.

Принадлежавшее ему Вологодское княжество присоединено к владениям Ивана.

В этом же году Казимир раскрывает заговор православных князей, намеревавшихся вместе со своими уделами «отпасть» от Великого княжества Литовского и перейти на русскую службу: Михаил Олелькович был казнен, другим князьям удалось бежать к Ивану III.

1485 — Захват московскими вотчинниками тверских земель вызвал обострение отношений между Москвой и Тверью. В 1483 г. тверской князь Михаил Борисович заключил договор с Казимиром. Зимой 1484/85 г. Иван III посылает на Тверь войско, но до войны дело не дошло, стороны заключили мирный договор. Однако в том же 1485 г., ссылаясь на нарушение договора (были перехвачены грамоты, посланные Михаилом Борисовичем Казимиру, а прекращение сношений с Литвой и являлось условием мирного договора), Иван III вместе с сыном Иваном Молодым пошел походом на Тверь. 8 сентября город был окружен, подожены посады. Михаил Борисович, видя бесполезность сопротивления, бежал в Литву, захватив казну. Иван III вступил в Тверь. На тверской стол был посажен Иван Иванович. Вступление в Тверь произошло бескровно, и великий князь позаботился, чтобы населению «не чинили тягот» (не грабили): он рассчитывал тем самым завоевать доверие и приязнь горожан.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Итак, после присоединения Новгорода и Твери за пределами непосредственно подчиненной Ивану III части Русского государства остались лишь Рязанское княжество и Псковская земля. Правда, существовали еще уделы братьев Ивана, но практически лишенные права на «отъезд»; находящиеся под постоянным давлением великого князя, они не представляли угрозы для целостности государства. Время от времени возникавшие попытки обретения даже минимальной автономии сурово подавлялись великими князьями — Иваном, его преемником Василием, — пока Иван Грозный не уничтожит окончательно даже самую возможность конфликтов подобного рода.

1487 — Русскими войсками взята Казань. Перед этим под давлением Руси власть в городе была передана ханом Алегамом его младшему брату Мухаммед-Эмину, но Алегам дважды сгонял его с престола, пока в 1487 г. воеводы Ивана III — князья Д.Д. Холмский, А.В. Оболенский и др. — не взяли город после полуторамесячной осады. Алегам был сослан в Вологду, а на престоле вновь оказался московский ставленник Мухаммед-Эмин.

1490 — От «камчуги в ногах» (полиартрита) умер Иван Иванович Молодой. Лечивший его врач — венецианец Леон — был казнен полтора месяца спустя.

1491 — Приехавший в Москву к Ивану III его брат Андрей Большой был неожиданно схвачен и посажен «за железы»; заточены были в Переяславле и его сыновья Иван и Дмитрий. Иван III обвинил брата в сношениях с Казимиром. Андрей так и умер в заключении в 1493 г., а его удел — углицкое княжение — был ликвидирован.

1492 — Умер польский король и великий князь литовский Казимир IV. Польским королем становится Ян Ольбрахт, а великим князем литовским — Александр Казимирович.

1494 — Между Русью и Великим княжеством Литовским заключен мир. Александр Казимирович признал русские приобретения последних лет.

1497 — В семье великого князя разгорелся значительный по своим последствиям конфликт. Причины его до конца не ясны, но, вероятно, сыграли роль какие-то сепаратистские тенденции, к возможности которых, памятуя о феодальной войне при Василии II, Иван относился крайне болезненно. Во всяком случае летопись сообщает, что уже в первой половине года Иван начал «гневаться» на сына Василия (ему было в это время восемнадцать лет) и на свою жену Софью Палеолог. В декабре недовольство Ивана достигло своей кульминации: он велел схватить сына и «посади его за приставы на его же дворе».[150] Василия обвинили в том, что он будто бы хотел «отъехать» от отца, «пограбить казну» в Вологде и Белоозере и учинить какое-то насилие над своим племянником Дмитрием. Единомышленников Василия — дьяка Федора Стромилова, сына боярского Владимира Гусева, князей Ивана Палецкого Хруля, Щавея Травина-Скрябина и других — предали жестокой казни: кого четвертовали, кому отрубили голову, кого разослали по тюрьмам. Опале подверглась и великая княгиня Софья: посещавших ее «с зельем» «баб лихих» утопили в Москве-реке в проруби. Победу одержало окружение Дмитрия (сына Ивана Ивановича Молодого) и его матери Елены Стефановны.

1498 — Дмитрия Ивановича венчают на царство: на него возлагают барму (оплечье) и «шапку Мономаха». Иван III объяснил собравшимся боярам, что следует старинной традиции, согласно которой наследником должен стать старший сын. Так как Иван Иванович Молодой умер, вместо него венчают внука. В документе, описывающем ритуал венчания на царство, Иван III именуется «самодержцем всея Руси». Однако торжественная коронация не принесла Дмитрию ни реальной власти, ни удела.

1499 — Весной Иван III вернул расположение жене и сыну: Василий был провозглашен великим князем новгородским и псковским. Иван III усиленно добивается брака княжича с дочерью датского короля Иоганна (Ханса) Елизаветой.

1500 — На службу к Ивану III переходят стародубский князь Семен Иванович и князь новгород-северский Василий Шемячич, а следом за ними и некоторые другие князья Великого

княжества Литовского. Это не могло не вызвать негативную реакцию Литвы, и Иван III спешит послать к западным границам рать, возглавляемую Яковом Захарьевичем Захарьиным. Русские войска занимают Брянск. Великий князь литовский Александр Казимирович также направляет войска к Смоленску, а оттуда к Ельне. Здесь в июле на речке Ведроши разыгралась кровавая битва между литовскими войсками и русской ратью, на помощь которой прибыли полки под водительством Д. В. Щени и И. М. Воротынского. Русские одержали внушительную победу, Литве пришлось смириться со значительными территориальными потерями: территории Стародубского и Новгород-Северского княжеств (с городами Гомель, Чернигов, Путивль и др.), а также города Брянск и Мценск вошли в состав Русского государства; южная граница его достигла верховий Северского Донца. Эти территориальные изменения были подтверждены мирным договором с Литвой, заключенным в 1503 г., но борьба вокруг западно-русских княжеств далеко не закончилась: основным объектом взаимных притязаний станет крупнейший город и крепость Смоленск.

Южная граница отделяла Русь от наследника Золотой Орды — Крымского ханства, образовавшегося в 1443 г. Помимо Крыма ханам принадлежали обширные степи Нижнего Поднепровья. Хан Менгли-Гирей перенес столицу в Бахчисарай. В 1475 г. в ханство вторглись турецкие войска, и с этой поры оно стало вассалом Турции. Хотя русские князья стремились использовать Крымское ханство как союзника в борьбе с Польшей и Литвой, отношения Руси с Крымом были неустойчивыми, и набеги крымцев, приносившие колоссальный урон, станут на многие годы — вплоть до середины XVIII в. — постоянной угрозой для южных районов Русского государства.

1502 — Конфликт в семье Ивана III вступает в новую фазу. Весной «князь великий Иван положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрия, и на его мать Елену, и от того дни не велел их поминати в октениях и литиях (т. е. во время богослужения. — О. Т.), ни нарицати великим князем, посади их за приставы». А три дня спустя «князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княжение Володимерское, и Московское, и всея Руси самодержцем».[151] Забегая вперед, скажем, что и Дмитрий, и его мать Елена Волошанка так и умрут в заключении.

1503 — В апреле умирает Софья Палеолог, а в июле тяжело заболевает и сам великий князь. Возможно, болезнь была одной из причин того, что он не смог отстоять на церковном соборе, состоявшемся в августе-сентябре, свое предложение о ликвидации монастырского землевладения. С обоснованием тезиса, согласно которому у монастырей не должно быть во владении сел, а монахи должны жить «по пустыням», кормясь от трудов рук своих, выступил основатель скита в Белозерском крае Нил Сорский. Однако авторитетные и энергичные церковные иерархи — новгородский архиепископ Геннадий и игумен Волоколамского монастыря Иосиф — не дали провести это решение. Полемика между противниками монастырского землевладения («нестяжателями», «заволжскими старцами») и последователями волоцкого игумена («иосифлянами») растянулась вплоть до 1531 г., когда был осужден последователь Нила Сорского Вассиан Патрикеев. На соборе 1503 г. победу одержали иосифляне.

Болезнь Ивана III прогрессировала, у него отнялись рука и нога, он потерял зрение на один глаз. В декабре-январе 1504 г. великий князь составил новый вариант завещания, по которому его сын Василий получил значительные преимущества сравнительно со своими братьями. Однако по традиции им были выделены уделы: Юрию — Дмитровский, Дмитрию — Углицкий, Семену — Калужский, Андрею — Старицкий. При этом Василий, вероятно, препятствовал женитьбе своих братьев: все они, кроме Андрея Старицкого, не имели наследников, и уделы их, естественно, достались Василию.[152]

1504 — В Москве прошли казни еретиков. Еретиками церковные ортодоксы считали небольшой круг новгородских и московских вольнодумцев, среди которых были как лица духовного звания (в Новгороде), так и миряне. Всем им предъявлялось обвинение в ереси, т. е. в неканоническом толковании Священного писания и церковных догматов. В действительности же речь шла о людях с широкими философскими и естественнонаучными интересами, которые по своим воззрениям сближались с западноевропейскими гуманистами.

Первая попытка расправиться с еретиками была предпринята еще в 1490 г. Но тогда пострадали лишь новгородцы. Москвичи же, подозреваемые в еретичестве, входили в кружок, которому покровительствовали сноха Ивана III Елена Стефановна и ее сын Дмитрий. В московский кружок входили видные дипломаты — дьяки Федор Васильевич Курицын и Иван Волк Курицын, — книгописец Иван Черный, дьяки Истома и Сверчок, купцы. Возможно, им покровительствовал и сам Иван III.

Теперь, пятнадцать лет спустя, положение изменилось: больной Иван III в церковные диспуты не вмешивался, Елена Стефановна находилась в темнице, сын ее Дмитрий был в опале; уже ничто не могло защитить еретиков от карающей длани ортодоксов, возглавлявшихся Иосифом Волоцким, самым непримиримым гонителем любого свободомыслия и светской культуры. В 1504 г. от лица Ивана III, Василия Ивановича и митрополита Симона было велено еретиков «лихих смертною казнию казнити; и сожгоша в клетке диака Волка Курицина, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова ... а Некрасу Рукавову повелеша язык урезати и в Новегороде в Великом сожгоша его. И тое же зимы архимандрита Касияна урьевского сошгоша, и его брата, иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточение разослаша, а иных по монастырем».[153] Эта расправа знаменовала наступление нового периода в истории русской общественной мысли и русской культуры в целом. «Одной из причин неудачи Возрождения на Руси, — пишет Д. С. Лихачев, — была гибель еретического движения ... Это движение имело серьезное прогрессивное значение тем, что будило пытливость, вводило в круг образованности новые сочинения, создавало новый круг интересов. Победа официальной церкви тяжело отозвалась на судьбе возрожденческих идей вообще».[154]

1505 — Умерла в заключении и, как полагают, насильственной смертью Елена Стефановна.

А в августе были устроены грандиозные смотрины — выбор невесты для наследника престола, князя Василия Ивановича. Его Женой стала Соломония, дочь московского боярина Юрия Константиновича Сабурова. Свадьба состоялась в сентябре (или октябре), а 27 октября скончался Иван III. Известный советский историк А. А. Зимин так характеризует умершего князя; «Иван III был одним из выдающихся государственных деятелей феодальной России. Обладая незаурядным умом и широтой политических представлений, он сумел понять насущную необходимость объединения русских земель в единую державу... За 40 с лишним лет его правления на месте многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных княжеств было создано государство, по размерам территории в шесть раз превосходившее наследие его отца. На смену Великому княжеству Московскому пришло государство всея Руси. Покончено было с зависимостью от когда-то грозной Орды. Россия из заурядного феодального княжества выросла в мощную державу, с существованием которой должны были считаться не только ближайшие соседи, но и крупнейшие страны Европы и Ближнего Востока».[155] Напомним, что при Иване III к Москве были присоединены Тверское, Ярославское и Ростовское княжества. Новгородская и Двинская земли; в состав Руси вошли некоторые княжества, находившиеся до этого под властью Литвы. Василий III по завещанию отца получил большую часть великокняжеского удела — 66 городов, тогда как его братья — всего 30.[156] Как мы помним, лишь один из них — Андрей — имел наследника, владения остальных братьев после их смерти переходили великому князю всея Руси. Соперник же

Василия, его племянник Дмитрий, был закован «в железа» и посажен в «полату тесну».[157]

1506 — Состоялся неудачный поход на Казань. Сначала казанцы разбили войско Дмитрия Жилки (брата великого князя), но последовавший затем штурм города, как утверждают, принес успех, однако впоследствии русские все же «побеждены были от татар». В бою пали воеводы М. Ф. Курбский (отец Андрея Курбского), Ф. Палецкий, Д. В. Шеин; значительны были и потери среди ратников.

Василий III настойчиво добивался улучшения отношений с Крымским ханством, что дало бы ему возможность использовать этот союз против Литвы: в 1506 г. был заключен мирный договор с крымским ханом Менгли-Гиреем.

В августе умер великий князь литовский Александр. Василий намеревался сам претендовать на освободившийся престол, но литовская партия, опасаясь также и другого претендента — Михаила Львовича Глинского, бывшего признанным главой православных князей в Литве, — избрала великим князем литовским польского короля Сигизмунда I.

1507 — Началась война с Литвой. Крымские мурзы, на помощь которых рассчитывал Василий III, заключив соглашение с Литвой, сами напали на Русь и подступили к Белеву, Одоеву, Козельску, однако были разбиты воеводами великого князя.

1508 — Михаил Львович Глинский, человек неукротимой воли, энергичный политик и доблестный воин, не примирился с провалом своих надежд на великое княжение в Литве и поднял восстание.

Чтобы заручиться поддержкой Василия III, Глинский принимает его предложение перейти в русское подданство, после чего Василий посылает ему военную помощь. Глинский из своей родовой Туровщины двинулся в глубь Литовского княжества, овладел Мозырем (где сидел воеводой его зять), подошел к Клецку. Брат Михаила Василий осадил Житомир и Овруч. Под Оршей стояли русские полки Якова Захарьича Захарьина и князя Даниила Щени. Однако хорошо укрепленный Минск Глинскому взять не удалось. Войска Сигизмунда подступили к Орше, и русские полки через некоторое время отошли. Сам Глинский, его братья Василий, Иван и Андрей, а также ряд литовских князей (Иван Озерецкий, Дмитрий и Василий Жижемские, Андрей Друцкий и др.) перешли в московское подданство и вошли в состав московского двора. Историки полагают, что неудача восстания Глинского состояла в том, что он опирался исключительно на узкий круг магнатов, не решаясь вовлечь в борьбу широкие массы.[158]

В сентябре литовское посольство, подписав «вечный мир», вновь подтвердило свое признание перехода под русское управление северских земель — значительной территории на левом берегу Днепра, утраченной Литвой в войне 1500 г.

1510 — В этом году в состав Русского государства входит Псковская земля, прежде обладавшая автономией. Повод был найден в событиях, разыгравшихся вокруг личности и деяний псковского наместника, князя Ивана Михайловича Репни-Оболенского. Репня жаловался Василию на псковичей, а псковские посадники, со своей стороны, жаловались на наместника. В октябре эти споры стал разбирать сам Василий III, прибывший в Новгород. Результат оказался удручающим для псковичей: был снят вечевой колокол, а наиболее

влиятельные люди — бояре, посадники, купцы (всего около 300 семей) — насильно переселены из Пскова в города Московской Руси; на их место в Псков отправлено 300 купеческих семей. Наместниками в Пскове были оставлены боярин Г. Ф. Давыдов и конюший И. А. Челяднин.

Включение Пскова в состав Русского государства способствовало экономическому процветанию города, укрепляло его безопасность, но не могло не задевать патриотических чувств горожан. Неизвестный нам автор «Повести о псковском взятии» с горечью восклицал: «О славнейший среди городов — великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, крылья полны когтей, и вырвал от меня кедры ливански (в древнерусской литературе этот образ употреблялся как символ могущества. — О. Т.). Бог наказал нас за грехи наши — вот и землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землей сравняли ... а отцов и братьев наших развезли; где не бывали наши отцы и деды, и прадеды наши, туда увезли...».[159] Хотя в 1510 г. не было ни взятия, ни разорения города, автор сопоставляет потерю Псковом независимости с вражеским нашествием.

1512 — Началась новая война с Великим княжеством Литовским. На этот раз речь шла о возвращении в состав Русского государства Смоленска. Смоленск представлял мощную крепость, и борьба за него была долгой и трудной. Первый поход под Смоленск в январе 1512 г. обернулся неудачей, русские потеряли под стенами города до двух тысяч воинов.

1513 — Летом этого года поход на Смоленск был повторен. Большую русскую рать с многочисленной артиллерией (на вооружении ее было около двух тысяч пищалей — осадных орудий различного калибра) возглавлял сам Василий III с братьями Юрием и Андреем. Однако артиллерийский обстрел не сломил сопротивления защитников Смоленска, хотя в ряде мест была разрушена стена и рухнула Крыношевская башня. «Город был труднодоступен, так как прикрывали его горные стремнины и высокие холмы и стены крепкие», — оправдывал неудачи летописец.[160] Когда же настала осень, «дни студеные», и стало недоставать корма для коней, русские отступили от стен города.

1514 — Весной начался третий поход на Смоленск. Войска вели воеводы Д. В. Щеня и М. Л. Глинский. 8 июня к Смоленску выступил и Василий с братьями Юрием и Семеном. 29 июля начался обстрел города. По словам летописца, «от пушечного и пищального грохота и людских криков и воплей, а также от встречной стрельбы из пушек и пищалей колебалась земля, и люди друг друга не видели и не слышали, и казалось, что весь город поднимается в пламени и клубах дыма».[161] После массированного обстрела гарнизон под давлением горожан запросил о капитуляции. Условия ее были чрезвычайно льготными: всем, кто не хотел служить московскому государю, был обещан беспрепятственный выход из города, предоставлены различные льготы населению. По замыслу Василия, это должно было привлечь на сторону Москвы и другие города с населением православной ориентации.

1 августа 1514 г. Василий III торжественно въехал в город. Затем он направил войска к Минску, Борисову, Друцку. Но неожиданно ситуация изменилась. Василию сообщили, что Михаил Глинский бежал в Литву. Вероятно, честолюбивый магнат оскорбился тем, что Василий не посадил его, как обещал, князем в Смоленске. Глинского удалось перехватить, он был закован и отправлен в Москву. Подошедший с большими силами Сигизмунд нанес поражение русским войскам под Оршей. К Смоленску подошел также отряд литовского князя К. Острожского. Наместник Смоленска князь В. В. Шуйский отбил приступ и жестоко

расправился с изменниками — теми смоленцами, которые хотели, воспользовавшись ситуацией, переметнуться на сторону Сигизмунда. Шуйский приказал повесить изменников на крепостных стенах в тех дорогих одеяниях, которые им перед этим были пожалованы Василием III. Многих смолян выселили из города.

Смоленск и территория княжества с этого времени вошли в состав Московского государства.

1515 — В марте крымский царевич Мухаммед-Гирей совместно с киевским воеводой Андреем Немировым напали на Чернигов, Стародуб и Новгород-Северский. Городов, видимо, взять не удалось, но, как сообщают источники, был уведен большой полон. После смерти Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей стал крымским ханом. На мирных переговорах, начатых по инициативе Москвы, он предъявил совершенно невыполнимые условия: передать ему Новгород-Северский, Брянск, Путивль, Рыльск и другие города, а Сигизмунду возвратить Смоленск.

1516 — Был заключен союзный договор с Данией, направленный против Польши и Швеции.

1517 — Был заключен договор с Орденом, также направленный против Польши. В Москву приезжает посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн (оставивший известные записки о России).[162] Цель его миссии заключалась в том, чтобы договориться о совместных действиях против Турции, а также примирить Россию с Польшей, добившись при этом возвращения Литве Смоленска. Король Сигизмунд спровоцировал набег крымских татар, которые подошли к Туле, но были там разгромлены. Сам же Сигизмунд, выйдя из Полоцка, двинул полки на Псков. Однако и здесь благодаря умелым действиям московских воевод Ф. В. Оболенского и И. В. Ляцкого опасность была ликвидирована; осаждавшее Опочку войско, полностью разбитое, отступило, оставив под стенами города все «воинское устройство». Переговоры с литовскими послами и Герберштейном были сложными; Москва настаивала на возвращении старой «отчины» русских князей — Киева и Витебска, а Литва, напротив, добивалась не только возвращения ей Смоленска, но и претендовала на Новгород, Псков и Вязьму. Герберштейн уехал из Москвы ни с чем.

1520 — Вероятно, именно в этом году окончательно потеряло свой суверенитет Рязанское княжество: князь Иван Иванович, «оболганный» перед Василием III, был схвачен в Москве и заточен.

1521 — Из Казани изгнан царевич Шигалей, а на Москву двинулся из Крыма Мухаммед-Гирей. Удар был нанесен внезапно, московские воеводы либо погибли, как Иван Шереметев и князь В. М. Курбский, либо попали в плен. Татары дошли до Каширы и Коломны и находились в 15 км от Москвы. Был уведен огромный полон. По рассказу летописи, «в плен вели боярынь и боярских дочерей, и около полутора года грудных детей отняли у них и бросили в лесу, где они неделю прожили без еды, и лишь после ухода татар детей собрали и свезли в Москву, к великому князю».[163] Опасаясь спешивших на помощь Москве новгородских и псковских войск, Мухаммед-Гирей отступил, однако получил от Василия грамоту с обещанием «дани и выхода». Осада татарами Рязани была безуспешной, а руководивший обороной князь И. В. Хабар смог достичь немало: он не только выкупил раненого воеводу Ф. В. Лопату-Оболенского, но и хитростью получил на руки и уничтожил грамоту Василия III с

обещанием дани. Хабар был пожалован из окольничьих в бояре. Воеводы же, допустившие поражение под Москвой, были казнены.

1525 — Василий развелся со своей женой Соломонией «бесплодия ради». Она была пострижена (по некоторым источникам — насильно) в монахини. Умерла Соломония в 1542 г.

1526 — Василий женится второй раз — на молодой красавице Елене Глинской («красоты ради лица и благообразия»), племяннице Михаила Львовича Глинского, находившегося в то время в заточении, но после бракосочетания великого князя, разумеется, выпущенного. Глинские вели свою родословную от ханов Большой Орды и пользовались немалым авторитетом в Европе (об освобождении Михаила Глинского хлопотал даже император Максимилиан). Отныне представители этого рода начинают принимать активное участие во внутренней жизни Руси.

1530 — Был совершен поход на Казань, крайне неудачный по результатам. Хотя город сдался и находился «часа три без людей», из-за преступной халатности воевод акция окончилась страшным поражением. Михаил Глинский и Иван Бельский заспорили о том, кому первому вступить в город. Тем временем черемисы захватили лагерь русских войск; погибли воеводы Федор Васильевич Лопата-Оболенский, князь И. И. Дорогобужский. Разгневанный Василий хотел казнить Ивана Бельского, но ограничился заключением его в темницу.

В августе у Василия родился сын Иван — будущий великий князь, а затем царь Иван IV. На радостях были прощены попавшие ранее в немилость Ф. М. Мстиславский, М. Д. Щенятев, Б. И. Горбатый, И. В. Ляцкий и другие, а Соломония Сабурова была переведена из далекого Каргополя в Покрово-Суздальский монастырь.

1533 — Внезапно заболел Василий III. Он находился на охоте в селе Озерецком на Волоке (ныне Волоколамск), когда у него на бедре появилась багровая «болячка» (по предположению современных врачей, у князя был периостит, т. е. острое воспаление надкостницы). Болезнь началась в сентябре, а уже в октябре наступило ухудшение. Прибывшие к князю врачи велели прикладывать к больному месту «муку пшеничную с медом пресным и лук печен, и от того болячка нача рдетися».[164] Вскоре из опухоли стал течь гной. Состояние ухудшалось, и 26 октября великий князь собрал у себя ближних бояр. Приехал и брат его Юрий, но Василий, скрывая от него свою болезнь, отправил того назад в Дмитров. На новом совещании, уже в Кремле, 23 ноября была составлена духовная грамота и распоряжение о судьбе престола: наследником объявлялся трехлетний Иван Васильевич, а опекунами его — Дмитрий Федорович Бельский и Михаил Львович Глинский.[165] В ночь с 3 на 4 декабря Василий III скончался.

Характеризуя умершего великого князя, А. А. Зимин пишет:

«Это был осторожный и трезвый политик. Человек эпохи Возрождения, Василий III сочетал в себе горячий интерес к знанию с макиавеллизмом честолюбивого правителя. Показная набожность прекрасно уживалась в нем с готовностью пожертвовать церковными традициями во имя государственных интересов, которые он отождествлял с особой великого князя всея Руси. В отличие от своего сына Ивана Грозного Василий III редко прибегал к казням своих политических противников, карал, как правило, своих вельмож только опалами за те или иные проступки».[166] Василий III был дальновиден и осторожен и во внешней политике. Он

стремился поддерживать мирные отношения с Великим княжеством Литовским, ограничившись тем, что возвратил Смоленск и его область; он находился в мирных отношениях с Данией и Ливонией, с Империей и Папской курией, которые надеялись увидеть в нем союзника в борьбе с Османской империей; одновременно поддерживал мирные отношения с турками и с Крымским ханством. В годы его правления единственным вторжением на Русскую землю с юга был набег Мухаммед-Гирея, принесший, однако, стране огромные бедствия. Мирные годы способствовали экономическому подъему государства. Но смерть Василия ввергла страну в полосу политических неурядиц, вспыхнувших в среде регентов трехлетнего наследника престола.

1534 — Политическая ситуация в первые годы после смерти Василия III недостаточно ясна: источники противоречивы и безусловно тенденциозны; среди исследователей существуют различные мнения как о составе опекунского совета при малолетнем Иване IV, так и о мотивах и действительных деяниях тех или иных лиц. Во всяком случае трое из опекунов в этом году оказываются в опале: заключены в тюрьму Михаил Львович Глинский и Михаил Семенович Воронцов; некоторое время пробыл в заключении и Михаил Юрьевич Захарьин. В первые же дни после смерти Василия III был обвинен в неповиновении и арестован его брат Юрий. Опасным соперником княжича Ивана представлялся Елене Глинской и другой брат умершего — Андрей Старицкий. В этой сложной обстановке все большую роль при дворе начинает играть фаворит Елены — князь Иван Овчина Телепнев-Оболенский.[167]

1537 — Обострился конфликт между Андреем Старицким и правительством Елены Глинской. Андрей отказался подписать новую целовальную грамоту, в которой он подтверждал свою безусловную преданность Ивану. Отказывался он и от участия со своими войсками в походе на Казань, отказывался приехать в Москву, ссылаясь на болезнь. Посланцы великого князя доложили, что болезнь Андрея «легка», т. е. не что иное, как уловка; в то же время в уделе князя появилось много «прибылых людей», несомненно сочувствующих его политике. Андрей все же был вынужден послать свое войско под Коломну для соединения с войсками великого князя, а в Москву отправил своего боярина — князя Ф. Д. Пронского «бити челом» «о обидах». В Старицу была направлена делегация церковных иерархов, чтобы уверить, будто великого князя «лиха в мысли нет никакого», но одновременно туда же двинулись воинские отряды — на случай, если придется пленить строптивого князя. Андрея предупредили, и он с женой и сыном бежал в Торжок, а оттуда в Новгород. Но вопреки расчетам князя новгородцы не встали на его сторону, а напротив, начали укреплять город, готовясь к возможным военным действиям. Попытка Андрея бежать в Литву не осуществилась — он был захвачен воинским отрядом князя И. Ф. Овчины-Оболенского, посланного Еленой Глинской. Овчина-Оболенский, не имея на то полномочий, начал с Андреем переговоры, убедил его в возможности прощения, доставил в Москву, но там Андрей был заключен в темницу и вскоре казнен, а его жена и сын взяты под стражу. Участники неудачного заговора — ближайшие сподвижники Андрея — также были казнены.

1538 — Умирает Елена Глинская. Существует предположение, что она была отравлена. Смерть великой княгини приводит к новым переменам в окружении мальчика Ивана. Идет ожесточенная борьба двух группировок — Бельских и Шуйских. Обе эти династии будут играть немалую роль в политической жизни России, поэтому необходимо кратко охарактеризовать их представителей. Дмитрий и Иван Бельские были сыновьями Федора Бельского — литовского магната, в 1482 г. перешедшего на службу к Василию III. Оба брата Бельских были боярами и воеводами великого князя. Дмитрий вместе с И. В. Шуйским, М. Л. Глинским и другими находился у постели больного Василия III, когда решался вопрос о

наследнике престола, и был назначен им одним из опекунов Ивана IV. Иван Бельский активно участвовал в борьбе за власть в 40-е гг. и будет убит в 1542 г. Шуйские в отличие от Бельских — Рюриковичи: они ведут свой род от Андрея Ярославича, брата Александра Невского. В рассматриваемое время действуют сыновья Василия Федоровича Шуйского: Василий Немой — воевода, наместник Новгорода, и его брат Иван — боярин, наместник ряда городов.

Первое столкновение Бельских и Шуйских произошло после смерти Елены Васильевны. И. Ф. Бельский, выпущенный из заключения и произведенный в бояре, вновь посажен «за сторожи», его сторонник — дьяк Федор Мишуринов казнен, а другой его союзник митрополит Даниил в феврале 1539 г. низложен. На этом этапе победу одержали Шуйские, приобретшие при дворе Ивана неограниченную власть. Именно тот период вспоминает Иван Грозный в своем послании Андрею Курбскому: «Тем временем князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились; тех же, кто более изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе... Припомню одно: бывало, мы (Иван и его брат Юрий. — О. Т.) играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость?».[168]

1540 — По требованию Боярской думы освобожден И. Ф. Бельский, а по ходатайству митрополита Иоасафа освобождены вдова Андрея Старицкого Ефросинья и его сын Владимир.

1542 — В январе отстраненные было Бельским Шуйские вновь берут реванш. Как вспоминал сам Иван IV, «князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина ... князя Ивана Федоровича Бельского и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали».[169] Заговорщики ворвались «к государю в постельные хоромы не по времени, за три часа до света», немало напугав тринадцатилетнего Ивана.[170]

Новым митрополитом становится Макарий, бывший до этого новгородским архиепископом. Он был выдающимся деятелем русской культуры: по его инициативе создаются «Великие минеи четьи» — монументальный свод всех произведений, которые должны были, по мысли Макария, составить круг чтения его современников. Этот свод состоял из двенадцати томов по 1500—2000 листов большого формата. Значительна роль Макария и как политического деятеля.

В мае умер один из активных участников околорестольных интриг князь Иван Васильевич Шуйский.

1543 — Придворные распри не прекращаются. Во дворце был избит любимец Ивана боярин Федор Воронцов. Его били по щекам «и платие на нем ободраша и хотеша его убить», стащили его с сеней «с великим срамом, биюше и пхаюше, на площадь».[171] Жизнь боярина была спасена лишь благодаря заступничеству великого князя — Федора сослали в Кострому. Осенью же Иван расправился с Шуйским: он велел схватить «первосоветника» — князя Андрея Михайловича Шуйского (троюродного брата князя Василия Васильевича) — и отдать его в руки псарей, которые его и убили.

Разумеется, инициатива этих казней и милостей исходила в конечном счете не столько от

тринадцатилетнего великого князя, сколько от окружения, от враждовавших между собой боярских группировок.

1546 — Летом Иван IV находился со своим войском в Коломне, готовясь выступить против крымцев. Когда он отправился на охоту, к нему подступила с челобитьем толпа новгородских пищальников (воинов, вооруженных пищалями). Сопровождавшие Ивана попытались их отогнать, но те оказали сопротивление. Дело кончилось настоящей схваткой, в ходе которой погибло по пять-шесть человек с каждой стороны. Это выступление было использовано в придворных интригах: в подстрекательстве пищальников ложно обвинили влиятельных вельмож — Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. Все они были казнены. Исследователи полагают, что расправа была инспирирована Глинскими, которые именно в это время набирают силу, выдвигаясь на первые места в окружении Ивана IV.

В декабре Боярская дума по инициативе митрополита Макария приняла решение о венчании Ивана IV на царство. Это был акт большого идеологического значения: принятие великим князем царского титула официально оформляло уже выдвигавшиеся в публицистике того времени идеи о высоком происхождении московских великих князей (их генеалогию стали возводить к римскому императору Августу!), оно должно было повысить престиж самодержавной власти как в самом Русском государстве, так и за его пределами.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

1547 — 16 января Иван IV был торжественно провозглашен «царем всея Руси». Было принято и решение о женитьбе царя. Причем невестой должна была стать не иноземная принцесса — Иван решил искать ее «в своем государстве». В феврале царь женился на Анастасии Романовне Захарьиной — дочери боярина, входившего в ближайшее окружение царя. Выбор царя был воспринят некоторыми княжескими фамилиями как «бесчестие великих родов», ибо Иван взял в жены дочь боярина, «понял рабу свою».[172]

Этот год был зловещим в истории Москвы. С весны в ней начались сильные пожары. В апреле сгорели торговые ряды; в охваченной пламенем кремлевской башне взорвался порох, «и от того разорва стрельницу и размета кирпичие по берегу реки Москвы и в реку».[173] Второй пожар случился также в апреле — сгорели слободы ремесленников, гончаров и кожевенников. Но самый страшный пожар произошел 21 июня. По свидетельству летописи, он начался в церкви на Арбате. Из-за сильного ветра огонь распространялся, «как молния», и пожар за один час охватил весь район за рекой Неглинной. Затем ветер переменялся и подул в сторону Кремля. Загорелись кровли кремлевских соборов великокняжеских хором, сгорел Благовещенский собор в Кремле, украшенный фресками Андрея Рублева, сгорели казна великого князя, оружейная палата, царская конюшня.

Находившийся в Кремле митрополит Макарий, едва не задохнувшийся от дыма, поспешил к

Тайницкой башне на берегу Москвы-реки; по пути, на кремлевской площади, сгорели двое его сопровождающих. Самого же митрополита из Тайницкой башни стали спускать на веревках. Они оборвались, Макарий упал, «разбился» и едва пришел в себя. Его увезли в Новинский монастырь.

Чрезвычайным бедствием был пожар в городе: пылали «дворы и палаты», городские монастыри, взрывался порох в башнях; взрывами были разрушены городские стены. По некоторым сведениям сгорело 25 000 дворов, а погибло, по подсчетам летописца, 1700 жителей. Глинские видели причины весенних пожаров в Москве в действиях «зажигальщиков». Обвиненных в поджогах ловили, подвергали пыткам, предавали жестоким казням: им отрубали головы, сажали на кол, бросали в огонь. Возможно, впрочем, поджоги действительно были, а поджигателей нанимали те, кого оскорбил брак Ивана IV с представительницей нетитулованного боярства. Июньскому же пожару предшествовали недобрые «знамения»: 3 июня упал большой колокол с колокольни Благовещенского собора, накануне пожара о надвигавшейся беде предупреждал чтимый юродивый Василий Блаженный. Все это плодило в суеверном народе разные домыслы. Июньский пожар москвичи стали объяснять действиями ненавистных временщиков Глинских. Ползли слухи, что бабка царя Анна Глинская «з своими детми и людьми волхвовала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела».[174] Этим слухам способствовало и то, что дворы Глинских во время пожара уцелели. Анна с сыном Михаилом бежали из Москвы (по другим версиям, Михаила в Москве не было). Народное возмущение против Глинских было использовано их противниками в боярском окружении Ивана. Когда он 23 июня посетил Макария в Новинском монастыре, то бояре (Федор Иванович Шуйский, Григорий Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и др.), а также духовник царя протопоп Федор стали открыто обвинять Глинских в причастности к поджогам.

Драматические события разыгрались 26 июня на площади у Успенского собора в Кремле. Здесь собрались люди, пришедшие, как полагают, с веча, и когда бояре начали выяснять причины пожара, то толпа стала указывать на Глинских как на виновников бедствия. Страсти разбушевались. Находившийся в Кремле Юрий Глинский пытался скрыться в храме, но его нашли и убили. Были разграблены дворы Глинских, перебита их челядь.

Царь находился в подмосковном селе Воробьево (на Воробьевых горах). Туда 29 июня после расправы с Юрием Глинским отправились восставшие, требуя выдать им Михаила Глинского и его мать. Иван не на шутку испугался и пошел на переговоры: выяснив требования горожан выдать Глинских (которых в Воробьево действительно не было), он «не учини им в том опалы». Народное возмущение было вызвано, вероятно, какими-то неблагоприятными действиями Глинских; обвинение их в «поджигательстве», возможно, явилось уже производным, отражавшим неприязнь к временщикам городских масс.[175]

1549 — В эти годы вокруг Ивана IV собирается круг особо доверенных лиц, определявших внутреннюю и внешнюю политику государства, — как бы негласное «правительство», обладавшее большей властью и влиянием, чем, скажем, Ближняя дума. Это «правительство» Ивана IV его друг и соратник, а впоследствии непримиримый враг, обличавший царя в своих гневных посланиях, Андрей Курбский назвал «избранной радой». В числе наиболее близких царю лиц, входивших в эту «раду», были митрополит Макарий, бояре Захарьины-Юрьевы (Даниил Романович — брат царицы Анастасии и Василий Михайлович — ее двоюродный брат), окольничий Алексей Адашев, выступавший в течение многих лет как доверенное лицо Ивана и обладавший широким кругом полномочий, затем думный дьяк, руководитель Посольского приказа Иван Михайлович Висковатый и, наконец, Сильвестр — священник кремлевского Благовещенского собора, пользовавшийся у Ивана большим авторитетом (хотя влияние его на царя источниками тенденциозно преувеличено).[176]

На заседаниях Боярской думы, Освященного собора (собора высшего духовенства), а затем и на Стоглавом соборе 1551 г. (решения собора были сформулированы в ста главах, отсюда и его наименование) по инициативе Ивана IV и его соратников был принят ряд политических, правовых и экономических реформ, которые, с одной стороны, ликвидировали остатки удельной системы, а с другой — усиливали центральную власть. Русское государство, таким образом, превращалось в сословно-представительную монархию. Еще в 1539—1541 гг. была осуществлена губная реформа, по которой уголовное судопроизводство было передано от наместников губным старостам, избравшимся из местных детей боярских. После 1549 г. земской реформой отменяется система «кормлений»: власть наместников сменяется властью избираемых земских старост; помимо Боярской думы создается новый государственный орган — Земский собор, в заседаниях которого помимо бояр и духовенства принимают также участие приказные люди (высшее чиновничество), дворяне и купечество. Создается система приказов — своего рода прообраз будущих министерств, осуществляется реформа армии и т. д. В то же время ухудшилось положение крестьян: была увеличена плата за право уйти от господина в Юрьев день (26 ноября).

1552 — Иван IV с огромным войском двинулся на Казань. Казанское ханство, образовавшееся после распада Золотой Орды в 1438 г., являлось активной силой: казанцы принимали участие в русских междоусобных войнах XV в., казанские татары (так стали именовать население ханства именно в XVI в.) постоянно совершали опустошительные набеги на прилегающие районы Русского государства. Москва в свою очередь не раз посылала войска на Казань и стремилась, чтобы на казанском престоле оказывались дружественные России ханы. Но в 1521 г. русский ставленник — хан Шах-Али — был свергнут Сахиб-Гиреем, братом крымского хана; в 1524 г. Казань признала вассальную зависимость от Турции.

Походы на Казань 1548 и 1550 гг. были неудачны, однако в 1551 г. недалеко от Казани была основана крепость Свияжск, ставшая базой для дальнейших военных действий. Вновь посаженный на казанский престол Шах-Али удержался недолго, его место занял астраханский царевич Едигер-Мухаммед.

И вот 16 июня 1552 г. из Москвы двинулось огромное войско (150 тысяч воинов, полторы сотни орудий), возглавлявшееся самим царем. В июле войско миновало Муром и в августе сосредоточилось возле Свияжска.

После совещания со своими соратниками и с изгнанным из Казани ханом Шах-Али Иван направляет в город грамоту, предлагая казанцам покориться и бить челом. Тем временем русское войско переправляется через Волгу по «многим мостам», ибо лето было дождливым и в реках было много воды. Когда стало известно, что Едигер-Мухаммед отверг русские предложения, Иван подступил к стенам Казани. Вместе с царем, возглавлявшим войско, находился его двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий (сын Андрея Старицкого, казненного в 1537 г.); основное руководство осуществляли воеводы — князья М. И. Воротынский, А. М. Курбский, А. Б. Горбатый.

Осада города началась в конце августа. Перед городскими укреплениями русские начинают сооружать «туры» — осадные башни, широко применяются подкопы под крепостные стены. Один такой подкоп уперся в подземный ход из города к реке: туда было заложено 11 бочек с порохом, и он был взорван вместе с людьми, шедшими за водой. При взрыве обрушилась стена, «и множество в городе казанцев побило камением и бревны, с высоты великия падающе, еже зелием (порохом. — О. Т.) взрвало».[177] Осаждающие возвели у стен города огромную башню, на которую втащили пищали и «стреляли в город по улицам и по стенам градным». Постепенно «туры» подвигали все ближе к стенам, рвы стали засыпать бревнами и землей, устраивать через них мосты. Утром 2 октября, когда был взорван очередной подкоп, от взрыва дрогнула и затряслась земля, взлетели бревна, подняло в воздух защитников

крепости. В образовавшийся в стене пролом ворвались осаждающие. Начались уличные бои, причем из-за тесноты пришлось спешиться конникам; бились копьями, саблями и кинжалами. Часть татар бежала из города. В погоню за ними помчался князь Андрей Курбский, его сбили с коня и ранили (Курбский напомнит об этом в своем послании Грозному). Наконец был взят в плен и Едигер-Мухаммед. Иван IV по расчищенным от трупов улицам торжественно въехал в Казань.

Когда русское войско с победой вернулось в Москву, то встречавших было «толико множество народа — и поля не вмещают их: от реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народа, стари и уни, велиими гласы вопиющи, ничтоже ино слышати токмо: "Многа лета царю благочестивому, победителю варварскому и избавителю христьяньскому"». [178]

Присоединение к Руси Казанского ханства было важнейшим политическим событием. Русь избавилась от постоянной угрозы опустошительных набегов. Казанские ханы Утемиш-Гирей и Едигер-Мухаммед были крещены и получили христианские имена Александр и Симеон. Для Симеона был пожалован «двор» в Москве, а год спустя царь женил его на Марье, дочери Андрея Кутузова, причем свадьба была на царском дворе, а венчались в Благовещенском соборе Кремля. В XVI в. на русскую службу переходят многие представители татарской знати.

1553 — В марте царь тяжело заболел: он перестал узнавать окружающих, и, судя по его состоянию, многие полагали, что царь «к концу приближися». Ивану напомнили о духовной грамоте (завещании), которая была у него заблаговременно подготовлена, и в соответствии с ней стали присягать сыну Ивана — полуторагодовалому Дмитрию. 11 марта присягнули ближние бояре: И. Ф. Мстиславский, В. И. Воротынский, И. В. Шереметев, М. Я. Морозов, Д. Ф. Палецкий, Даниил и Василий Захарьины-Юрьевы и другие. Как разворачивались события дальше, судить сложно. Подробное описание их содержится в летописи (в так называемой Царственной книге), правда не в основном ее тексте, а в приписках, сделанных, как доказывают, много позднее — в 1575—1576 гг. [179] В этих приписках, составленных под наблюдением царя, содержатся тенденциозные обвинения в адрес ряда лиц, впоследствии впавших в немилость; им вполне могли задним числом приписать враждебные действия в 1553 г. Ясно лишь одно: у «пеленочника» Дмитрия оказался сильный соперник — двоюродный брат Ивана Владимир Андреевич Старицкий. Энергичная вдова Андрея Старицкого Ефросинья пыталась заручиться поддержкой бояр в пользу своего сына, подкрепляя агитацию щедрыми дарами. Но как ни колебались бояре (они не без оснований тревожились, что за младенца Дмитрия будут управлять его родичи Захарьины-Юрьевы), они присягнули все же Дмитрию. Долго упорствовали Старицкие: Владимира едва «принудили крест целовати», а к княгине ходили трижды, прежде чем она «одва велела печать приложити, а говорила, что то де за целование, коли невольное, и много речей бранных говорила». [180] Эти тревожные дни вспомнит Иван IV в своем послании Курбскому: «...когда же ... я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями ... восшатались, как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более — души свои и присягу нашему отцу и нам не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить...». [181] Умыслы против младенца Дмитрия (кстати говоря, умершего в том же году), вероятнее всего, фантазия самого Грозного, задним числом множившего проступки своих уже к тому времени казненных или опальных недругов.

В этих колебаниях и распрях у постели больного Ивана, колебаниях, вызванных прежде всего нежеланием служить худородным Захарьиным-Юрьевым, уже зрели семена будущих немилостей, опал и казней. Пока же царь выздоровел. Интриги утихли. Иван со своими

сподвижниками продолжил реформы, которые должны были помочь ему ограничить власть боярства. Свои принципы нового государственного устройства царь настойчиво формулирует в послании Курбскому, на исторических примерах осуждая «многовластие», приводившее к гибели государства. Грозный вопрошает: «Неужели это свет — когда поп (обвинение в адрес Сильвестра. — О. Г.) и лукавые рабы правят, царь же по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?».[182] Неограниченное самовластие было политическим идеалом Грозного.

1556 — Русскими войсками взята Астрахань. Астраханское ханство признало вассальную зависимость от Руси. Вассалом Русского государства объявит себя и Орда Больших Ногаев, кочевавшая в заволжских степях.

1558 — Началась война с западным соседом Русского государства — Ливонией.[183] Она располагалась на территории современных Латвии и Эстонии. В Ливонии насчитывалось более 150 укрепленных замков, из которых по крайней мере треть принадлежала Ордену меченосцев. Официальным поводом для войны послужила неуплата дерптским архиепископом дани. На переговорах в 1554 г. было достигнуто соглашение о выплате недоимок, но условия его не выполнялись, к тому же Русское государство было заинтересовано в покорении Ливонии, так как приобретение ее территории открыло бы ему широкий выход в Балтийское море. Первое вторжение русских войск было осуществлено в январе. Это был глубокий рейд, носивший в основном разведывательный характер. С большой добычей армия вернулась в пределы Псковщины.

В конце весны русские войска осуществили новое вторжение: им сдались в большинстве своем без боя Нарва, Дерпт и ряд других городов и замков. Местное население (как сельское, так и городское) получало от Русского государства различные привилегии и освобождалось от власти немецких феодалов. Поэтому латыши и эсты не оказывали сопротивления русским войскам. Воевода П. И. Шуйский дошел до Ревеля (Таллина), однако город не открыл ему ворот и отказался от переговоров.

1560 — Между Иваном и деятелями «избранной рады» — Алексеем Адашевым и Сильвестром — возникают серьезные противоречия, в частности по вопросу о войне в Ливонии. Адашев был противником этой войны, считая необходимым направить основные усилия на борьбу с Крымским ханством. Грозный отправил неуступчивого Адашева воеводой в Феллин (ныне Вильянди), а затем в Дерпт в подчинение к тамошнему воеводе Хилкову. Однако на этом невзгоды для Адашева не кончились. Когда умерла царица Анастасия, то в ее смерти обвинили не только врачей, но и якобы руководивших ими Адашева и Сильвестра. Бывший советник Ивана IV был заочно осужден, заключен в темницу и умер. Сильвестр ушел в монастырь. «Избранная рада» прекратила свое существование.

1561 — Иван IV вступает во второй брак: его женой становится дочь кабардинского князя Темрюка, получившая при крещении имя Мария.

Война в Ливонии, казалось бы, приносила успехи русскому оружию, но появились серьезные политические осложнения: в ноябре было заключено соглашение между представителями рижского архиепископа и Ордена меченосцев, с одной стороны, Литвой и Польшей, с другой — согласно которому все орденские земли в Ливонии переходили под власть Литвы и

Польши. Кроме того, еще в июне феодалы Северной Эстонии признали себя вассалами шведского короля Эрика XIV, а остров Эзель еще в 1559 г. был продан епископом за 30 тысяч талеров герцогу Магнусу, брату датского короля. Таким образом, вместо слабой Ливонии, феодалы которой не пользовались поддержкой собственного народа, Русскому государству противостояли теперь сильные соперники. Грозный поспешил нейтрализовать Швецию, заключив мирный договор на 20 лет с Эриком XIV. Главными противниками России оставались Литва и Польша.

1562 — Иван IV в духовной грамоте назначает регентский совет при своем сыне Иване, которому исполнилось в это время 7 лет. Запись — обещание верной службы — подписали И. Ф. Мстиславский, В. М. Захарьин-Юрьев, А. П. Телятевский, И. П. Яковлев, Ф. И. Колычев-Умный, П. И. Горенский, Д. Р. Захарьин-Юрьев и дьяк Андрей Васильев.

1563 — Были начаты крупные военные операции против Литвы. Русская армия численностью в 50—60 тысяч человек подступила к Полоцку. После кратковременной осады Полоцк был взят. Однако предпринятый из Полоцка и Смоленска поход на Минск окончился неудачей. Начатые в конце года переговоры с послами Сигизмунда II не привели к достижению соглашения.

В этом году царь получил наконец возможность расправиться с матерью своего соперника Владимира Старицкого Ефросинией. Дьяк Савлук Иванов пожаловался царю, что княгиня и ее сын «многие неправды ко царю и великому князю чинят», а его самого держат в тюрьме. Иван постриг Ефросинию в монахини, но она, впрочем, достаточно свободно жила в Воскресенском женском монастыре, окруженная своими боярынями. На некоторое время впал в немилость и князь Владимир.

1564 — Продолжается война с Литвой. Русские войска потерпели неудачу под Невелем. В июне литовцы нанесли им новое поражение под Оршей. В ночь на 30 апреля из Юрьева (Дерпта) бежал в Литву бывший личный друг Адашева и соратник царя князь Андрей Курбский. Сам Курбский объяснял причину побега страхом перед ожидавшей его опалой. Не случайно, полагал он, его услали в Юрьев, где до того находился впавший в немилость Адашев. Побег князя происходил не без драматических эпизодов: на границе у него отняли все золото и даже лисью шапку. Вскоре Курбский отправил Грозному послание, в котором объяснял причины побега и осыпал царя обвинениями — прежде всего в расправах со своими бывшими единомышленниками и «верными слугами». Узнав о побеге Курбского в начале мая и летом же получив его послание, Иван 5 июля написал ответное послание, в котором не только всячески поносил беглеца, но и оправдывал свои репрессии. Так началась знаменитая переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского.[184]

Вторая половина года была тяжелой для Руси: литовские отряды появились под стенами Чернигова и Полоцка (куда вместе с литовским полководцем Николаем Радзивиллом пришел и Андрей Курбский), на Рязань напал крымский хан Девлет-Гирей.

Конец года был ознаменован одним из этапных событий русской истории — введением опричнины. 3 декабря Иван вместе с царицей и детьми покидает Москву как бы для поездки на богомолье. Однако царь взял с собой не только иконы и кресты, но также различные драгоценности и казну. Из Москвы с ним выехали отобранные им самим бояре, дворяне и дети боярские. Из дворцового села Коломенского Иван направился в Троицкий монастырь, я оттуда в хорошо укрепленную Александрову слободу (ныне г. Александров).

1565 — 3 января Иван направил митрополиту Афанасию послание, в котором объяснил отъезд из Москвы гневом на «своих богомольцев, на архиепископов и епископов, и на архимандритов, и на игуменов, и на бояр своих, и на дворецкого и конюшего, и на околничих, и на казначеев, и на дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей». Иван обвиняет их в том, что в прошлом, после смерти Василия III, они «людям многие убытки делали и казны его государские тощили», а бояре и воеводы «земли его государские себе розоимали и другом своим и племени его государские земли раздавали» и т. д. По этим причинам, указывал царь, он «государство свое оставил». В то же время в другой грамоте, обращенной к купцам и ко всему православному «крестианству града Москвы», царь подчеркивал, что на них «гневу ... и опалы некоторые нет».[185]

После оглашения посланий царя была создана депутация во главе с новгородским архиепископом Пименом, боярами И. Д. Бельским и И. Ф. Мстиславским. В нее входили бояре, приказные люди, а также депутаты от горожан. Они просили царя вернуться к управлению страной и делать, «как ему, государю, годно: и хто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля».[186] И так, разрешение на расправы было дано, и Иван не преминул этим воспользоваться. Он объявил, что все управление сохранится по-прежнему, но он создает «опричнину», т. е. выделяет значительные территории, на которых получают надельные участки служащие его царского двора — опричники.

Опричниками именовались лица, входившие в особый («опричный», и значит, «отдельный, особый») военный корпус, первоначально состоявший из 570 человек. Впоследствии число опричников выросло до 5 тысяч. Во главе их стояли не только представители княжеских родов и старомосковского боярства, но и совсем случайные люди, заслужившие особое доверие царя своей готовностью к осуществлению самых жестоких расправ, такие как Малюта Скуратов или Григорий Ловчиков. «Опричникам предписывалась особая форма одежды: грубые нищенские или монашеские верхние одеяния на овечьем меху, нижние же из шитого золотом сукна — на собольем или куньем».[187] Атрибутом конного опричника являлась собачья голова, привязанная к голове лошади, что должно было символизировать свирепость всадника. Управляла опричниной особая боярская дума, возглавляемая братом царицы Михаилом Черкасским. Но фактически опричным террором руководили любимцы Грозного — Алексей Басманов, Захарий Иванович Очин-Плещеев, кравчий Федор Басманов, оружничий — князь Афанасий Вяземский, думные дворяне П. Зайцев, Малюта Скуратов, Василий Грязной и другие.[188]

Уже в феврале, после возвращения царя в Москву, состоялись первые казни лиц, обвиненных в поддержке Владимира Старицкого: были казнены опытный воевода, герой взятия Казани князь А. Б. Горбатый с пятнадцатилетним сыном и окольничий П. П. Головин, посажен на кол Д. Ф. Шевырев, Д. И. Немого и И. А. Куракина постригают в монахи. В мае начались массовые переселения опальных в Казань, Свияжск, Чебоксары. По свидетельству Андрея Курбского, «вскоре после смерти Алексея (Адашева. — О. Т.) и по изгнании Сильвестра потянуло дымом великого гонения и разгорелся в земле русской пожар жестокости ... наш новоявленный зверь тут же начал составлять списки имен родственников Алексея и Сильвестра, и не только родственников, но всех, о ком слышал от тех же своих клеветников, — и друзей, и знакомых соседей, или даже и мало знакомых, а многих и вовсе не знакомых, оклеветанных теми ради богатства их и имущества. Многих он велел хватать и подвергать различным мучениям, но других — таких еще больше — выгонять из домов и имений в дальние города».[189]

Как происходило это изгнание, свидетельствуют сами опричники: если выселение происходило зимой, то всякого из горожан или крестьян, кто давал приют больным или роженицам хотя бы на один час, предавали казни.[190]

1566 — Репрессии несколько поутихли. Был возвращен из ссылки князь М. И. Воротынский, возвращены некоторые из высланных в Казань, даже князю Владимиру Старицкому разрешили построить дом в Москве.

В июне и в июле в Москве ведутся переговоры с литовским посольством. От имени Ивана IV их ведут доверенные лица — боярин В. М. Захарьин-Юрьев, оружничий А. И. Вяземский, печатник И. М. Висковатый и другие. Сначала русские представители требовали возвращения России обширных территорий, принадлежавших ей до монголо-татарского нашествия, включая Киев, Луцк, Ровно, Галич, Львов. Затем требования стали более умеренными: речь шла о возвращении Киева, Гомеля, Витебска Любеча. Литва же в свою очередь настаивала на возвращении ей Полоцка и Смоленска. Расходились взгляды и на судьбу Ливонии. Иван IV требовал передачи всей Ливонии, включая Ригу; Литва же соглашалась на передачу лишь той части ливонской территории, которая была фактически занята русскими войсками, и побуждала к совместным действиям против Швеции. Позиция русских представителей была поддержана и Земским собором, заседавшим с 28 июня по 2 июля. Но литовская сторона упорствовала, несмотря на ряд предложенных русскими уступок. В результате было решено завершить переговоры всего лишь соглашением о перемирии на десять лет, для чего в Литву отправилось посольство во главе с Ф. И. Колычевым-Умным и Г. И. Нагим. Посольство, однако, вернулось ни с чем, сетуя на перенесенное ими «бесчестие великое».

В этом же году был избран новый митрополит всея Руси. Им стал Федор Колычев. Он происходил из служилой фамилии: отец его принадлежал к новгородским детям боярским (мелким феодалам), сам Федор Степанович находился в молодые годы при великокняжеском дворе. Но в 1537 г. он бежит из Москвы (как полагают, в связи с арестом князя Андрея Старицкого, с которым были связаны родичи Федора). В 1538—1539 гг. он постригается в Соловецком монастыре, получив монашеское имя Филипп, а уже в конце 40-х гг. становится игуменом и проявляет себя необыкновенно деятельным и рачительным руководителем братии. Филипп уже при утверждении своей кандидатуры поставил условием, «чтобы князь и великий царь отставил опришнину». Грозный с неудовольствием потребовал, чтобы Филипп «в опришнину и в царской домовою обиход не вступался». Тем не менее Филиппа убедили принять сан.

1567 — Летом московские бояре И. Ф. Мстиславский, М. И. Воротынский, И. Д. Бельский и И. П. Федоров получили письмо от Сигизмунда-Августа, который выражал им сочувствие, сетовал на тирана-царя и как бы побуждал бояр к измене. Однако они сообщили о письме Ивану, и резкий ответ их Сигизмунду, возможно, был составлен при участии царя.

1568 — Весной произошла стычка митрополита Филиппа с царем. Во время богослужения в кремлевском Успенском соборе Иван вошел в храм в сопровождении вооруженных опричников. Служивший в это время митрополит упрекнул Ивана и заявил, что никогда не слыхивал, чтобы благочестивый царь «свою державу возмущал»; Иван резко оборвал Филиппа: «Что тебе, чернецу, до наших царских советов дело. Того не веси (не знаешь. — О.Т.), мене мои же хотят поглотити». Филипп все же отказался благословить царя, и тот в гневе покинул собор.[191] Митрополиту не прошел даром его протест: вскоре он был оклеветан, обвинен и выслан в Тверской Отроч монастырь.

В сентябре прокатилась новая волна казней. Одной из жертв был конюший, в прошлом один из руководителей Земской думы боярин И. П. Федоров-Челяднин, человек безупречной

репутации и огромного авторитета (не случайно его хотел «сманить» в своем послании 1567 г. Сигизмунд-Август). Согласно преданию, Иван IV призвал его во дворец, заставил облечься в царские одежды, сесть на трон, а потом и обвинил: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем московским и занять мое место». По одним сведениям, царь сам заколол боярина, по другим — тот был убит опричниками. Труп боярина выволокли вон и бросили в навозную кучу.[192] Тогда же были казнены около 150 его дворян, приближенных и слуг. Были казнены и другие видные бояре — М. И. Колычев, М. М. Лыков, А. И. Катырев-Ростовский. Многих казнили без суда, убивали в домах и на улице.

1569 — Умерла Мария Темрюковна. Грозный, как говорят, считал причастным к ее смерти своего соперника — Владимира Старицкого. Когда тот, вернувшись из Нижнего Новгорода, где он готовился к походу против турок, предстал перед царем, Иван обвинил его в покушении на свою жизнь и заставил выпить яд. Тогда же были убиты жена и дочь старицкого князя, две недели спустя задушена мать Владимира — черница Евдокия (в миру — Ефросинья).[193] Расправа над князем повлекла, как это стало уже обычным, и казни связанных с ним лиц. Старицкий удел был ликвидирован.

Теперь Иван обратил свой взгляд на Новгород. Существует версия, что поводом для расправы с новгородцами послужил донос некоего Петра Волынца, но по официальной версии новгородцы будто бы собирались передать Новгород и Псков польскому королю. Поход пятнадцатитысячной армии опричников на Новгород начался в декабре. По пути опричники устроили кровавую резню в Клине, Торжке, Твери, Верхнем Волочке. В одной Твери погибло несколько тысяч мирных жителей. 23 декабря в Тверском Отроче монастыре по приказу царя Малюта Скуратов задушил бывшего митрополита Филиппа.

1570 — 2 января опричное войско окружило Новгород, отрезав населению все возможные пути бегства. Кровавый террор длился несколько недель. Общее число убитых установить трудно, но несомненно, что погибло несколько десятков тысяч. Истребление людей велось самыми жестокими способами. «Повесть о приходе Ивана IV на Новгород» рассказывает, что людей обливали горячей смесью, поджигали, а потом, привязав камни, бросали в воду с Волховского моста. С моста же бросали связанных людей, причем младенцев привязывали к матерям. Тех же, кому удавалось всплыть, опричники, разъезжая на лодках протыкали рогатинами и рубили топорами. В некоторые дни, утверждает автор повести, в реке топили до тысячи-полутора тысяч жертв. «Гибель многих тысяч новгородских крестьян и ремесленников, конечно, ничем не может быть оправдана, — пишет видный историк А. А. Зимин. — Мстительный и кровожадный правитель без всякой нужды залил кровью безвинных людей новгородские улицы и севернорусские деревни».[194] После этого разгрома Новгород превратился в малозначащий город, полностью покорный царю.

Иван вернулся в Москву. 25 июля свершилось новое злодеяние — массовая казнь на площади у «Поганой лужи» (ныне Чистые пруды). Было приведено триста осужденных, 184 из них были прощены. Остальных ожидала мучительная смерть. Вот как описывают эту казнь Иоганн Таубе и Элерт Крузе, два ливонца, служившие в опричном войске: Иван «приказал построить на рыночной площади отгороженное место, а сам вместе со старшим сыном и опричниками в количестве нескольких тысяч, вооруженных, отправился на площадь и приказал привести к себе этих самых обреченных одного за другим. Среди них были его казначей Никита Фуников и главный канцлер Иван Висковатый, которого он любил, как самого себя. Он приказал сперва привязать казначея к столбу, развести огонь и топить под ним котел с горячей водой до тех пор, пока тот не испустил дух. Канцлера приказал он привязать к доске и растерзать и изрезать его, начав с нижних конечностей и кончая головой». Другие обреченные были привязаны к барьеру, и Иван вместе с сыном «проткнул их пиками и

зарубил саблями».[195] В тот же день был казнен и повар, некогда по приказанию самого Грозного отравивший Владимира Старицкого; были казнены многие дьяки, приказные люди. Сами опричники попали под топор ими же чинимого террора: Афанасий Вяземский, обвиненный в том, что он будто бы предупредил новгородцев о готовящемся на них походе, был убит донесшим на него Григорием Ловчиковым, опричником и царским ловчим; в том же году гибнет, однако, и сам Ловчиков. По сведениям Курбского, Алексея Басманова зарезал собственный сын Федор, который потом также был казнен.[196]

В эти же годы Грозный вновь ищет способ овладеть Ливонией. В мае 1570 г. в Москве с почетом принимают датского принца Магнуса и предлагают ему на правах вассала Русского государства стать королем Ливонии. Москва обещала новому правителю военную помощь, а для себя добивалась свободы сношений и торговли через территорию его будущих владений. Это решение подсказывалось внешнеполитическими обстоятельствами: в 1569 г. была провозглашена Люблинская уния, по которой Литва и Польша сливались в одно государство — Речь Посполитую. Пока она не вступила в борьбу за Ливонию, московское правительство спешило выступить против другого претендента на ливонские земли — Швеции, однако Магнусу и его русским союзникам не удалось овладеть Ревелем: датский король не оказал помощи Магнусу и даже заключил союз со шведским королем, а тревожное положение на южных рубежах Русского государства, которым по-прежнему угрожал Крым, не позволило направить под Ревель достаточные силы.

1571 — Изменники — дети боярские из Белева, Калуги и Каширы (Кудеяр Тишенков, Окул Семенов, Ждан и Иван Васильевы и другие) убедили крымского хана Девлет-Гирея, что наступило удобное время для похода на Москву, так как русское войско находится в Ливонии. Девлет-Гирей двинулся к Туле, а оттуда к Серпухову, под которым разбил отряд опричного войска. Иван Грозный вышел, было, ему навстречу, но затем, видимо, не решившись принять бой из-за малочисленности своего войска, уехал через Александрову слободу в Ростов.

23 мая хан неожиданно появился под стенами Москвы. Крымцам удалось поджечь город. Из-за сильного ветра пожар быстро распространился, и столица выгорела за три часа. В Кремле сгорели церкви и деревянные дворцы, взорвалась Пушечная изба, дотла выгорел Китай-город. Воевода И. Д. Бельский был ранен в стычке с татарами за Москвой-рекой, а затем, вернувшись в свое подворье, задохнулся там от дыма. Пожар имел катастрофические последствия. Современники называли число погибших от 120 до 300 тысяч человек. Во всяком случае трупы вывозили с пепелищ в течение месяца. Крымцы ушли в свои степи, увозя огромный полон.

Возвратившийся в столицу Грозный поспешил найти виновных: был казнен деверь царя — командующий опричным войском Михаил Черкасский; был утоплен боярин В. И. Темкин-Ростовский, отвечавший за оборону Москвы. По приказу Ивана его лекарь Бомелей отравил дворецкого И. Ф. Гвоздева-Ростовского, спальника Григория Борисовича Грязного и до ста других опричников.

А вскоре после этого национального бедствия Грозный устраивает в Александровской слободе грандиозный смотр невест, на который свезли до 2 тысяч претенденток. Выбор царя пал на Марфу, дочь коломенского сына боярского Василия Собакина. 28 октября она стала царицей, а уже 13 ноября болезненная Марфа скончалась.

4 ноября на Евдокии Сабуровой женился сын царя — Иван.

1572 — Окрыленные успехом минувшего года — сожжением Москвы — крымские татары намеревались осуществить новый поход и добиться вассальной зависимости Русского

государства. Девлет-Гирей собрал огромную армию в 40—50 тысяч человек. Противостоявшие ему войска насчитывали чуть более 20 тысяч. В июле татары подошли к Туле и пытались переправиться через Оку выше Серпухова. Задержать их не удалось, и крымцы двинулись по серпуховской дороге на Москву. Но командовавшему передовым полком молодому князю Д. И. Хворостинину удалось отбросить авангард татарского войска, возглавлявшийся сыновьями Девлет-Гирея. Лишь когда хан послал им на помощь двенадцатитысячный отряд, татары оттеснили Хворостинина к Серпухову. Тем временем воевода М. И. Воротынский укрыл свой Большой полк в подвижной крепости («гуляй-городе») «на Молодех», в 45 км от Москвы. Когда 30 июня туда подошли преследовавшие Хворостинина татары, они попали под ожесточенный артиллерийский огонь и понесли значительные потери. К тому же в сражении у стен гуляй-города был взят в плен татарский воевода Дивей-мурза. Решающее сражение произошло 2 августа. Татары пошли на штурм гуляй-города, который оборонял Хворостинин, оставшийся там с небольшим отрядом наемников и артиллерией, а тем временем незаметно покинувший крепость Воротынский напал на противника с тыла. Татары в панике отступили. Девлет-Гирей бежал в степь, брошенное им войско рассеялось: частично оно погибло в бою, многие утонули при переправе через Оку или были взяты в плен. Угроза со стороны Крыма была на время ликвидирована.

К осени того же года была упразднена опричнина; отменены льготы, которыми пользовались влиятельные опричники; специальным указом было запрещено даже упоминать слово «опричнина», чтобы, как полагает Р. Г. Скрынников, не допускать какой-либо критики опричных порядков.[197]

За время существования опричнины была разгромлена старая княжеская знать, по существу ликвидирована сама возможность выступлений удельных князей против царя, подорвано крупное боярское землевладение, усилилось дворянство. Но опричный террор можно оценить совершенно однозначно: ослабив влияние боярской аристократии, царь тем не менее «нанес ... большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, т. е. тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии».[198] «Опричнина дорого обошлась стране, — пишет далее Р. Г. Скрынников. — Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней».[199]

1573 — Расправы Грозного не прекратились. Были казнены известные московские воеводы — Михаил Иванович Воротынский, победитель татар в битве при Молодех, опричник и воевода Никита Романович Одоевский, воевода Михаил Морозов. В то же самое время Грозный передает во владение сыну Владимира Андреевича Старицкого Василию г. Дмитров.

1575 — Расправы над вчерашними соратниками и любимцами продолжают: казнены руководители Ближней думы — бывшие опричники Б. Д. Тулупов и В. И. Колычев-Умный, — которых обвинили в измене. Б. Д. Тулупов был посажен на кол. Казнены и многие близкие к ним люди, причем головы казненных бросали во дворы князю И. Ф. Мстиславскому, митрополиту Антонию, думному дьяку А. Я. Щелкалову, что должно было послужить тем зловещим предупреждением. Был обвинен в измене и погиб в тюрьме новгородский архиепископ Леонид, еще недавно поддерживавший все акции опричников Грозного. Во время бегства был схвачен, заключен и после жестоких пыток казнен зловещий Бомелей — придворный медик Грозного, изготовлявший яды для устранения недругов своего повелителя. Он оговорил еще нескольких лиц из ближайшего окружения Ивана; был, в частности, казнен племянник Анастасии — первой жены Грозного — Протасий Васильевич Юрьев.

Болезненно подозрительный, всюду ищущий заговоры и измену, Иван IV уже вел переговоры о бегстве в Англию; в Вологде была перевезена большая часть его сокровищ для отправки по реке Двине к Белому морю в случае отъезда царя из страны.

Грозному вновь нужны были неограниченные полномочия, и он получил их весьма необычным приемом. Осенью Иван неожиданно передал престол (правда, с титулом не царя, а великого князя) служилому татарину Симеону (Саину Булату Бекбулатовичу), а себя объявил удельным князем московским, уничижительно именуясь «Ивашкой». Ничтожный и абсолютно неавторитетный Симеон был, разумеется, марионеткой, хотя именно он въехал в кремлевские палаты, тогда как Грозный перебрался во дворец за Неглинной. Новоиспеченный великий князь, конечно же, ни в чем не мог отказать Ивану, обращавшемуся к нему с напускным смирением, с просьбой «милость показать» и дать ему право «перебрать людишек», т.е. вывести из-под власти Симеона и перевести в свой удел тех или иных подданных. К «уделу» Ивана относились Ростов, Псков, Старица, Дмитров, Ржев, Зубцов. Управляли «уделом» люди из нового окружения царя: постельничий Дмитрий Годунов (дядя Бориса, будущего царя), Богдан Яковлевич Бельский (однофамилец князей Бельских, потомков Федора Ивановича Бельского), Афанасий Нагой, на племяннице которого Марии Грозный женится в 1580 г. (это будет его седьмой и последний брак). Год спустя Симеон будет тихо сведен с трона и отправлен княжить в Тверь, и Грозный снова станет царем и великим князем. Но тем не менее за этот год царь успеет создать личное войско, подобное прежнему, вновь обрушит на исстрадавшуюся страну град репрессий. Характеризуя это время, Р. Г. Скрынников пишет: «Кровавые казни бояр и "переборы людишек" знаменовали возврат к прежним террористическим методам управления страной. Аппарат управления был в значительной мере дезорганизован разделом государства и полной неопределенностью разграничения компетенции "великого князя" Симеона и удельного князя Иванца Московского».[200] Как утверждал один из современников, англичанин Д. Горсей, «духовенство, дворяне и земство (простое сословие) принуждены были просить Ивана IV вернуться на царство, и тот согласился принять корону, выставив многие условия».[201]

В 1575 г. возобновилась война в Ливонии. На первых порах русские войска одержали внушительные победы: в результате их армия вышла на побережье Балтики на огромном протяжении — от Ревеля до Риги, русские овладели такими крупными крепостями, как Пернов (Пярну), Апсаль (Хаапсалу). Ревель был, однако, захвачен шведским королем, а Ригу вместе с территорией к югу удерживала Литва.

1576 — В Польше королем был избран трансильванский князь Стефан Баторий. Кончился период бескоролья, наступивший после смерти в 1572 г. Сигизмунда II Августа и кратковременного правления Генриха Анжуйского. Стефан Баторий энергично принялся за укрепление страны и ее армии. Но на первых порах в государстве еще продолжалась смута, вызванная тем, что нового короля признали не во всех областях Польши. Этим воспользовался Грозный, начавший новую осаду Ревеля. В результате успешных действий русских войск к 1577 г. вся Прибалтика, за исключением Риги и Ревеля, оказалась в их руках.

1578 — На переговорах с Москвой польские послы не признали русских приобретений в Ливонии. Польша в союзе со Швецией готовилась к новой войне. Польско-литовские войска отобрали ряд городов, в том числе Бенден. Герцог Магнус перешел на сторону Речи Посполитой. Одновременно шведы напали на Нарву.

1579 — В августе Стефан Баторий с пятнадцатитысячной армией приходит на Полоцк и

после четырехнедельной осады овладевает городом. Попытка Ивана IV примириться с Баторием не увенчалась успехом.

1580 — Новый поход Батория. На этот раз удар был нанесен по Великим Лукам — тыловой крепости, оборонительные сооружения которой давно обветшали. Через неделю после осады крепость пала. В то же время шведы овладели г. Корела на западном берегу Ладожского озера. Грозный вновь предложил перемирие, предлагая передать Польше всю Ливонию, но оставляя за собой Нарву. Баторий отвечал отказом. В результате военных поражений и дипломатических неудач Ливония была полностью утрачена для русских. Длившаяся более двадцати лет Ливонская война, принеся и Ливонии, и Русскому государству многочисленные жертвы и разорение, подходила к своему бесславному концу.

1581 — Баторий предпринял третий поход, направив войска на Псков — важный торговый центр и один из крупнейших русских городов, насчитывавший в то время около 20 тысяч жителей. О героической обороне Пскова рассказывает древнерусская «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». В ней специально отмечена разноплеменность многочисленного войска Батория: «...многие орды и многие земли подымаются с литовским королем Стефаном на славный град Псков»;^[202] в его составе были литовцы, поляки, венгры, датчане, выходцы из разных германских земель и городов. Всего, по словам автора «Повести», на Псков пришло 60 тысяч наемников и сорокатысячное польское войско, однако исследователи полагают, что в действительности армия Батория насчитывала около 50 тысяч воинов. Но и в таком случае это была огромная сила, значительно превосходившая по численности псковский гарнизон с его пятью с половиной тысячами бойцов.

Когда войска Батория обступили город, то крепостная артиллерия псковичей открыла огонь, нанося немалый урон осаждавшим. 7 сентября Баторий также начал ожесточенный обстрел города. Канонада не смолкала с полудня до вечера и все утро следующего дня. Осаждавшим удалось разрушить часть стены на протяжении 24 сажень и башни — Покровскую и Свиную. На следующий день Баторий послал своих воинов на штурм. И хотя «бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские»;^[203] псковичам удалось не пустить неприятеля в город. Захваченную врагами Свиную башню псковичи взорвали вместе с польско-литовскими воинами. Когда Стефану доложили об этом, он будто бы едва не кинулся на собственный меч и сердце его «едва не разорвалось». Псковичам удалось вытеснить противника из Покровской башни и из пролома.

Но осада продолжалась. Новые попытки штурма перемежались с попытками завязать мирные переговоры, велась интенсивная саперная война: осаждавшие рыли подкопы, а осажденные навстречу им вели «слухи» — тоннели для подслушивания и обнаружения подкопов противника. Не прекращались и ожесточенные обстрелы города. Наконец, после неудачи последнего приступа Стефан, «увидев, что никакими способами и злыми умыслами нельзя взять град Псков, повелел ротмистрам с гайдуками отойти от города в станы и орудия оттащить».^[204] Король еще некоторое время находился под Псковом, думая, «как и чем смыть стыд и срам с лица своего и как хоть немного оправдать пустую и гордую похвальбу свою».^[205] Вскоре, однако, оставив под стенами непокоренной крепости своего гетмана, Стефан отправился обратно. Осада Пскова еще продолжалась, а в селении Ям-Запольский (между Новгородом и Великими Луками) уже начались мирные переговоры с Речью Посполитой. Они закончились 15 января 1582 г. заключением перемирия на десять лет. Россия возвращала Польше все завоеванные ею земли в Ливонии, а Баторий возвращал Великие Луки, Холм, Невель и Велиж. Осада Пскова была снята 4 февраля того же года.

Поздней осенью 1581 г. на Грозного обрушилось личное горе, причиной которого были своенравность и жестокость царя: по его вине умер наследник трона — царевич Иван. Как свидетельствовали современники, отец в последние годы с тревогой и завистью смотрел на возросший авторитет сына, страшился заговора и продолжал вынашивать планы бегства в Англию. Между Грозным и Иваном часто возникали ссоры, во время которых царь прибегал к побоям, не терпя ни малейших себе возражений. Пагубным было и вмешательство Грозного в личную жизнь царевича. По воле отца Иван трижды женился, ибо две его жены — Евдокия Сабурова и дочь боярского сына М.Т. Петрова-Солового — не понравились деспотичному свекру и были отправлены в монастырь. Ссора царя с сыном из-за третьей жены Ивана Елены Шереметевой стоила последнему жизни. По слухам, Грозный, застав в покоях сына беременную Елену в нижнем белье, посчитал это грубым нарушением приличия и избил ее посохом. Царевич пытался заступиться за жену (будто бы даже крикнув отцу: «Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтобы погиб сын, которого она носит в чреве»), но был также избит. Утверждают, что Грозный ранил наследника в голову, — это, а также нервное потрясение (Елена на следующую ночь родила мертвого младенца) послужили причиной болезни и скорой смерти наследника.[206] Нелепая смерть, по существу — убийство сына, потрясла царя: теперь единственным его наследником оставался слабоумный Федор, так как его сын от Марии Нагой — Дмитрий — в то время еще не родился.

1582 — В тревоге и отчаянии, вызванными смертью Ивана и реальной угрозой прекращения династии (у Федора и Ирины Годуновой, состоявших в браке уже два года, не было детей), Грозный пытается укрепить свое положение. Он задним числом «прощает» жертвы опричнины: по монастырям рассылаются списки казненных и опальных для поименного поминовения. Погибших во время опричного террора простолюдинов, разумеется, не помнили по именам; их поминали скопом, говоря: «А имена их, Господи, ты сам знаешь!». [207] Вместе со списками прощенных царь послал в крупнейшие монастыри огромные денежные пожалования.

Одновременно Грозный (будучи женатым!) настоятельно добивается восьмого брака, на этот раз с иноземной принцессой Марией Гастингс, племянницей английской королевы Елизаветы. Когда королева отказала Грозному, сославшись на слабое здоровье Марии, он не оставил надежд найти невесту среди английской знати и продолжал готовиться к возможному отъезду в Англию.

Это не могло не вызвать недовольства как у родственников Марии Нагой, которую в случае нового брака царя ожидал монастырь, так и у Годуновых, родичей жены наследника престола Федора. Иван назначил регентский совет, который должен был осуществлять реальную власть при неспособном к руководству страной царевиче. В него были введены бояре И. Ф. Мстиславский, И. П. Шуйский, Н. Р. Захарьин-Юрьев и Б. Я. Бельский.

В числе регентов не оказалось Бориса Федоровича Годунова, к моменту смерти Грозного приобретшего немалый политический вес: его дядя Дмитрий Годунов был постельничим у Ивана, сам Борис был женат на дочери всесильного когда-то Малюты Скуратова, а Грозным был возведен в боярский чин; но особо влиятельное положение приобрел Борис как брат Ирины, ставшей в 1580 г. женою Федора Ивановича.

1583 — В Плюссе заключено перемирие со Швецией, по которому к ней отошли не только Нарва, но и Ям, Копорье и Ивангород. В руках Русского государства на побережье Финского залива остался лишь участок поблизости от устья Невы.

1584 — После смерти сына царь стал часто болеть. Его одолевали дурные предчувствия, и он призывал астрологов и «вещуний», пытаясь узнать свою судьбу. Англичанин Джером Горсей, находившийся в России в те годы и лично знавший царя, утверждал, что они указали день его смерти. Зная об этом предсказании Б. Я. Бельский обвинил колдуний в обмане, так как царь в роковой день — 19 марта — показался ему «так же крепок и невредим, как прежде был». Но колдунии попросили не спешить с выводом до заката. Царь тем временем еще раз перечитал свое завещание, потом по совету врачей отправился в баню, «мылся в свое удовольствие и, по своему обыкновению, тешился приятными песнями. Вышел он оттуда около семи часов и чувствовал себя свежее; его привели и усадили на постель. Иван подозвал Родиона Биркена, дворянина, которого он любил, приказал ему принести шахматный столик и стал сам расставлять шахматы. Главный любимец его, Борис Федорович Годунов, и другие стояли кругом стола. Царь был в широком платье, рубахе и холщовых штанах. Вдруг он ослабел и упал навзничь. Поднялся крик, смятение: кто посылал за водкой, кто — в аптеку, за розовой водой и золотоцветом, кто — за духовником и медиками. Тем временем он испустил дыхание и окостенел».[208]

Кончилось правление царя Ивана IV. Подводя его итоги, правомерно вспоминают о значительном укреплении самодержавия, об уничтожении самой возможности феодальной оппозиции, об укреплении восточных границ после присоединения Казанского ханства... Но отдавая должное усилиям Ивана в стремлении укрепить государство и прежде всего личную власть царя, мы не можем забывать о страшной цене, которой было за это заплачено. Страну обескровила не только двадцатипятилетняя Ливонская война, принесшая в конце концов лишь территориальные утраты. Трагичнее было другое; в результате внутренней политики Ивана IV как прямое следствие опричных погромов произошли разорение и запустение центральных областей страны, куда и не ступала нога неприятеля. В вакханалии расправ погибли опытные полководцы, блестящие дипломаты, многомудрые дьяки; меч опричников рубил прежде всего головы наиболее авторитетных светских и церковных деятелей. Духовный и интеллектуальный потенциал страны был чрезвычайно ослаблен репрессиями. А как оправдать истребление десятков тысяч людей во время новгородского похода 1570 г., то, что вместе с опальными боярами гибли не только члены их семей, родственники, дворяне, но и их слуги и даже крестьяне? Эти массовые убийства, изощренные истязания и надругательства не могут быть оправданы никакими политическими целями.

РОССИЯ В КАНУН СМУТЫ

Итак, Иван IV умер. О его смерти бояре не спешили объявить народу, пока не были приняты необходимые меры обороны Кремля и не принята Федором Ивановичем присяга бояр. На ведущую роль в государстве рассчитывал Б.Я. Бельский, и он не стал терять времени: опираясь на отряды кремлевских стрельцов, самоуверенный претендент в отсутствие бояр «затворил» Кремль. Но эта акция вызвала не только сопротивление бояр, но и бурный

протест москвичей, которые, захватив пушки, направили их на Кремль. Бельский был выслан из Москвы.

31 мая состоялось коронавание Федора. Слабый телом царь не смог вынести утомительную процедуру торжественного обряда: он даже отдал подержать царские регалии (шапку Мономаха и золотое яблоко — «державу») Борису Годунову и князю И. Ф. Мстиславскому. Этот эпизод поразил окружающих.

По описанию английского посланника Д. Флетчера, царь Федор был «росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».[209]

Естественно, что Федор не мог управлять государством; фактическим правителем становится тридцатидвухлетний боярин Борис Федорович Годунов, деверь Федора, получивший от него во время коронации высокий чин конюшего. Положение Годунова не было, однако, прочным; он имел немало недругов и всеми средствами старался от них избавиться. Борису удалось низложить и уморить в темнице своего соперника — всесильного казначея Петра Головина, уличенного в растратах боярской комиссией, специально созданной Годуновым. Затем Борис добился устранения И. Ф. Мстиславского, который постригся в монахи в далеком Кирилло-Белозерском монастыре.

1585 — Стремясь укрепить свое положение, Годунов ведет тайные переговоры с Веней, предполагая после смерти Федора выдать Ирину замуж за австрийского принца. Он, как и Грозный, продолжает тайные сношения с Англией, надеясь в случае необходимости найти там убежище. Слухи об этих дипломатических акциях Годунова просочились в круги бояр и лишь увеличили неприязнь к нему. Желая обеспечить себе безбедное существование на случай возможной опалы, Борис делает огромные пожертвования монастырям. В этом году недруги Годунова побудили москвичей во главе с Иваном Шуйским и митрополитом Дионисием «бить челом» Федору, призывая его развестись с Ириной «для рождения наследника царского». Но Федор отказался, а Годунов «растерзал этот союз» заговорщиков: митрополит Дионисий был согнан с престола и сослан в Хутынский монастырь под Новгородом.

1588 — Годунов начал репрессии против бояр. Первой жертвой стал князь И. П. Шуйский. Князь И. Туренин отвез его в ссылку в Белоозеро, где вскоре Шуйский, принявший монашеское имя Иов, погиб, будто бы угорев от дыма в своей келье. Судя по поспешности, с какой Туренин внес богатый вклад «за упокой души» боярина, он и санкционировал, видимо, «несчастный случай», приведший к смерти опального. Вместе с И. П. Шуйским подверглись опале и его братья: Андрей погиб в заключении (в 1589 г.), Василий был сослан в Галич. Не миновала опала и Петра Нагого — сына Афанасия, любимца Грозного. Вообще Годунов всячески стремился ослабить Нагих — реальных соперников царя Федора. Было запрещено поминать имя царевича Дмитрия — сына Марии Нагой и Грозного — в церкви: он объявлялся незаконнорожденным, ибо был зачат царем в седьмом браке, тогда как церковь допускала только три.

В этом же году было разгромлено Сибирское ханство. Его поражение было predetermined

еще походом Ермака и победой над ханом Кучумом (1582 г.), когда была взята столица ханства Кашлык, располагавшаяся у впадения Иртыша в Обь. В 1588 г. был пленен хан Сеид Ахмат — последний правитель ханства. На присоединенных к Русскому государству землях закладываются города-крепости: Сургут (1594 г.), Нарым (1598 г.), Томск (1604 г.), Енисейск (1619 г.).

1589 — Воспользовавшись приездом в Москву греческих иерархов — константинопольского патриарха Иеремии, митрополита Иерофея и архиепископа Арсения, — Годунов добился того, чтобы в российские патриархи был рукоположен митрополит Иов. Уступивший домогательствам Годунова, Иеремия получил богатые дары и был отпущен из Москвы, где он пребывал в положении почетного пленника. Учреждение патриаршества существенно повысило авторитет русской церкви.

1590 — Русской армии, начавшей наступление на захваченных Швецией землях, удалось овладеть Ямом и начать осаду Нарвы — важнейшего стратегического центра на реке Нарове, по которой открывался выход в Балтийское море. Но руководивший осадой Борис Годунов допустил ряд тактических ошибок, осада затянулась. Не сумел он воспользоваться и результатами успешного штурма 19 февраля, не решившись на повторный приступ, который, безусловно, принес бы победу. Эту неопытность Бориса в воинских делах отмечали и современники: «В делах воинских не отличался искусством: не пришло еще тому время. Не слишком хорошо владел он и оружием...», — писал о Годунове создатель Хронографа.[210] Начались переговоры. Заключенный мирный договор не отвечал целям войны: Россия, правда, вернула себе побережье Финского залива от Нарвы до устья Невы, но сама Нарва оставалась в руках шведов.

1591 — Крымский хан подготовил новое вторжение, рассчитывая даже захватить Москву. Сотысячную армию Казы-Гирея сопровождали турецкая артиллерия и янычары. 4 июля русские остановили татар в районе Котлов и Данилова монастыря. После дневной стычки той же ночью татары внезапно обратились в бегство. По предположению Р. Г. Скрынникова, дело обстояло так. Русские полки находились в передвижной крепости «гуляй-городе». Далеко за полночь по неясным причинам воины поднялись по тревоге. Пушкари открыли огонь, их поддержали тяжелые орудия, стоявшие на городских стенах. На разведку были посланы дворянские, конные сотни. Все это — неожиданная пушечная стрельба, появление конников — создало, видимо, впечатление, что к Москве подошло подкрепление. Татары обратились в бегство. При переправе через Оку в спешке утонули многие воины, остался в реке даже возок самого хана.[211] Москва торжествовала победу.

В том же году 15 мая в Угличе погиб царевич Дмитрий. Обстоятельства его смерти долгое время оставались невыясненными. Первое следствие о причинах гибели царевича началось по горячим следам. Его вели Василий Шуйский, митрополит Гелвасий, окольный Клешнин и думный дьяк Вылузгин. Они установили, что гибель ребенка была случайной: Дмитрий с четырьмя друзьями-сверстниками играл на дворцовом дворе под присмотром няньки Василисы Волоховой. Мальчики играли «в ножички», когда у царевича начался припадок эпилепсии; упав, он напоролся горлом на нож. Маленькие свидетели — участники игры — подтверждали, что на дворе кроме них и нянек никого не было и что «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучий недуг — и набросился на нож».[212] Но версия об убийстве Дмитрия возникла сразу же: Мария Нагая, мать царевича, избила Василису, утверждая, что ребенка будто бы убил сын няньки Осип. Главный дьяк Углича Михаил Битяговский не без труда предотвратил кровавый самосуд, но

тогда Мария и ее брат Михаил Нагой стали обвинять в причастности к убийству самого Битяговского, с которым у них были до этого крайне напряженные отношения. Подстрекаемая ими толпа расправилась с дьяком и его сыном, были убиты также Никита Качалов, племянник Битяговского, и Осип Волохов. Всего в результате кровавой расправы погибло 15 человек. Комиссия Шуйского, допросив свидетелей и отвергнув подброшенные ими подложные улики (вплоть до специально добытого и измазанного куриной кровью ножа, которым будто бы Никита Качалов зарезал царевича), установила: смерть действительно явилась результатом несчастного случая, и вина няnek и кормилицы была лишь в том, что они не успели вовремя прийти на помощь бившемуся в припадке царевичу. Нагие же не теряли надежды опорочить Годуновых и, в частности, обвинили их в пожарах, случившихся в Москве летом того же года. Произведенное следствие доказало обратное: поджоги делались по поручению Нагих. После этого Марию Нагую постригли в монахини и отослали в Белоозеро. Афанасий Нагой и его братья оказались в темнице. Удельное княжество в Угличе было ликвидировано.[213]

1598 — 6 января умер царь Федор. Он не оставил завещания, а его последняя воля передавалась и истолковывалась по-разному: согласно одним слухам он назначил своим преемником кого-то из Романовых, по другим — свою жену Ирину, а царство «приказал» Борису. Эта нерешительность или, как бы мы сказали сейчас, «безответственность» Федора восстановила против него всех его возможных преемников, в результате чего он не в пример своим коронованным предкам не принял перед кончиной монашеского сана и был похоронен весьма скромно. Ирина вопреки воле Федора не постриглась, а осталась царицей, хотя вскоре была вынуждена смириться и уйти в монастырь.

Теперь неизмеримо выросла роль фактического правителя страны Бориса Годунова, что вызывало завистливое недовольство бояр — особенно родовитых Шуйских, а также Романовых. Положение Бориса становилось настолько сложным, что он предпочел, оставив Кремль, перебраться в хорошо укрепленный Новодевичий монастырь. Тогда же было принято решение избрать царя на Земском соборе. Кандидатура Бориса была выдвинута духовенством, а также «некими боярами» из числа его явных сторонников. В составленной ими грамоте превозносились заслуги Годунова, подчеркивалось доверие, которое оказывал ему Грозный. После ночного богослужения духовенство, сопровождаемое толпой народа, отправилось в Новодевичий монастырь, где находились постригшаяся в монахини Ирина и ее брат. Бориса стали просить согласиться стать царем. Он жестом показал, что скорее удавится, чем решится на такой шаг, но после настойчивых уговоров все же уступил.[214] Однако короновали Бориса лишь полгода спустя: дело в том, что не давала согласия Боярская дума, выдвигавшая своих ставленников. Предлагалась, например, кандидатура тверского князя Симеона — того самого, которого сажал на престол в 1575 г. Иван Грозный. Став царем, Симеон, разумеется, оказался бы марионеткой в руках выдвинувших его бояр: Б. Бельского, Ф. Н. Романова и Ф. И. Мстиславского. Не решаясь открыто выступить против Думы, Борис заставил бояр подчиниться себе перед «лицом внешней опасности». Для этого он распустил слух об ожидавшемся набеге крымцев, выехал в Серпухов к армии и пробыл там два месяца.

3 сентября коронование состоялось. Борис пообещал в течение пяти лет никого не казнить, поспешил задобрить оппозицию, раздав ее лидерам высокие боярские чины: главой Думы остался Мстиславский, высокое положение заняли Шуйские (Василий, Дмитрий, Александр и Иван), Михаил Катырев-Ростовский и другие. Новый царь, бесспорно, обладал рядом достоинств: он был искусным политиком, держал себя с подданными приветливо; провел ряд мер, облегчивших положение крестьян (в частности, на год отменил запрет переходить от одного владельца к другому); во время страшного голода, охватившего страну в 1601—1603 гг., пытался облегчить участь народа, раздавая щедрую милостыню и продавая по твердым ценам хлеб из царских запасов.[215] И тем не менее против него по-прежнему была настроена часть боярства, презиравшая его «худородство» (сравнительно, например, с

Шуйскими или Романовыми); в народе же по-прежнему бродили слухи о царевиче, будто бы оставшемся в живых, и люди равнодушно и неприязненно смотрели на царя «не царского рода».

1600 — Борису пришлось применить санкции против боярской оппозиции: еще в 1599 г. Богдан Бельский, один из яростных противников воцарения Бориса, был уличен в крамольных речах, опозорен (у столба ему выщипали по волоску всю бороду) и отправлен в ссылку в Нижний Новгород. Перестал быть печатником думный дьяк Василий Щелкалов, замененный Игнатием Татищевым. Затем поступил донос на Романовых, которые будто бы колдовским зельем готовились «извести» царя и его семью. После разбирательства Федора Романова постригли в монахи под именем Филарета, а его братья (Александр, Михаил и Василий) были отправлены в ссылку, где и умерли. Подверглись опале и ссылкам зятя Романовых — Борис Черкасский и Иван Сицкий. Но некоторое время спустя последовало прощение: детям Федора Романова разрешили вернуться в родовые поместья, возвращены были на службу Черкасские и Сицкие.

1602 — В феврале в разгар косившего народ страшного голода совершилось событие, незначительное на первый взгляд, но имевшее тяжелейшие последствия для Русского государства: границу его пересекли трое беглецов — два бывших монаха находившегося на территории Московского Кремля Чудова монастыря, Григорий и Мисаил, и монах Варлаам. Григорий, в миру звавшийся Юрием Отрепьевым, происходил из детей боярских. Юношей он поступил на службу к боярину Михаилу Романову, а затем к шурину его — князю Борису Черкасскому. Когда Романовы и Черкасские в 1600 г. попали в опалу, двадцатилетний Юрий счел за благо покинуть своего господина и постричься в монахи. Впоследствии молодой послушник перешел в престижный Чудов монастырь и здесь благодаря своим способностям быстро выдвинулся, оказавшись в числе лиц, окружавших патриарха Иова. Из Москвы Григорий и совершил свой побег.[216]

1603 — В истощенной голодом стране назревали народные волнения. Восстание под руководством Хлопко охватило ряд областей: во всяком случае войска пришлось посылать во Владимир, Вязьму, Можайск, Коломну, Ржев и другие города. Посланный против восставших окольный И. Ф. Басманов был разбит. Лишь под Москвой восставшие потерпели поражение, раненый Хлопко попал в плен, часть его соратников бежала на юг.

1604 — Достигнув Польши, Отрепьев стал выдавать себя за чудом спасенного царевича Дмитрия (отсюда его прозвание Лжедмитрий).

В Кракове он был представлен королю и обещал, что если сможет занять русский престол, то предоставит Польше военную помощь против Швеции, а также отдаст ей Северскую землю. Лжедмитрий тайно перешел в католичество. В мае того же года он сделал предложение Марине — дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишека, ставшего теперь его союзником и соратником. Двадцатитысячное войско самозванца в конце октября переправилось через Днепр и вступило на территорию Руси.

По пути следования к Москве Лжедмитрий встречал поддержку не только бедноты, охваченной порывом веры в доброго и справедливого царя, но также дворян и бояр. Потерпев неудачу под Новгородом-Северским, самозванец обошел его с востока: ему сдались гарнизоны Путивля, Рыльска, Севска, Курска, Кром, а позднее также в Осколе,

Воронеже, Ельце и других городах. В самой Москве Лжедмитрия ждали с нескрываемым воодушевлением.

СМУТА

1605 — 13 апреля неожиданно скончался пятидесятитрехлетний Борис Годунов. Народ присягнул царице и царевичу Федору Борисовичу. Но положение все осложнялось: на сторону самозванца перешли даже военачальники — князя Голицыны, М. Г. Салтыков, П. Ф. Басманов. Лжедмитрий неуклонно приближался к Москве: ему уже сдались Рязань, Тула, Алексин, Кашира. 1 июня в Москве появились лазутчики самозванца, а тем временем Богдан Бельский всенародно жаловался, рассказывая, как Годунов притеснял его за преданность царевичу Дмитрию. Все это привело к возмущению против Годуновых, народ разграбил их дворы; Федор Борисович и вдова Годунова Мария были убиты, царевну Ксению заточили в монастырь, патриарх Иов — союзник Годунова — был сведен с престола. 20 июня в Москву въехал самозванец.[217]

Лжедмитрий всячески стремился упрочить свое положение. Он вернул в столицу и возвысил опальных: в конюшие был произведен дядя царевича Дмитрия М. Ф. Нагой, боярами стали его братья. В Москву был возвращен Филарет Романов, а его брат И. Н. Романов произведен в бояре. Была искусно разыграна сцена свидания Лжедмитрия с матерью. Вдову Грозного Марию Нагую (инокиню Марфу) привезли из отдаленного монастыря, «сын» встретил ее за пределами столицы, и они при торжественном стечении народа прибыли в Москву: Марфу везли в карете, а почтительный сын шел рядом пешком. Через три дня после этого состоялась коронация самозванца.

1606 — Отношение Польши к Лжедмитрию стало меняться. Самозванец не спешил выполнять условия договора, Польша же требовала теперь существенных территориальных уступок, включая Смоленск, Новгород-Северский, Псков и даже Новгород. В России также росло недовольство Лжедмитрием, осуществившим ряд кабальных для крестьянства реформ и потребовавшим значительных субсидий от монастырей. Прибывшие с самозванцем поляки своим поведением ущемляли национальные чувства москвичей. Все это привело к взрыву возмущения как раз в дни бракосочетания Лжедмитрия и Марины Мнишек. Мятеж начался 17 мая на рассвете, во главе его встал боярин и князь Василий Иванович Шуйский. Народный гнев был направлен и непосредственно против шляхтичей из окружения самозванца. Лжедмитрий пытался спастись бегством, но был настигнут и убит. 19 мая «выкрикнут» был новый царь — Василий Шуйский.

Представитель одного из знатнейших родов, Рюрикович по происхождению, Шуйский все же не обладал широкой поддержкой, а опирался лишь на незначительный круг своих сторонников. В поспешно данной «крестоцеловальной грамоте» он обещал справедливый суд и всяческие льготы не только боярам, но и жителям посада — гостям (купцам) и даже «черным людям».

Но народные волнения в стране не утихали, и надежды на царя Дмитрия продолжали

носиться в воздухе. Это позволило Мнишекам «реанимировать» самозванца. На этот раз им стал бывший сподвижник Лжедмитрия, убийца Федора Годунова Михаил Молчанов. Однако Молчанов не рисковал сам появляться в России, где его могли легко опознать.

В это время на политической сцене появляется Иван Болотников. В прошлом он был привилегированным холопом князя А. А. Телятевского, входившим в его вооруженную свиту. От князя Болотников бежал к казакам, затем попал в плен к татарам, которые продали его на турецкие галеры, откуда он был освобожден венецианцами. Возвращавшегося домой Болотникова встретил Молчанов и направил к путивльскому воеводе князю Г. Шаховскому, поднявшему мятеж против Шуйского. Этот мятеж охватил южные районы страны от Кром и Путивля до Ельца; здесь оказались многие распущенные по домам воины, входившие прежде в войско Лжедмитрия. Повстанческое войско возглавили И. Болотников и сотник Истома Пашков. Осада Кром и Ельца правительственными войсками не принесла им удачи. Более того, Болотников нанес поражение под Кромами князю Ю. Н. Трубецкому, а Истома Пашков разгромил под Ельцом армию князя И. М. Воротынского.

Не удержавшись в Орле и даже в хорошо укрепленной Туле, так как местные дворяне и дети боярские переметнулись на сторону «Дмитрия», Воротынский отошел к Москве.

В сентябре к Калуге было послано войско под предводительством брата царя — Ивана Шуйского. 23 сентября ему удалось нанести поражение Болотникову, но этот успех не мог изменить ситуации, поскольку на сторону повстанцев переходили все новые и новые люди. Так, к Истому Пашкову примкнули некоторые дворяне Рязанской и Тульской областей, предводительствуемые Прокопием Ляпуновым. Совместными силами они разбили отряд правительственных войск под предводительством князя В.В. Кольцова-Мосальского на реке Лопасне (к северо-востоку от Серпухова). Но князю М. В. Скопину-Шуйскому удалось задержать Пашкова на реке Пахре. Теперь в центре борьбы оказалась Коломна, к которой подошли правительственные войска во главе с такими известными воеводами, как Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, М. Б. Шеин и другие. По пути они соединились с отрядом М. В. Скопина-Шуйского. Битва произошла у села Троицкого, в 40 верстах от Москвы, на Коломенской дороге между 25 и 27 октября и окончилась победой повстанцев. 28 октября войска Пашкова заняли Коломну, где к ним присоединились войска И. Болотникова, насчитывавшие 20—30 тысяч человек. Теперь восставшие подступили к самой Москве. Основной лагерь Болотникова находился в районе села Коломенского и реки Котла (которую, по мнению Р. Г. Скрынникова, ошибочно отождествляли с одноименным селом), а также у деревни Заборье (в районе Данилова монастыря).

Тем временем Шуйский умелыми действиями настраивал горожан, в том числе посадских людей, против повстанцев, пугая их неизбежной расправой со стороны мятежников, если Болотникову удастся занять Москву. Был выставлен на обозрение труп Лжедмитрия, чтобы люди могли сами убедиться в лживости версии о его счастливом избавлении. Агитация москвичей, ездивших для переговоров в Коломенское, сыграла свою роль: в лагере повстанцев началось брожение. На сторону царя перешли Г. Сумбулов и П. Ляпунов. Тем временем к Шуйскому подходили подкрепления. Попытка повстанцев захватить новые позиции 26 и 27 ноября не принесла удачи.

Решительное сражение произошло 2 декабря. Лагерь казаков в Заборье был осажден, большая часть повстанцев перешла на сторону царя. В разгар боя изменил Болотникову и Истома Пашков со своими ближайшими соратниками. Еще два-три дня Болотников удерживал позиции в Коломенском, после чего отступил к Калуге, сохранив, однако, десятитысячное войско.

1607 — В январе на помощь Ивану Шуйскому, осаждавшему Болотникова в Калуге, прибыли

войска под руководством Ф. И. Мстиславского и М. В. Скопина-Шуйского. Но умелыми действиями Болотников сумел нанести осаждавшим немалый урон, вовремя взорвав подкоп, который должен был привести к разрушению калужского острога.

Тем временем в борьбу вступил новый самозванец — «царевич Петр». Выходец из посадских людей, Илейка Муромец был провозглашен «царевичем» (будто бы сыном царя Федора Ивановича) еще зимой 1605/06 г. Первоначально это было чисто «разбойное» движение, которое со временем стало обретать социальную и политическую окраску. По призыву Г. Шаховского, вокруг которого все настойчивее звучали требования вызвать из Польши «царя Дмитрия», чтобы его авторитетом и личным присутствием придать новые силы повстанческому движению, «Петр» прибыл в Путивль. Сюда стянулись терские, волжские, а позднее донские и запорожские казаки. В январе «Петр» сформировал войско, во главе которого поставил князей А. А. Телятевского и В. Ф. Александрова-Мосальского, и направил его под Калугу и Тулу.

В конце февраля—начале марта отряды В. Ф. Мосальского, пытавшиеся прорваться в Калугу к осажденному И. Болотникову, в жестокое сражении на реке Вырке (в районе Калуги) потерпели поражение. Раненый Мосальский попал в плен. В то же время в районе Тулы, у Серебряных Прудов, воевода А. Хилков разгромил повстанцев, возглавлявшихся князем И. Л. Мосальским. В осажденной Калуге начался голод. Шедшее на помощь осажденным войско под водительством А. А. Телятевского нанесло поражение правительственным войскам 3 мая у села Пчельни (в 40 верстах от Калуги), но в город не прорвалось. Длительная, бесплодная осада Калуги и жертвы, понесенные в боях, сказались и на правительственных войсках: воины стали разбегаться. Воспользовавшись этим, Болотников перебрался из Калуги в Тулу.

Теперь руководство взял в свои руки Телятевский, а Болотников отошел на вторые роли. Осада Тулы войсками В. И. Шуйского началась в конце июня и продолжалась четыре месяца. Падение города было предопределено начавшимся голодом и недостатком в боеприпасах, но решающую роль сыграло то, что Тула была затоплена вышедшей из берегов Упой, на которой осаждающие специально возвели плотину. Обстоятельства, при которых «царевич Петр» и Болотников попали в плен, не совсем ясны: Шуйский вел переговоры, обещая в случае добровольной сдачи сохранить им жизнь, и доведенные до критического положения предводители повстанцев действительно могли сдаться. По другой версии, их выдали Шуйскому дрогнувшие и изменившие им соратники. Как только Болотников и «Петр» оказались в руках Шуйского, все обещания были забыты: мнимого царевича повесили вблизи Данилова монастыря, а Болотникова выслали в Каргополь и там утопили.

Но на Русь надвигалась уже очередная беда. Еще в июле в Стародубе появился новый самозванец, именуемый в исторической литературе Лжедмитрием II. Это был школьный учитель из Шклова, по некоторым данным — крещеный еврей Богданко.[218] Он отнюдь не был склонен к смертельно опасной аванюре, но его буквально заставили принять роль Лжедмитрия, будто бы спасшегося во время московского восстания в 1606 г. Для успешной борьбы с Шуйским его недругам нужен был «царь Дмитрий», который и был искусно «создан» окружением: именно группировавшиеся вокруг Лжедмитрия польские шляхтичи и казаки, руководимые Иваном Заруцким, стали движущей силой нового движения. Уже в сентябре самозванец двинулся к Туле выручать своего «большого воеводу» — Болотникова. Узнав, что Болотников сдался, Лжедмитрий II отступил к Орлу.

1608 — В войско Лжедмитрия II влились польские отряды, возглавляемые А. Лисовским и гетманом М. Ружинским. Разбив Дмитрия Шуйского и Василия Голицына 1 мая под Болховом, Лжедмитрий подступил непосредственно к Москве и расположил свою ставку у села Тушино. Современники именовали его «Тушинский вор» (ворами называли преступников в широком смысле слова). Однако «вор» обладал внушительной силой — шестнадцатитысячным

войском, которым руководили поляки — М. Ружинский и Ян Сапега. В августе в Тушино привезли Марину Мнишек, перехваченную на пути из Ярославля в Польшу. Марина за немалую мзду (300 тысяч рублей и четырнадцать городов, передававшихся ее брату Юрию) признала в новом самозванце своего убитого мужа.

В Тушино стали съезжаться бояре, недовольные Василием Шуйским. Они составили Боярскую думу, в которую вошли князь Д. Т. Трубецкой, Д. М. Черкасский, А. Ю. Сицкий, М. М. Бутурлин, Г. П. Шаховской; патриархом Московским и всея Руси был наречен Филарет Романов. Однако реальная власть принадлежала «децемвирам» — десяти польским шляхтичам. «Тушинскому вору» присягнули многие области юго-запада, Поволжья, северо-запада (Псков). В сентябре Ян Сапега и Лисовский начали осаду Троице-Сергиева монастыря (ныне Троице-Сергиева лавра, к северу от Москвы), за могучими крепостными стенами которого находился незначительный гарнизон, поддерживаемый монахами, крестьянами окрестных сел, жителями посада. Несмотря на полутороговую осаду, взять монастырь польские отряды не смогли.[219] В то же время осенью им удалось подчинить все крупнейшие города северо-востока: Ярославль, Ростов, Владимир, Переяславль-Залесский, Суздаль, Кострому, Муром, Вологду, Арзамас и др.

Шуйскому остались верны Смоленск, Новгород, Великий Устюг, Нижний Новгород, Рязань, Казань. Грабежи и притеснения побуждали население выступать против захватчиков. Активизировалось народное ополчение, отбивавшее у тушинцев города: были освобождены Вологда, Кострома, Углич. Под угрозой оказался Ярославль. Правда, тушинцы приняли ответные меры: Юрий Мнишек поспешил к королю Сигизмунду III за помощью, и польские отряды под командованием Лисовского вновь заняли Кострому, Кинешму и Галич.

1609 — В январе—феврале сражения под Устюжной Железнопольской вынудили польские отряды отступить. Но в то время как народное ополчение освобождало попавшие под власть тушинцев и польских отрядов города и села, Василий Шуйский, не решавшийся сблизиться с народным движением, вел переговоры с Речью Посполитой, добиваясь перемирия ценой больших территориальных уступок. Тем временем из Новгорода на помощь Москве двинулся племянник Василия опытный военачальник М. В. Скопин-Шуйский. С помощью ополченцев ему удалось очистить от тушинцев и интервентов Северное Поволжье — Кострому, Галич, Ярославль. Восставшее население освободило Владимир и Кашин. Успехи освободительных сил вносили растерянность в ряды тушинцев.

Однако в сентябре регулярная армия польской короны, разорвав достигнутые соглашения, пересекла русскую границу. Первым объектом вторжения стал Смоленск — первоклассная крепость и стратегически важный пункт, — гарнизон которого возглавлял воевода М. Б. Шеин. Одновременно польским отрядам, находившимся в Тушинском лагере, было приказано покинуть Лжедмитрия и присоединиться к регулярной польской армии. Оставшийся без основных военных сил самозванец бежал в Калугу. Но члены «тушинского правительства» не отправились за ставшей уже никому не нужной марионеткой, а обратились непосредственно к Сигизмунду с просьбой прислать на московский престол его сына Владислава.

1610 — В феврале между посланцем тушинцев М. Г. Салтыковым и поляками было достигнуто соглашение: Владислав приглашался на московский престол, однако оговаривалось, что православное вероисповедание не должно было испытывать каких-либо ущемлений. Реальную власть предполагалось сохранить в руках Боярской думы. Сигизмунд понимал, что ведущие с ним переговоры тушинцы не представляли никакой политической силы, но заключенное соглашение давало ему основания для вторжения в Россию. Польский король не скрывал, что перед ним «открывается путь к умножению славы рыцарства, к

расширению границ республики (т. е. Речи Посполитой. — О.Т.) и даже к совершенному владению целою Московскою монархией».[220] Тушинский лагерь перестал существовать: часть воинов ушла к полякам, часть — в Москву. М. В. Скопин-Шуйский, снявший осаду с Москвы, приобрел репутацию удачливого полководца и мог оказаться подходящей фигурой на московский престол вместо непопулярного Василия. Но в конце апреля М. В. Скопин-Шуйский внезапно заболел и умер. Существовали предположения, что он был отравлен.[221] На помощь осажденному Смоленску были отправлены войска под предводительством непопулярного и бездарного Д. И. Шуйского. Навстречу им Сигизмунд двинул полки гетмана Жолкевского. 24 июня у села Клушина (к западу от Можайска) Жолкевский, использовав измену наемников, входивших в отряд шведского генерала Деллагарди — союзника Скопина-Шуйского, нанес поражение русским войскам. Поляки принудили к сдаче воевод Валуева и Елецкого, оборонявших Царево-Займище (под Можайском), и они подписали с поляками мирный договор. Можайск, Дмитров и Волоколамск присягнули Владиславу. Из Калуги двинулся на Москву Лжедмитрий II и занял Коломенское. Положение Василия Шуйского стало совершенно безнадежным. В Москве вспыхнул мятеж, возглавленный Захаром Ляпуновым. Шуйский был арестован и насильно пострижен в монахи. Власть перешла к Боярской думе из семи бояр (Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Б. М. Лыков, И. Н. Романов — брат митрополита Филарета и Ф. И. Шереметев). А подле Москвы, на Хорошевских лугах (ныне район в западной части Москвы) в это время уже расположился гетман Жолкевский; не оставлял попыток агитировать в свою пользу и Лжедмитрий. В этой обстановке бояре пошли на измену; они согласились признать Владислава царем, изменив, однако, в свою пользу некоторые пункты договора, предложенного еще тушинцами. Так, было оговорено, что Владислав примет православие, женится на русской и, кроме того, немедленно снимет осаду Смоленска. Жолкевский послал эти дополнения на утверждение королю. Необходимо было устранить соперника Владислава, и Жолкевский направил войска против «Тушинского вора», поспешно бежавшего в Калугу. Выполняя требования Сигизмунда об очищении Москвы от политически опасных лиц, Жолкевский включил всех их в состав огромного (1246 человек) посольства к польскому королю. А затем с согласия бояр в ночь с 20 на 21 сентября в Москву были введены польские войска. С этого момента боярское правительство утратило всю реальную власть: она перешла в руки бывших тушинцев или людей, лояльных польскому королю. Казначеем стал, например, «торговый мужик» Федор Андронов, активно помогавший полякам.

Фактически всеми делами заправлял Александр Гонсевский, вставший после отъезда Жолкевского во главе польского гарнизона. В Кремле и Китай-городе помимо поляков располагались и немецкие наемники. Интервенты ввели, говоря современным языком, «комендантский час»: жителям было запрещено появляться улицах ночью и носить оружие.

11 декабря на охоте был убит татарским князем Лжедмитрий. Это был своеобразный акт мести за убийство самозванцем касимовского царька Ураз-Мухаммеда.

1611 — Наступил тяжелейший год в жизни России. В начале года в Карелию вторглись шведы.[222] Продолжалась осада Смоленска. 12 апреля в лагере Сигизмунда прервались длившиеся полгода переговоры с «великим посольством». Когда русская сторона отказалась подчиниться диктату короля, он объявил членов посольства своими пленниками и под вооруженным конвоем отправил их в Польшу.

А тем временем росло недовольство интервентами, чинившими произвол и насилие в русских землях. Патриарх Гермоген уже с конца 1610 г. рассылал по стране грамоты, призывая выступать против захватчиков. С января 1611 г. боярское правительство поставило на патриаршем дворе стражу, лишив Гермогена возможности общаться со своими единомышленниками. Впоследствии он был лишен патриаршего сана и в феврале 1612 г. умер голодной смертью в заточении. В начале года в Рязани образовалось Первое

ополчение — военные формирования, выступавшие против польских отрядов. Во главе его стояли бывшие тушинцы — П. Ляпунов и Д. Т. Трубецкой. К силам ополчения примкнули Нижний Новгород, Суздаль, Владимир. 3 марта ополчение из Коломны двинулось к Москве. Среди интервентов росло беспокойство, и боярин М. Г. Салтыков предложил полякам удушить возможное смятение в зародыше, устроив массовое избиение москвичей во время шествия патриарха в вербное воскресенье 17 марта. Но предупрежденные об этом замысле москвичи не вышли на улицы. 19 марта польский гарнизон стал готовиться к отпору отрядам П. Ляпунова и поэтому принуждал местных жителей помогать в укреплении стен Китай-города. Отказ подчиниться и помогать полякам перерос в стихийный взрыв: началось восстание, в котором приняли участие князь Д. М. Пожарский (будущий герой освобождения Москвы), И. М. Бутурлин, И. Колтовский. Пожарский, сражавшийся в районе Сретенки, был тяжело ранен и увезен в Троице-Сергиев монастырь. Немецкий и польский гарнизоны пошли на жестокие меры: посад был подожжен в нескольких местах, и с помощью подоспевших польских подкреплений восстание было подавлено. Со скорбным пафосом пишет об этих днях автор Хронографа: «Излился фиал горя — разгромлен был царствующий город Москва. Рухнули тогда высоко вознесенные дома, блиставшие красотой, — огнем истреблены, и все прекраснокупольные церкви, прежде славой божественной сиявшие, скверными руками начисто разграблены были. И множество народа христианского мечами литовцев (так именует автор поляков. — О.Т.) изрублено было, а другие из домов своих и из города бежали поспешно, ища спасения».[223] 21 марта, уже после пожара, к Москве стали подходить отряды ополчения. Белый город оказался фактически в осаде: у Яузских ворот расположился Ляпунов, рядом с ним — на Воронцовом поле — таборы казаков под командованием Трубецкого и Заруцкого, «у Покровских ворот стояли костромские, ярославские и романовские полки, у Сретенских — нижегородские, владимирские и муромские, от Трубы к Тверским воротам и далее — отряды замосковных городов».[224] Но в войсках, составлявших Первое ополчение, не было единства. Самым авторитетным руководителем ополчения был, безусловно, П. Ляпунов. По его инициативе власть должна была перейти от Боярской думы, сотрудничавшей с поляками, к «Совету всей земли». Но, воспользовавшись недовольством против Ляпунова (оно было вызвано тем, что он предложил «сыскивать» беглых крестьян и холопов и отдавать их прежним владельцам), его противники решили расправиться с ним. Была подкинута подложная грамота, в которой Ляпунов будто бы призывал к жестокой расправе с казаками и к полному истреблению «этого злого народа». Грамота была передана казачьему атаману Заварзину. На собранном казачьем «круге» Ляпунов был зарублен. Ополчение распалось, полки разошлись «по своим градом».

Летом произошли еще два крайне неблагоприятных для страны события. 3 июня после двадцатимесячной осады полякам удалось штурмом взять Смоленск: сильно поредевший к этому времени гарнизон, страдавший от голода и болезней, уже не смог оказать сопротивления. Воевода М. Б. Шеин был ранен и попал в плен. Последние защитники города укрылись в соборе, который взорвали вместе с собой.

К Новгороду подступили шведы под командованием Я. Делагарди. С мая месяца между новгородцами и шведами шли переговоры: русские рассчитывали на их помощь в борьбе с Польшей, а П. Ляпунов в связи в этом даже принял на «Земском совете» Первого ополчения решение пригласить сына шведского короля на русский престол. Но неожиданно Новгород пал: 16 июля некий изменник открыл городские ворота шведам. В этой обстановке 25 июля новгородский воевода И. Н. Одоевский и митрополит Исидор подписали соглашение, по которому Новгород и его область переходили под покровительство Швеции. «Формально договор отделял Новгород от Русского государства, — пишет Г. М. Коваленко, — связывал его обязательствами перед Швецией и не позволял активно участвовать в событиях в стране», но он не был также и актом об унии со Швецией, как его иногда трактовали: «...договор был следствием шведского завоевания, а не измены или ратистских устремлений новгородской верхушки».[225] Однако шведы использовали договор в своих интересах, захватив всю Новгородскую землю.

Именно в этой тяжелейшей обстановке осенью организуется Второе ополчение, поставившее своей целью освобождение Москвы и всей Русской земли от интервентов. Инициатором его создания явился выборный нижегородский голова мясник Кузьма Минин. По словам автора Хронографа, был он человек «рода не именитого», но мудрый, «сердцем воспринял все, что говорилось о бесчисленных бедствиях». Он «собрал у народа множество серебра и заплатил необходимое жалованье людям ратным. И так собрал полки многие и военачальника, искусного в битвах, князя Дмитрия Михайловича Пожарского уговорил стать над всеми».[226] Основу ополчения составили нижегородские, смоленские, дорогобужские, вяземские отряды, частично входившие в Первое ополчение. Из Нижнего Новгорода по всей стране рассылались грамоты, призывавшие бороться с интервентами и изменниками.

1612 — В марте Второе ополчение двинулось по левому берегу Волги — по районам, в меньшей степени разоренным в ходе бурных событий последних лет, — направляясь к Ярославлю. По пути следования в него вливались все новые и новые отряды. В ряды ополченцев становились стрельцы, дворяне, посадские люди, крестьяне, казаки, а также татарские отряды из Касимова, Темникова и других городов. В Ярославле численность ополчения составила 10 тысяч воинов. Было сформировано правительство — «Совет всей земли» — во главе с Мининым и Пожарским, организованы приказы (Разрядный, Поместный, Дворцовый, Посольский и другие).

В июле Второе ополчение из Ярославля двинулось к Москве. Положение интервентов в столице было сложным. Александр Гонсевский Москву покинул. Казаки Заруцкого и Трубецкого, уже успевшие присягнуть новому самозванцу Сидору, объявившему себя во Пскове «царем Дмитрием Ивановичем», своей позиции не определили. В конце концов Заруцкий с 2 тысячами казаков ушел к полякам, казаки Трубецкого пришли на помощь Второму ополчению. В это время к Москве уже подступили польские войска, возглавляемые гетманом Ходкевичем. Это потребовало от руководителей Второго ополчения более решительных действий. Первый отряд ополченцев подошел к Москве 24 июля, 3 августа подошел второй отряд, насчитывавший 700 всадников, и расположился у стен Белого города возле Тверских, Покровских и Никитских ворот (см. карту). 19—20 августа к Москве подошли основные силы ополчения, а уже 22—24 августа произошла решающая битва с отрядами гетмана Ходкевича, пытавшегося прорваться в Кремль и доставить осажденному гарнизону провиант и припасы. Ходкевич, переправившись через Москву-реку у Новодевичьего монастыря, намеревался достичь Кремля у Чертольских ворот; завязался бой, исход которого решили несколько сотен казаков, без разрешения Трубецкого присоединившихся к ополченцам. Ходкевич отошел к Донскому монастырю. Новое сражение произошло в районе Пятницкой улицы, где воины Пожарского отбросили поляков. Но на этот раз казаки помощи не оказали. Третья попытка Ходкевича прорваться в Кремль была отбита ополченцами, возглавляемыми Кузьмой Мининым. В бой вступили и казаки, с увещеваниями к которым обратился келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Совместными усилиями Ходкевич был отброшен от Москвы, оставив 400 возов с провиантом, предназначенным для кремлевского гарнизона. Через Воробьевы горы поляки отошли к Вязьме. 22 октября был взят Китай-город, а 26 октября подписано соглашение о капитуляции гарнизона Кремля. Москва была освобождена.

Правда, Сигизмунд, узнав о событиях в Москве, намеревался сам выступить к столице, но не встретил поддержки у шляхты, не желавшей продолжать тяжелую, затянувшуюся войну. С небольшим отрядом король все же подошел к Волоколамску, а Жолкевский даже приблизился к самой Москве, но был отогнан. Не удержался в Волоколамске и Сигизмунд, вынужденный возвратиться в свою ставку.

1613 — В январе в Москве начал работу Земский собор, который должен был избрать царя. В заседаниях собора участвовало 700 представителей бояр, духовенства, дворян, помещиков и посадских людей. Были единодушно отвергнуты кандидатуры королевича Владислава и шведского принца. Назывались имена В. В. Голицына, Д. Т. Трубецкого, Д. М. Пожарского, И. М. Воротынского и В. И. Шуйского. Остановились на кандидатуре шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, находившегося со своей матерью — великой инокиней Марфой — в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Эта кандидатура устраивала во многих отношениях. Михаил был связан с Рюриковичами, так как дед его был братом царицы Анастасии, жены Ивана Грозного. Но важнейшим основанием для избрания Михаила была судьба его отца — патриарха Филарета: влиятельнейший боярин Федор Никитич Романов пострадал от Годунова, был пострижен им в монахи, при Лжедмитрии I стал ростовским митрополитом, затем был увезен тушинцами в свой лагерь и «наречен» патриархом. Он участвовал в свержении Василия Шуйского, был отправлен главой «великого посольства» к Сигизмунду и в 1613 г. находился в Польше в плену. За его сына подали голоса все те, кто на тех или иных этапах связал свою судьбу либо с Лжедмитрием I, либо с оппозицией Шуйскому, либо с «тушинским цариком». 21 февраля Михаил был провозглашен царем.

В августе в Выборг прибыл претендент на русский престол шведский принц Карл-Филипп в сопровождении посольства. Его расчеты были связаны с тем, что еще в 1611 г. П. Ляпунов предложил шведскому королю русский трон для его сына в обмен на помощь против Польши. Лишь прибыв в Выборг, шведы узнали, что еще в феврале царем был избран Михаил Романов, поэтому они поспешили закрепиться на занятой ими ранее территории Новгородской земли.

1615 — Пытаясь укрепить свое положение в северо-западных районах Русского государства, шведский король Густав-Адольф попытался овладеть Псковом, но трехмесячная осада была безуспешной, и шведы предложили мирные переговоры. Они завершились лишь 27 февраля 1617 г. подписанием мира в деревне Столбово, по которому от Руси отторгались Карельский уезд (земли на Карельском перешейке севернее Ладожского озера) и Ижорская земля — южное побережье Финского залива с городами Ям, Иван-город и Копорье. Таким образом, выход в Балтику России был отрезан.

1617 — Польские войска вновь вторглись на территорию Русского государства: королевич Владислав двигался к Москве через Борисов, Дорогобуж и Вязьму, а гетман П. Конашевич-Сагайдачный — через Путивль, Ливны и Елец.

1618 — В сентябре Владислав и Конашевич подошли непосредственно к Москве: Владислав расположился в Тушино, Конашевич — у Донского монастыря. Но, получив решительный отпор у Арбатских ворот от русских воинов, возглавляемых Д. М. Пожарским, поляки отступили. В декабре в деревне Деулино (к северу от Троице-Сергиева монастыря) был заключен мир с Речью Посполитой на четырнадцать с половиной лет. Условия мира были очень тяжелыми для России: Польша приобретала значительную территорию с городами Невель, Белый (Белая), Смоленск, Стародуб, Новгород-Северский, Чернигов и в свою очередь возвращала русских пленных.

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ: РОССИЯ В XVII ВЕКЕ

События Смутного времени принесли неисчислимы бедствия Русскому государству. Особенно сильному разорению подверглись уезды к западу от Москвы (Звенигородский, Можайский, Верейский, Рузский, Волоколамский, Ржевский, Старицкий). Значительно пострадали и заокские уезды (Алексинский, Волховский, Белевский, Тульский), а также районы Вологды, Тотьмы, Устюга. В отдельных уездах было заброшено до 60 % возделывавшихся ранее земель.

Разоренное хозяйство страны постепенно стало восстанавливаться. В 20—30-х гг. возрождались земледельческие районы, стало интенсивно развиваться ремесло. Кузнецы Серпухова, Тулы, Устюжны Железнопольской, Тихвина, Галича, Нижнего Новгорода, ткачи и кожевенники стали работать не только на заказ, но и на рынок.

Росло население опустевших в годы Смуты городов. Правда, большинство русских городов того времени оставалось небольшими. По имеющимся сведениям, к середине XVII в. в Москве было 27 тысяч посадских дворов (т.е. дворов ремесленников и торговцев), в Ярославле — 2871 двор, в Костроме — 1726, в Вологде — 1234, в Казани — 1191, в Нижнем Новгороде — 1066, в Пскове — 812; далее по числу посадских дворов следовали Устюг Великий, Галич, Новгород, Хлынов (впоследствии Вятка), Калуга, Балахна, Коломна, Соль Галицкая, Переяславль-Залесский, в котором насчитывалось 508 посадских дворов. Этот перечень дает возможность представить и населенность городов, и столь отличающийся от современного их «рейтинг» по числу жителей. Но вернемся к собственно историческому повествованию.

1619 — Вернувшийся из польского плена Филарет был поставлен патриархом. До самой смерти своей (в 1633 г.) он фактически управлял государством вместо своего болезненного и безынициативного сына. Вплоть до 1622 г. регулярно собирались земские соборы. Боярскую думу от управления оттеснила Ближняя дума, состоявшая из четырех особо приближенных к царю бояр — И. Н. Романова, И. Б. Черкасского, М. Б. Шеина и Б. М. Лыкова.

1632 — В апреле умер польский король Сигизмунд III. В июне Земский собор санкционировал начало военных действий с Польшей. Однако в июне же крымские татары, разведав состояние оборонительных рубежей России на юге и убедившись в их слабости (донские казачьи отряды были отправлены на войну с Польшей), осуществили прорыв у г. Ливны. В зоне набега оказались Мценский, Новосильский, Орловский, Елецкий и другие уезды. Около 3 тысяч мирных жителей было угнано в полон.

Тем не менее в августе русская армия двинулась к Смоленску. Во главе ее стояли воеводы М. Б. Шеин и А. В. Измайлов. Дождливая осенняя погода (из Можайска армия выступила 10 сентября) затрудняла движение артиллерии по раскисшим дорогам. На первых порах были достигнуты успехи: взяты Дорогобуж, крепость Белая, Серпейск, Стародуб, Невель. Началась осада Смоленска. Но медленное продвижение армии дало возможность Польше подготовиться к отпору.

1633 — В феврале поляки прорвали заслон русских войск, осаждавших Смоленск, и

доставили туда подкрепление и припасы. Только в марте под стены города была доставлена тяжелая осадная артиллерия, но, несмотря на частичное разрушение стены ядрами и подкопами, на земляном валу поляки отбили штурм.

В августе с пятнадцатитысячным войском подошел к Смоленску новый польский король Владислав IV. Ему удалось прорваться в город, а затем и окружить русские войска, отошедшие на левый берег Днепра. Из русского войска на сторону поляков перебежали наемники. Лагерь М. Б. Шеина был окружен, посланные ему на выручку войска под командованием Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского не смогли к ним прорваться.

1634 — 16 февраля было подписано перемирие. Все воины из окруженных полков Шеина смогли беспрепятственно уйти с холодным и личным огнестрельным оружием, но артиллерия и обоз остались в руках поляков. В июне был подписан Поляновский мирный договор. Владислав отказался от притязаний на русский престол, но и Россия возвращала Польше все захваченные ею города, кроме Серпейска. У Польши (вплоть до 1667 г.) оставался и Смоленск. М. Б. Шеин и А. В. Измайлов, обвиненные в нерадивости, были по приговору Боярской думы казнены.

Напряженное положение по-прежнему сохранялось и на южных рубежах страны. В 1633 г. крымцы вновь осуществили набег, достигнув Тулы, Каширы, Калуги, окрестностей Москвы. Снова было уведено множество пленных — до 6 тысяч. В южных степях произошли перемены; орды Больших и Малых Ногаев из заволжских степей, несмотря на ожесточенное сопротивление донских казаков, переселились в районы, прилегавшие к Крыму. Общая численность конницы, которая могла участвовать в набегах на центральные районы России, достигала теперь 100 тысяч сабель, поэтому русское правительство осуществило строительство ряда городов-крепостей, таких как Козлов, Тамбов, Ефремов, Чугуев и др.[227]

1635 — Начато строительство новой оборонительной «засечной черты», ограждающей южные районы страны от набегов татар. Общая протяженность ее достигла к 1638 г. тысячи километров. Первоначально черта проходила от Ахтырки через Белгород и Воронеж до Тамбова, затем была продолжена от Тамбова до Саранска и Симбирска.

1637 — Донские казаки по собственной инициативе и даже вопреки желанию московского правительства отобрали у турок Азов, считавшийся неприступной крепостью: он был окружен тремя стенами с одиннадцатью башнями, крепостная артиллерия насчитывала до двухсот стволов. Осада продолжалась восемь недель, а после трехдневного штурма Азов пал. Он стал отныне опорным центром донского казачества.

1641 — В июне к Азову подступила двухсоттысячная турецкая армия с тяжелой артиллерией. Казачий гарнизон Азова насчитывал всего 5 тысяч человек, и тем не менее казаки выдержали 24 приступа и нанесли осаждавшим серьезные потери. В конце сентября командующий турецкой армией Гусейн-паша снял осаду.

1642 — В Москве собрался Земский собор. На нем обсуждалось предложение казаков о передаче Азова в русское подданство. Собор не решился на это, опасаясь войны с Турцией, и казаки были вынуждены оставить город.[228]

1645 — Умер Михаил Федорович. Новым царем стал его шестнадцатилетний сын Алексей. Фактически власть в стране в годы его юности принадлежала воспитателю и свояку царевича боярину Б. И. Морозову и тестю его И. Д. Милославскому.

1647 — Новгородским митрополитом становится будущий патриарх Никон. Личное знакомство с царем оказалось для него благотворным: недавно бывший монахом Соловецкого монастыря, а затем игуменом Кожеозерского монастыря, он стал архимандритом подмосковного Новоспасского монастыря, а теперь и главой новгородской церкви. В Москве Никон принадлежал к так называемому «Кружку ревнителей благочестия», во главе которого стоял духовник царя протопоп Стефан Вонифатьев. В кружок входили также протопоп Казанского собора (в Москве) Иван Неронов и провинциальные протопопы — Аввакум из Юрьева Поволжского, Даниил из Костромы, Логгин из Муром. Члены кружка пеклись о повышении авторитета церкви через интеллектуальное и нравственное совершенствование самого духовенства. Кроме того, они признавали необходимость исправления церковных книг и изменения обрядов на основе решений Стоглавого собора 1551 г. и старых рукописей. Алексей Михайлович поддерживал «ревнителей благочестия», посещал проповеди Ивана Неронова в Казанском соборе, однако имел свое мнение об исправлении книг, считая, что править их следует по греческим образцам и ориентироваться в обрядах на обычаи греческой церкви.

1648 — В Москве произошло восстание. Причиной народного возмущения явились меры правительства, возглавляемого Б. И. Морозовым: усиление налогового обложения и сокращение жалования «служивым людям» — стрельцам и подьячим. Особенное возмущение вызвало введение в 1646 г. налога на соль, который пришлось все же отменить из-за яростных протестов населения в феврале 1647 г. Новые требования о непреклонном и суровом взыскании недоимок с «тяглых людей» привели к взрыву возмущения. Народ решил обратиться с челобитной непосредственно к царю, когда он 1 июня возвращался в Москву с богомолья из Троице-Сергиева монастыря. Царская охрана разогнала толпу просителей, но в стрельцов из толпы полетели камни.

На следующий день просители вновь попытались пробиться к царю, участвовавшему в крестном ходе. На сторону восставших перешли и стрельцы. Верным правительству остался лишь привилегированный Стремянный полк. Восставшие требовали выдачи им боярина Б. И. Морозова, а также видных деятелей его правительства — П. Т. Траханиотова и Л. С. Плещеева. Бояре не смогли успокоить людей, не смог уговорить их и царь. Толпа разгромила двор Б. И. Морозова, находившийся в Кремле, а также дворы особенно ненавистных народу П. Т. Траханиотова, Л. С. Плещеева, князей А. М. Львова и Н. И. Одоевского, дьяков Назария Чистого и Григория Ларионова. Назарий Чистый был убит, а Леонтия Плещеева и Траханиотова власти были вынуждены выдать восставшим, и оба они были казнены на Красной площади. Правительство пошло на уступки стрельцам: каждому из них возвратили по 8 рублей. Затем, опираясь на умиротворенных стрельцов, правительство начало репрессии: шестеро холопов — зачинщиков восстания — были казнены. Для успокоения народа особенно ненавистного москвичам Б. И. Морозова выслали из Москвы в Кириллов монастырь (откуда он, впрочем, вскоре был возвращен). В сентябре был созван собор для подготовки нового свода законов. В январе 1649 г. было принято «Соборное уложение». Основные его законоположения были направлены на защиту царя и высших слоев общества, на укрепление крепостной зависимости крестьянства. «Уложение» удовлетворяло и нужды дворян, был сделан ряд уступок посадским людям. Но отмена сроков давности для сыска беглых крестьян, окончательно закрепившая крепостную зависимость, вызвала острое

недовольство народа. В Соли Вычегодской, Устюге Великом, Владимире, Козлове, Курске и других городах вспыхивали волнения.

На Украине, входившей в состав Речи Посполитой, началось восстание. Во главе его стоял авторитетнейший казацкий старшина, избранный гетманом, — Богдан Хмельницкий. Правительственные войска были изгнаны из Запорожской Сечи. Польское правительство направило против Хмельницкого армию во главе с коронным гетманом Николаем Потоцким. Но небольшой отряд Хмельницкого у урочища Желтые Воды нанес правительственным войскам сокрушительное поражение. Народные волнения охватили украинские и белорусские земли. Хмельницкий начал переговоры с русским правительством о воссоединении с Россией украинских земель, входивших, как мы знаем, в состав Древнерусского государства. Но правительство Алексея Михайловича, опасаясь войны с Польшей, к которой оно еще не было готово, медлило с принятием положительного решения.

1649 — Несмотря на ряд новых поражений, которые Хмельницкий нанес правительственным войскам, в августе он вынужден был подписать мирное соглашение с Польшей в Зборове. К этому принуждала гетмана и позиция крымского хана, за выкуп заключившего мир с Польшей и теперь угрожавшего восставшим. Однако Польский сейм не утвердил Зборовского договора, и война продолжалась. Хмельницкий нанес правительственным войскам еще ряд поражений.

1650 — Восстания произошли в Пскове и Новгороде. Поводом для волнений в Пскове явился резкий подъем цен на хлеб, вызванный тем, что купец Федор Емельянов по поручению правительства произвел закупки хлеба по высоким ценам для передачи Швеции (в качестве компенсации за уход населения с отошедших к Швеции русских земель). Хотя воевода Н. С. Собакин уступил настоятельным просьбам посадских людей и запретил вывоз хлеба, «боясь ... убийства», приезд шведского агента Логина Нумменса вызвал новую вспышку недовольства. Нумменса задержали, а двор Федора Емельянова разгромили. В марте волнения вспыхнули и в Новгороде. Новгородский воевода князь Ф. А. Хилков укрылся в палатах митрополита Никона, в Пскове под арест были посажены воевода Собакин, приехавший сменить его князь В. П. Львов и присланный из Москвы для следствия князь Ф. Ф. Воротынский.

Прибытие посланного из Москвы карательного отряда, вызвавшее разброд среди восставших и нежелание стрельцов оказать сопротивление И. Н. Хованскому, присланному из Москвы для подавления восстания, привело к тому, что инициаторы волнений в Новгороде были схвачены и взяты под стражу. Псковичи оказались более твердыми; Хованского в город не впустили и стали укреплять оборонительные сооружения. Власть перешла к выборным во главе с земским старостой Гаврилой Демидовым. На сторону восставших перешли и псковские пригороды — Гдов, Изборск, Остров, а также крестьянское население этих уездов. После долгих переговоров делегации Земского собора удалось склонить псковичей и прежде всего «служивых людей» — пушкарей, казаков и стрельцов — к крестному целованию.

1653 — 1 октября Земский собор, откликаясь на предложение Богдана Хмельницкого, принял решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией.

1654 — 8 января в Переяславле (ныне Переяслав) состоялась рада, на которой присутствовали представители казачьих полков и городов. Рада единодушно высказалась за

воссоединение с Россией Левобережной Украины с городами Черниговом, Новгород-Северским, Переяславлем, Полтавой, а также древней столицей Руси Киевом. В марте на переговорах в Москве были оговорены особые права Украины: ее население сохраняло право избирать гетмана и старшину, имело свой суд, свое войско; сохранялось самоуправление городов. Крестьяне в отличие от крестьян России могли менять местожительство, распоряжаться своей землей, строениями и имуществом.

В мае того же года русские войска двинулись к польской границе. Были взяты города Белый, Дорогобуж, затем — в августе — Орша и Могилев, в сентябре — Смоленск.

Весной того же года в Москве был созван церковный собор, на котором Никон, ставший в 1652 г. патриархом, потребовал проведения церковной реформы — отмены тех обрядов, которые он посчитал нововведениями и не соответствующими практике современной греческой церкви, в частности, он предлагал ввести троеперстие (креститься тремя перстами вместо двух) и заменить земные поклоны поясными. Но именно это «возвращение к старине» (как ее понимал и трактовал Никон) представлялось покушением на традиции и старые обряды бывшим единомышленникам Никона по «кружку ревнителей благочестия». Тогда Никон отправил в ссылку наиболее активных своих противников — Ивана Неронова, протопопа Аввакума, дьякона Федора.

1655 — Этот год внес существенные коррективы во внешнюю политику Русского государства. Шведский король Карл X начал войну с Польшей и на первых порах добился существенных успехов: 8 сентября была взята Варшава, затем Краков, король Ян Казимир бежал из страны. Отдельные представители польской администрации подписывали сепаратные соглашения, передавая под протекторат Швеции значительные области страны, в том числе Ливонию. Русским предстояло определить свою позицию в этой ситуации, так как возрастание могущества Швеции не могло их не тревожить. На заключении мира с Польшей и выступлении против Швеции особенно настаивал видный государственный деятель и дипломат А. Л. Ордин-Нащокин. Но пока война продолжалась. В июле русскими войсками были взяты Минск, Вильно, Ковно, Гродно.

1656 — Русское государство предпринимает ряд дипломатических акций, стремясь привлечь к борьбе со Швецией и Данию. Тем временем положение в Польше изменяется: на захваченных шведами территориях растет сопротивление; вернувшийся в страну Ян Казимир собирает силы для отпора шведам. Русское государство 17 мая объявляет войну Швеции и достигает немалых военных успехов: войско, в рядах которого находился и сам Алексей Михайлович, штурмом берет крепости Динабург (вблизи современного г. Даугавпилс) и Кокнес (современный Кокнесе, на правом берегу Даугавы), осаждают Ригу. В октябре сдался Юрьев, однако осаду Риги пришлось снять. Воевода Петр Потемкин осаждал Орешек (крепость на острове в истоках Невы), взял крепость Ниеншанц (на месте впадения Охты в Неву, ныне в пределах Петербурга), нанес поражение в бою у острова Котлин в Финском заливе.

В этой обстановке и начались в Вильно мирные переговоры с Польшей. Россия добивалась передачи всех земель Великого княжества Литовского, поляки, напротив, требовали возвращения земель, занятых русскими в ходе войны. Рассматривался и вопрос о провозглашении Алексея Михайловича преемником бездетного Яна Казимира. Но переговоры зашли в тупик, и результатом их явилось лишь перемирие, заключенное для совместной борьбы со Швецией.

Тем временем в Москве Никон продолжал развивать свою реформу: церковный собор вынес

решение отлучить от церкви всех защитников старых обрядов.

1657 — Шведские войска безуспешно пытались овладеть Псково-Печерским монастырем и столь же безуспешно осаждали крепость Гдов. Отступивших от стен Гдова шведов настиг воевода И. А. Хованский и нанес им сильное поражение: шведский полководец Магнус Делагарди был вынужден утопить свои пушки в Чудском озере. Русские полки подошли к стенам Нарвы, вывели из посады около тысячи мирных жителей.

27 июля умер Богдан Хмельницкий. Это серьезно осложнило положение Украины: преемник Хмельницкого — гетман И. Выговский — придерживался пропольской ориентации, стремился к обособлению от России.

1658 — В деревне Валиесаре, близ Нарвы было заключено соглашение о мире со Швецией на три года, по которому занятые в ходе войны территории отошли к России. Возобновилась война с Польшей. В октябре произошло столкновение русских войск под командованием Ю. А. Долгорукого и польско-литовских под командованием Гонсевского, закончившееся победой русских и пленением польского воеводы. Но положение русских войск в Белоруссии было тяжелым; учащались измены, провоцируемые, в частности, позицией гетмана И. Выговского.

Тем временем в Москве разразился конфликт между царем и патриархом Никоном. 10 июля в Успенском соборе князь Ю. Ромодановский объявил Никону о гневе царя за присвоение патриархом титула «великого государя» (что сам Никон объяснял исполнением «царской воли»). Никон по окончании службы объявил: «...от сего времени не буду вам патриарх» и отложил посох — символ своего сана. Он уехал из Москвы в Воскресенский монастырь.

1659 — На территории Белоруссии продолжались столкновения с польскими войсками и их союзниками — гетманом И. Выговским и крымскими татарами. Бои шли под Ковно, Гродно, Конотопом, Путивлем. Свержение И. Выговского и избрание гетманом Юрия Хмельницкого не улучшили положения: сын Богдана оказался под влиянием все тех же пропольских группировок.

Тем временем конфликт Никона с царем продолжался. Патриарх отправил царю послание, в котором подчеркнул, что сложить с себя сан он сможет лишь по решению вселенского собора с участием патриархов других православных церквей. Соборный в начале 1660 г. собор отклонил требования Никона, но богослов Епифаний Славинецкий признал, что действия собора нарушают канонические правила. Было решено созвать новый собор с участием православных патриархов.

1660 — Весной между Швецией и Польшей был заключен Оливский мир. Это не могло не сказаться на активизации действий польских войск против России. В течение года, несмотря на ряд частных удач, положение русских войск в Белоруссии и на Украине осложнялось. В результате Правобережная Украина (без Киева) вновь перешла под власть Польши, потерпел поражение и капитулировал воевода В. Б. Шереметев, которому в решительный момент не оказал поддержки Ю. Хмельницкий, заключивший с Польшей сепаратный договор.

1661 — В июне заключен Кардисский мир России со Швецией, по которому последней

возвращались все территории, отвоеванные русскими, в обмен на обязательство не поддерживать Польшу, не нападать на Великое княжество Литовское, на «Малую и Белую Россию».

1662 — В июле в Москве вспыхнуло восстание, известное под именем «Медного бунта». Поводом к нему послужило введение медных денег и особые строгости при взимании недоимок. По Москве были расклеены прокламации (по терминологии тех лет — «воровские письма»), в которых обвинялись в сговоре с поляками видные государственные деятели: князья И. Д. и И. М. Милославские, боярин Ф. М. Ртищев, купец Василий Шорин. Письма читали вслух стрелец Кузьма Нагаев и какой-то подьячий. Возбужденная толпа, состоявшая из посадских людей и стрельцов, двинулась в Коломенское, где в это время находился Алексей Михайлович. Царь посоветовал названным в письме боярам укрыться в хоромах царицы и царевен, а сам стал уговаривать толпу, обещая, возвратившись в Москву, «учинить сыск и указ».

Тем временем в городе были разгромлены дворы купцов Василия Шорина и Семена Задорина. Был схвачен пытавшийся бежать пятнадцатилетний сын Шорина, сам купец скрылся в Кремле у князя Черкасского. Тем временем Алексей Михайлович вызвал войска. Стрелецкие полки Артамона Матвеева и Семена Полтева, прибывшие в Коломенское, были впущены через задние ворота и неожиданно напали на толпу. Восставшие были рассеяны, многие убиты, часть их была загнана в реку. По свидетельству современника, было убито и схвачено более 7 тысяч человек, более ста утонуло. Расправы над восставшими чинились и в Москве: на людных местах устанавливались виселицы, но на них часто попадали не организаторы восстания, а случайно попавшиеся под руку люди; целью этих быстрых расправ было устрашение населения. Стрельцы, подавившие восстание, были щедро награждены.

1666 — В конце года в присутствии прибывших в Москву патриархов — антиохийского Макария и александрийского Паисия — разбиралось дело Никона. Его обвиняли в самовольном оставлении патриаршества, в «хуле на русскую церковь» в грамоте, направленной константинопольскому патриарху Дионисию, но перехваченной по дороге, в самовольном свержении (еще в 1654 г.) коломенского епископа Павла. Никон был низложен и под конвоем стрельцов отведен в Ферапонтов монастырь. Патриархом был избран архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф.

На том же соборе были осуждены и противники Никона — защитники старинных обрядов. С этого времени берет свое начало раскол в русской церкви. Наиболее решительные из борцов за сохранение старых обрядов («старообрядцы») были переданы на расправу мирским властям. Старообрядцев казнили, ссылали в отдаленные районы страны. Был выслан в Пустозерский острог (в низовьях р. Печоры) и наиболее авторитетный деятель старообрядчества протопоп Аввакум. После многолетнего заключения в земляной тюрьме он будет сожжен в 1682 г.[229]

1667 — В январе в Андрусове (под Смоленском) был подписан мир России с Польшей. Согласно договору России были возвращены Смоленск, Дорогобуж, Белая, Невель, Велиж, Северская земля с Черниговом и Стародубом; было признано воссоединение с Россией Левобережной Украины и Киева.

Весной активизировалось народное движение, вошедшее в историографию как Крестьянская война под руководством Степана Разина. Степан Тимофеевич Разин принадлежал к среде зажиточных («домовитых») казаков. Он родился около 1630 г. Несколько раз Степан побывал

в Москве: в 1652 (или 1661) г., когда ходил молиться соловецким чудотворцам, и в 1658 г. в составе казачьего посольства. Он участвовал также в походе казаков на крымских татар. «У него появляются задатки смелого военного предводителя, а включение его в состав посольства свидетельствует об умении обходиться с людьми, вести переговоры», — пишет В. И. Буганов и подчеркивает, что к началу Крестьянской войны Разин «выступает человеком бывалым и опытным, смелым и решительным».[230]

Итак, весной отряд Степана Разина, состоявший из казаков, беглых боярских людей и крестьян, перебрался с Дона на Волгу. В его распоряжении было много мелких суденышек и несколько морских стругов. Разинцы нападали на плывшие по Волге суда, а затем разгромили стрелецкий отряд воеводы С. Н. Беклемишева и овладели Яицким городком (ныне Гурьев).

1668 — В этом году началась осада правительственными войсками Соловецкого монастыря. Еще в 1666 г. соловецкие монахи заявили о своей приверженности старой вере. Во главе восстания стал архимандрит Никанор. Монастырю удалось выдержать восьмилетнюю осаду. Сопrotивление восставших было сломлено лишь в 1676 г., когда монах-перебежчик выдал осаждавшим местонахождение потайного хода.[231]

Тем временем разрасталось движение Разина. Попытка правительственных войск, возглавлявшихся астраханским воеводой Я. Безобразовым, отбить Яицкий городок окончилась неудачей. Осенью Разин с флотилией из 40 стругов и с 2 тысячами воинов отправился в морской поход вдоль западных и южных берегов Каспийского моря. Были разграблены многие прибрежные города, захвачена большая добыча. Зимой 1668/69 г. казаки провели на острове Свином (южнее Баку).

1669 — Людские потери в сражениях с персидскими войсками побудили Разина в августе вернуться к устью Волги. Было достигнуто соглашение между ним и воеводой стрельцов князем С. И. Львовым, по которому Разин должен был отдать стрельцам все пушки и отпустить примкнувших к нему «служивых людей». Но пребывание Разина и его казаков произвело на жителей Астрахани огромное впечатление: разинцы по дешевке продавали драгоценную добычу, «приглашали к себе на суда, украшенные коврами, с парусами из ценных тканей, с канатами, свитыми из шелковых нитей. Разодетый в пух и прах Разин ходил по Астрахани в сопровождении восторженных толп народа, бросал в них золотые дукаты». Ценные дары получили и астраханский воевода И. С. Прозоровский и С. И. Львов. Прозоровский выпросил «бесценную соболью шубу, крытую атласом, с драгоценными камнями. Атаман скрепя сердце отдал ее царскому воеводе: "Возьми себе шубу, да не было б шуму!"», — сказал будто бы Разин.[232] Все это придало Разину огромный авторитет и позволило ему пренебречь достигнутым соглашением: он не отдал пушки и паруса от стругов и ушел на Дон.

1670 — Ряды сторонников Разина непрестанно увеличивались за счет бежавших к нему казаков и «голутвенных людей» (бедняков). В начале года к Разину в Черкасск был послан посол Герасим Евдокимов с царской грамотой, в которой царь обещал Разину и его казакам милости за верную службу. Но Разин заявил послу, что грамота не от царя, а от бояр, и сам он лазутчик. Посол был убит.

В мае войско Разина подошло к Царицыну. Город был взят, воевода Тургенев убит, стрельцы изрублены. Был уничтожен также стрелецкий отряд И. Лопатина, рассчитывавший прорваться в Царицын. Был разгромлен у Черного Яра и отряд стрельцов под предводительством князя

Львова. 22 июня была взята Астрахань — мощнейшая крепость, — однако ее гарнизон в большинстве своем сам перешел на сторону Разина. Князь И. С. Прозоровский был убит, преданы казни около 500 дворян и приказных. После этого Разин направился вверх по Волге. Без сопротивления на его сторону перешли поволжские города Саратов и Самара. В своих прокламациях Разин утверждал, что действует в интересах царя, но против изменников — бояр, дворян и приказных людей. На одной из барж, обитой красным бархатом, плыл, по утверждению Разина, «хороший царь» Алексей Алексеевич (в действительности умерший, его «заменял» пленный пятигорский князь Андрей Черкасский), а на другой — будто бы сам патриарх Никон. Восстание охватило значительные районы Поволжья. Лозунги Разина — обещание власти доброго царя и освобождение от притеснений со стороны бояр и дворян — привлекали к нему самые широкие массы народа. В сентябре из Москвы против Разина были направлены правительственные войска, возглавляемые князьями Ю. А. Долгоруковым и К. О. Щербатовым. Разин осадил Симбирск (ныне Ульяновск), но взять его не смог. Ю. Н. Борятинскому, двинувшемуся на помощь осажденному Симбирску из Казани, удалось прорваться в город. Разин был ранен, его унесли в струг и отплыли вниз по Волге, после чего он перебрался на Дон.

1671 — У Разина появилась сильная оппозиция в казацкой среде, группировавшаяся вокруг войскового атамана Корнилия Яковлева. 14 апреля 1671 г. черкасские казаки схватили Разина и его брата Фрола, привезли в Черкасск, а оттуда закованный в цепи Разин был доставлен в Москву, где после жестоких истязаний казнен 6 июня.

Восстание было подавлено. Последний оплот разинцев Астрахань была взята правительственными войсками 27 ноября. Тысячи повстанцев подверглись жестокой казни.

1676 — В январе умер царь Алексей Михайлович. Прозванный «тишайшим», склонный к богословским диспутам, не чуждый литературной деятельности,^[233] царь этот в действительности был властным, решительным и жестоким. Он активно участвовал в управлении страной, целеустремленно добиваясь укрепления самодержавия. Столь же активно выступал Алексей Михайлович и в международных делах. Важнейшим достижением его политики было воссоединение Украины с Россией и возвращение ей отторгнутых ранее западных земель.

Россия стояла на пороге нового времени. Но в год смерти Алексея Михайловича великому реформатору Петру Алексеевичу было всего четыре года.

Если замысел этой книги удался, то перед читателем предстала в кратком очерке многовековая история допетровской Руси. Трудным, с остановками и возвратами был исторический путь России. Периоды подъема сменялись кризисами, годы «тишины» — годами брани. За годами стабилизации и культурного расцвета при Ярославе Мудром или Владимире Мономахе последовали годы и десятилетия междоусобных браней, развязанных их детьми и внуками. Сильные и процветающие удельные княжества — а иные из них как равные встали в ряд европейских государств, в один ряд с гордой Византией, с Польшей, Венгрией, Чехией — вдруг оказались растоптаны несметными монголо-татарскими полчищами; и еще почти век терзали исстрадавшуюся землю ордынские полководцы, призываемые порой беспринципными властолюбцами-князьями. Бурный рост городской светской культуры в конце XV в., казалось бы, проложивший дорогу к русскому Возрождению, был неожиданно прерван, и вольнодумные споры обернулись огненными клетками, в которых жгли еретиков. Иван Грозный в кровавые годы опричнины тешил себя надеждой, что с корнем

вырвал все ростки гордыни удельных князей или кичливого боярства, что создал монолитную, самодержавную Русь, а через два десятилетия после его смерти страна была ввергнута в неразбериху Смуты: народ, увлеченный призраком будто бы злодейски убитого царевича (который, как можно судить по детским замашкам, повзрослев, не уступал бы отцу в жестокости!) как желанных гостей встречал иноземцев, ведомых Лжедмитрием, а князья и бояре — честолюбцы или политические авантюристы — торговали страной... Казалось, перестала существовать Россия, и в Московском Кремле засел иноземный гарнизон. Но и в этот роковой час нашелся человек недюжинной энергии и высоких помыслов: нижегородский «говядарь» Кузьма Минин смог сплотить ратников Второго ополчения, найти ему достойного предводителя и освободить столицу от интервентов. И восстала в прежней своей силе Россия. Вновь зашагали за сохой ратаи по заросшим было бурьяном полям, возродились ремесленные посады, потянулись на Урал искатели новых земель — землепроходцы, стали рубить острожки на неведомых прежде сибирских реках. Вновь встали рядом народы-братья — русские и украинцы, и древний Киев объединился с Москвой в единой державе.

Верно сказано, что история учит. Но ее уроки отнюдь не просты. Мы видели, как переплетены в нашем прошлом добро и зло, как порой благие намерения приводили к трагическим результатам, как в личности политического деятеля уживались ум и жестокость, храбрость и непомерное честолюбие, как часто зависть и желание богатства подавляли все человеческое и гражданское в душах власть имущих. Страницы летописи пестрят именами — но то имена князей, бояр, воевод, дьяков, священнослужителей. Простые люди — крестьяне и горожане — безымянны. А ведь городской пожар или голод, междоусобная распря или набег степняков больше всего ударяли именно по простому люду — главной жертве всех политических неурядиц.

И нельзя забывать о том, что мы с вами — наследники этих людей. Чьи-то предки бились с половцами или сражались на стенах Рязани и Владимира в годину Батыевщины, стояли насмерть на Куликовом поле, строили Московский Кремль или осваивали глухие леса Заволжья, находились в числе свидетелей или активных участников событий Смуты... Вот почему нельзя всего лишь с праздным любопытством читать о делах «давно минувших дней» — как глубоко личное должен быть воспринят каждый факт истории Отечества, нашей с вами родины — России...

Карта: города Московской Руси в XV-XVI вв. (центр страны)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

1. Русские князья IX—XI вв.
2. Потомство Ярослава Владимировича.
3. Потомство Святослава Ярославича.
4. Потомство Владимира Мономаха.
5. Потомство Владимира Ярославича.
6. Потомство Юрия Долгорукого.

7. Потомство Дмитрия Донского.
8. Род и царская династия Романовых.
9. Рюриковичи.
10. Великие князья литовские и польские короли в XIV—XVII вв.

В таблицах 1—8 упомянуты исторические деятели, о которых идет речь в тексте книги. На левом поле таблиц римскими цифрами обозначены «колена» от Рюрика.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 860 — Поход Руси на Константинополь.
- 862 — «Призвание варягов».
- 879 — Смерть Рюрика.
- 882—912 — Княжение Олега в Киеве.
- 907 — Поход Олега на Константинополь.
- 912—945 — Княжение Игоря в Киеве.
- 941, 944 — Походы Игоря на Константинополь.
- 945—972 — Княжение Святослава Игоревича в Киеве.
- 946, 955 — Поездки Ольги в Константинополь.

965(?) — Разгром Святославом Хазарского каганата.

968—971 — Войны Святослава на Балканах.

980—1015 — Княжение Владимира Святославича в Киеве.

988—990 — Принятие христианства на Руси.

1016—1018, 1019—1054 — Княжение Ярослава Владимировича в Киеве.

1024 — Лиственская битва.

1036 — Смерть Мстислава Владимировича. Начало единовластного княжения Ярослава.

1054—1068, 1069—1073, 1077—1078 — Княжение Изяслава Ярославича в Киеве.

1073—1076 — Княжение Святослава Ярославича в Киеве.

1078—1093 — Княжение Всеволода Ярославича в Киеве.

1093—1113 — Княжение Святополка Изяславича в Киеве.

1103, 1111 — Походы русских князей на половцев.

1113—1125 — Княжение Владимира Всеволодовича Мономаха в Киеве.

1125—1132 — Княжение Мстислава Владимировича в Киеве.

1125—1157 — Самостоятельное княжение Юрия Владимировича Долгорукого в Ростово-Суздальской земле (с 1155 — великий князь Киевский).

1147 — Первое упоминание Москвы.

1157—1174 — Княжение Андрея Юрьевича Боголюбского во Владимире.

1169 — Разгром Киева Андреем Боголюбским.

1176—1212 — Княжение Всеволода Большое Гнездо во Владимире.

1184 — Поход на половцев коалиции русских князей.

1185 — Поход на половцев Игоря Святославича Новгород-Северского.

1212—1216, 1218—1238 — Княжение Юрия Всеволодовича во Владимире.

1216 — Битва новгородцев и суздальцев на р. Липице.

1223 — Битва с монголо-татарами на р. Калке.

1237—1240 — Вторжение монголо-татар под предводительством Батыя.

1237, 21 декабря — Взятие Батыем Рязани.

1238, 4 марта — Битва на Сити.

1238—1246 — Княжение Ярослава Всеволодовича во Владимире.

1240, 14 июля — Победа Александра Невского над шведами на Неве.

1242, 5 апреля — Ледовое побоище.

1252—1263 — Великое княжение Александра Ярославича (с 1249 — великий князь Киевский).

1262 — Антитатарские выступления в Ростове, Суздале, Ярославле и других городах.

1263—1271 — Великое княжение Ярослава Ярославича.

1283 — Первое упоминание Даниила Александровича как московского князя.

1293 — Нашествие татар под предводительством Тудана (Дуденя).

1299 — Перенос митрополии из Киева во Владимир.

1305—1317 — Великое княжение Михаила Ярославича Тверского.

1308—1326 — Петр — митрополит всея Руси.

1319—1322 — Великое княжение Юрия Даниловича (1303—1319, 1322—1325 — Московский князь).

1327 — Восстание в Твери против Чол-хана (Щелкана).

1328—1340 — Великое княжение Ивана Даниловича Калиты.

1339 — Постройка деревянного кремля в Москве.

1340—1353 — Великое княжение Семена (Симеона) Ивановича.

1353—1359 — Великое княжение Ивана Ивановича Красного.

1354—1378 — Алексей — митрополит всея Руси.

1362—1389 — Великое княжение Дмитрия Ивановича Донского (с 1359 — князь Московский).

1367 — Возведение белокаменных стен Кремля.

1375 — Поход Дмитрия Донского на Тверь.

1378, 11 августа — Победа над татарами на р. Воже.

1380, 8 сентября — Победа над татарами на Куликовом поле.

1382 — Захват Москвы Тохтамышем.

1389—1425 — Великое княжение Василия I Дмитриевича.

1392—1393 — Присоединение Нижегородского княжества.

1395 — Поход на Русь Тимура.

1404 — Смоленск переходит во владение Великого княжества Литовского.

1408 — Поход Едигея на Москву.

1425—1462 — Великое княжение Василия II Васильевича.

1433—1447 — Феодалная война.

1446 — Ослепление Василия II Дмитрием Шемякой.

1462—1505 — Великое княжение Ивана III Васильевича.

1471 — Поход Ивана III на Новгород; битва на р. Шелони.

1478 — Присоединение Новгорода.

1480 — «Стояние на Угре», конец татарского ига.

1485 — Присоединение Твери.

1487 — Установление вассальной зависимости Казанского ханства.

1497 — Судебник Ивана III.

1503 — Окончание войны с Литвой; возвращение Чернигова, Новгород-Северского, Гомеля и Брянска.

1505—1533 — Великое княжение Василия III Ивановича.

1510 — Присоединение Пскова.

1514 — Возвращение Смоленска Русскому государству.

1521 — Присоединение Рязанского княжества.

1521 — Поход крымского хана Мухаммеда-Гирея на Москву.

1533—1584 — Великое княжение (с 1547 — царствование) Ивана Грозного.

1533—1538 — Регентство Елены Глинской. 1539—1541 — Губная реформа.

1547 — Пожары и народные волнения в Москве.

1549 — Созыв первого Земского собора.

Конец 40-х гг. XVI в.— Возникновение «избранной рады».

1551 — Стоглавый собор.

1552 — Присоединение Казанского ханства.

1555 — Подчинение сибирского хана Едигера Русскому государству.

1555—1556 — Отмена «кормления».

1556 — Взятие Астрахани, установление вассальной зависимости Астраханского ханства.

1558—1583 — Ливонская война.

1560 — Распад «избранной рады», отставка А. Адашева.

1565—1572 — Опричнина.

1570 — Поход Ивана Грозного на Новгород.

1571 — Набег на Москву крымского хана Девлет-Гирея.

1581—1582 — Осада Пскова Стефаном Баторием.

1582 — Поход Ермака.

1584 — Основание Архангельска и Тобольска.

1584—1598 — Царствование Федора Ивановича.

1585 — Основание Воронежа, Самары, Тюмени.

1586 — Основание Орла.

1590 — Основание Саратова.

1590—1593 — Война со Швецией.

1591 — Смерть царевича Дмитрия.

1597 — Указ об «урочных летах» (ужесточение крепостной зависимости).

1598—1605 — Царствование Бориса Годунова.

1601—1603 — Голод в Русском государстве.

1604 — Лжедмитрий начинает поход на Москву.

1604 — Основание Томска.

1605, 13 апреля — Смерть Бориса Годунова, царствование Федора Борисовича (до 7 июня).

1605—1606 — Царствование Лжедмитрия.

1606—1610 — Царствование Василия Шуйского.

1606—1607 — Поход на Москву Ив. Болотникова.

1608—1610 — «Тушинский лагерь» под Москвой.

1610—1612 — «Семибоярщина».

1611 — Создание Первого ополчения.

1611, 19—20 марта — Восстание в Москве против поляков.

1612 — Создание Второго ополчения под руководством К. Минина и Д. М. Пожарского.

1612, 26 октября — Освобождение Москвы от интервентов.

1613, январь — Земский собор, избрание Михаила Романова.

1613—1645 — Царствование Михаила Романова.

1617, 27 февраля — Столбовский мир со Швецией.

1618, 1 декабря — Деулинское перемирие с Польшей.

1632—1634 — Война с Польшей.

1637 — Захват Азова донскими казаками.

1645—1676 — Царствование Алексея Михайловича.

1648—1654 — Война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого.

- 1648 — Восстание в Москве («Соляной бунт»).
- 1649 — Принятие «Соборного уложения».
- 1650 — Основание Харькова.
- 1652 — Основание Иркутска.
- 1654, 8 января — Переяславская рада принимает решение о воссоединении Украины с Россией.
- 1654 — Церковный собор, одобдивший реформу Никона; начало раскола.
- 1662 — «Медный бунт».
- 1667 — Андрусовский мир с Польшей.
- 1670—1671 — Крестьянская война под руководством Степана Разина.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989.
- Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988.
- Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М.: Изд-во МГУ, 1952.
- Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1976.
- Буганов В.И. Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV—XVII вв. М.: Моск. рабочий, 1986.
- Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М.: Наука, 1975.
- Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV—XVI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII—XV веках. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1988.
- Дегтярев А.Я., Дубов И.В. Начало Отечества. Л.: Дет. лит., 1983.
- Дегтярев А.Я., Дубов И.В. От Калки до Угры. 2-е изд. Л.: Дет. лит., 1986.

- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
- Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964.
- Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории середины XVI в. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960.
- Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972.
- Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982.
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.
- Иллюстрированная история СССР / В.Т. Пашуто и др. 4-е изд. М.: Мысль, 1987.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967.
- Каргалов В.В. Конец ордынского ига. 2-е изд. М.: Наука, 1984.
- Каргалов В., Сахаров А. Полководцы Древней Руси. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1986.
- Каштанов С.М. Социально-политическая история России в конце XV—первой половине XVI в. М.: Наука, 1967.
- Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
- Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л.: Наука, 1980.
- Кобрин В. Иван Грозный. М.: Моск. рабочий, 1989.
- Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР. 1954.
- Куликовская битва: Сб. ст. М.: Наука, 1980.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
- Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987.
- Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.
- Пашуто В. Т. Очерки истории СССР: XII—XIII вв: Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1960.
- Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. М.: Наука, 1982.
- Рыбаков Б.А. Мир истории: Начальные века русской истории. М., 1987.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: Зарождение древнерусской дипломатии. М.: Педагогика, 1987.

Сахаров А.П., Троицкий С.М. Живые голоса истории. М.: Мол. гвардия, 1978.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Скрынников Р.Г. Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака. Л.: Лениздат, 1989.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1975.

Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI—XVII вв. М.: Моск. рабочий, 1988.

Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М.: Молодая гвардия, 1981.

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988.

Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». 2-е изд. М.: Мысль, 1985.

Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988.

Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Наука, 1962.

Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л.: Наука, 1978.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ВИ — Вопросы истории.

Воинские повести — Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

За землю Русскую! — За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981.

Изборник — Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 (Б-ка всемирной литературы).

МЛС — Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Новгородская первая летопись — Синодальный список Новгородской первой летописи / Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1 («Литературные памятники»).

ПЛДР. XI—XII вв. — Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы : XI—начало XII века. М., 1978.

ПЛДР. XII в. — Памятники литературы Древней Руси : XII век. М., 1980.

ПЛДР. XIII в. — Памятники литературы Древней Руси : XIII век. М., 1981.

ПЛДР. XIV—XV вв. — Памятники литературы Древней Руси : XIV—середина XV века. М., 1981.

ПЛДР. XV в. — Памятники литературы Древней Руси : Вторая половина XV века. М., 1982.

ПЛДР. XV—XVI вв. — Памятники литературы Древней Руси : Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984.

ПЛДР. XVI в. — Памятники литературы Древней Руси : Середина XVI века. М., 1985.

ПЛДР. Втор. пол. XVI в. — Памятники литературы Древней Руси : Вторая половина XVI века. М., 1986.

ПЛДР. XVI—XVII вв. — Памятники литературы Древней Руси : Конец XVI—начало XVII века. М., 1987.

ПЛДР. XVII в. — Памятники литературы Древней Руси : XVII век. Книга первая. М., 1988.

Повести Древней Руси — Повести Древней Руси XI—XIV веков. Л., 1983.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Примечания

1

О древнейшей истории восточнославянских племен см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.: Киевская Русь и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

2

Повесть временных лет издавалась неоднократно. Лучшее издание: Повесть временных лет.

М.; Л., 1950. Ч. 1—2. См. также: ПЛДР. XI—XII вв. С. 22—277; в сокращении текст ПВЛ издан в кн.: Изборник. С. 28—91; Повести Древней Руси. С. 24—227.

3

См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 24—26.

4

См.: Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23—34; Ловмянский Х. Русь и норманны / Перевод с польского. М., 1985.

5

Рассказы о гибели Игоря и мести Ольги см.: ПЛДР. XI—XII вв. С. 68—75.

6

См.: Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 49—57.

7

См.: Плетнева С. А. Хазары. М., 1975. С. 69—70.

8

В ПВЛ события описываются в иной последовательности: битва под Аркадиополем спутана с битвой под Доростолом. См. также: Лев Диакон. История. М., 1988. С. 73—74, 77—81.

9

Принята версия О. М. Рапова (см.: Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 105—107). ПВЛ (с.75—81) относит крещение Руси к 988 г., тогда как, по Рапову, в этом году крестился только сам Владимир, да и то тайно.

10

См.: Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР. XI—XII вв. С. 279—303.

11

Научную публикацию текста см.: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. Фрагменты текста с переводом см.: Красноречие Древней Руси (XI—XVII вв.) / Сост. Т. В. Черторицкая. М., 1987. С. 42—57.

12

О династических связях русских князей см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

13

Об этом см.: Введение христианства на Руси. С. 138—161.

14

ПВЛ под 1037 г. (перевод Д. С. Лихачева).

15

См.: Рыбаков Б. Л. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 469—564.

16

См.: Плетнева С. А. 1) Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 260—300; 2) Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 249—281.

17

Интересные соображения о событиях этих лет см.: Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI в. // ВИ. 1985. № 11. С. 19—35.

18

О древнейших русских книгах см.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси. М., 1977.

19

См.: ПЛДР. XI—XII вв. С. 400.

20

ПВЛ. С. 333 (перевод Д. С. Лихачева).

21

Там же. С. 148.

22

ПЛДР. XI—XII вв. С. 413 (перевод Д. С. Лихачева).

23

ПВЛ. С. 170 (в переводе).

24

Там же. С. 174 (в переводе)

25

См.: Пащучо В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 125—127.

26

ПВЛ. С. 196 (в переводе).

27

Ипатьевская летопись / ПСРЛ. М., 1962. Т.2. С. 289 (в переводе).

28

ПЛДР. XIII в. С. 129—130.

29

Издавалось многократно. См.: ПВЛ. С. 153—167; Изборник. С. 146—171; За землю Русскую! С. 86—97; ПЛДР. XI—XII вв. С. 392—413.

30

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 305 (в переводе).

31

МПС. С.38.

32

Ипатьевская летопись. С. 370 (в переводе).

33

Там же. С. 430—431 (в переводе).

34

Там же. С. 438—439 (в переводе).

35

Там же. С. 452 (в переводе).

36

Там же. С. 462—463 (в переводе).

37

Там же. С. 465 (в переводе).

38

Там же. С. 468 (в переводе).

39

Там же. С. 469 (в переводе).

40

Там же. С. 478 (в переводе).

41

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 23—24.

42

Тверской сборник // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. вып. 1. С. 225.

43

О Юрии Долгоруком см.: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 21—37, 41—43.

44

Так, венгерский король Геза II был женат на сестре Изяслава Мстиславича, их сын Иштван стал в 1162 г. королем. Дочь Всеволода Ольговича была замужем за силезским князем Болеславом Высоким; сын Изяслава Мстислав был женат на Агнессе, дочери польского короля Болеслава III, а на его сестре Евдокии Изяславне был женат польский король Мешко III, и т.д.

45

Ипатьевская летопись. С. 545 (в переводе).

46

Там же. С. 569 (в переводе).

47

Там же. С. 570 (в переводе).

48

См.: Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л., 1965. С. 268.

49

Летописный рассказ об убийстве Андрея Боголюбского см.: ПЛДР. XII в. С. 324—337; Повести Древней Руси. С. 328—343.

50

Не потому ли сын Андрея после гибели отца уехал на Кавказ, где впоследствии женился на грузинской царице Тамаре? См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 217 (раздел написан А. П. Новосельцевым).

51

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 80—98.

52

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 37—39.

53

ПлДР. XII в. С. 357.

54

Там же. С. 347.

55

Летописный рассказ о событиях 80-х гг. см.: ПлДР. XII в. С. 345—371; Повести Древней Руси. С. 354—375. Анализ их см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 151—169, 202—217.

56

Из обширной литературы вопроса укажем: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 218—282; Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы («Слово о полку Игореве»). Харьков, 1982.

57

ПлДР. XII в. С. 381 (в переводе).

58

Н. Ф. Котляр (Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 98—100, 111—112, 116—117) отмечает, что утверждение «Слова» о том, будто Ярослав «суды рядил до Дуная», не имеет основания: границы владений Ярослава не достигали Дуная.

59

О Святославе см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 102—117, 148—157 и др.

60

Ипатьевская летопись. С. 681—682.

61

Там же. С. 701 (в переводе).

62

Там же. С. 703—704 (в переводе).

63

Сведения о русских князьях этого времени см.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977.

64

См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

65

МЛС. С. 160 (в переводе).

66

См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 165—166, 221.

67

Галицко-Волынская летопись // ПЛДР. XIII в. С. 237 (в переводе).

68

См.: Повесть о битве на Липице // ПЛДР. XIII в. С. 114—127 и 540.

69

ПЛДР. XIII в. С. 132 (в переводе).

70

См.: Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб.ст. М., 1980. С. 176—178; Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977. С. 378—379, 402.

71

О битве на Калке см.: ПЛДР. XIII в. С. 132—135, 152—161; За землю Русскую! С. 130—137.

72

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т.1. С. 447—448.

73

ПЛДР. XIII в. С. 276 (в переводе).

74

Цит. по: Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1968. С. 22.

75

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968. С. 75.

76

Падению Рязани посвящена «Повесть о разорении Рязани Батыем». См.: Изборник. С. 344—361; За землю Русскую! С. 158—181; Воинские повести. С. 95—115; ПЛДР. XIII в. С. 184—199.

77

События происходили зимой. Быстрота передвижения татар объясняется тем, что конница двигалась по руслам замерзших рек. См.: Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 91—93.

78

ПЛДР. XIII в. С. 144 (в переводе).

79

Летописный рассказ о монголо-татарском нашествии издан: За землю Русскую! С. 140—157, 188—193; Воинские повести. С. 45—95; ПЛДР. XIII в. С. 135—148, 161—175.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 171—178.

Упомянутые в Житии Александра Невского герои Невской битвы, видимо, реальные лица: Гаврило Олексич — это, возможно, сын Олексы, упоминаемого в Новгородской первой летописи под 1215 г.; там же упомянут Сбыслав Якунович. Миша, по предположению А. В. Арциховского, принадлежал к семье будущих посадников Мишиничей-Онцыфоровичей, а по мнению В. Л. Янина, — к боярству Прусской улицы (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 155). «Таким образом, — пишет И. П. Шаскольский, — все трое были не просто дружинниками — а виднейшими представителями правящего класса Новгорода» (Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 184).

О взятии Киева Батыем см. в Галицко-Волынской летописи: ПЛДР. XIII в. С. 295—297.

О Ледовом побоище см.: Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966; Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975 («Жизнь замечательных людей»).

См.: Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // ПЛДР. XIII в. С. 228—235.

МЛС. С. 139 (в переводе).

86

См.: Кучкин А.В. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 117—119.

87

См.: Новгородская первая летопись. С. 82.

88

Там же. С. 82. Дети боярские — вассалы бояр и князей.

89

МЛС. С. 144 (в переводе).

90

Житие Александра Невского (или «Повесть о Житии...») см.: Изборник. С. 328—343; За землю Русскую! С. 198—219; Воинские повести. С. 120—135; ПЛДР. XIII в. С. 426—439.

91

Пашуто В. Т. Александр Невский. С. 153. См. также: Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII—XV веках. 2-е изд. М., 1988. С. 86—87. Исследователи отклоняют допущение, что Александр мог спровоцировать поход Невруя.

92

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 287.

93

Новгородская первая летопись. С. 88.

94

МЛС. С. 153 (в переводе).

95

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968. С. 171.

96

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 137—138.

97

МЛС. С. 161 (в переводе).

98

МЛС. С. 164—166 (в переводе).

99

Там же. С. 166 (в переводе).

100

Текст повести о Шевкале (Чол-хане) см.: За землю Русскую! С. 234—239; ПЛДР. XIV—XV вв. С. 62—65.

101

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 513.

102

Подробнее см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 142—164.

103

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 554.

104

МЛС. С. 182 (в переводе).

105

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 19.

106

МЛС. С. 184.

107

Там же. С. 184 (в переводе).

108

Там же. С. 186 (в переводе).

109

Там же. С. 187 (в переводе).

110

Там же. С. 188 (в переводе).

111

Летописный рассказ о битве на р. Пьяне см.: За землю Русскую! С. 248—253; Военские повести. С. 150—154; ПЛДР. XIV—XV вв. С. 88—91. Сомнения в том, что поход возглавлял Араб-шах (Арапша), высказал В. Л. Егоров (см.: Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980. С. 209).

112

См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 58—65, 97—105.

113

Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. С. 187.

114

Летописный рассказ о битве на Воже см.: За землю Русскую! С. 254—259; Воинские повести. С. 155—158; ПЛДР. XIV—XV вв. С. 92—95.

115

О ходе сражения см.: Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980 (или его статью в кн.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 291—305).

116

Повести о Куликовской битве см. в изданиях: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982 («Литературные памятники»); Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980. «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» непременно включаются в состав сборников древнерусских повестей. См. также сборник: Куликовская битва. М., 1980.

117

Текст Сказания о нашествии Тохтамыша цит. по: ПЛДР. XIV—XV вв. С. 190—207 (перевод М. А. Салминой). Тот же текст см.: За землю Русскую! С. 358—377; Воинские повести. С. 270—279.

118

Пашуто В. Т. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 266.

119

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV—XV вв. С. 209, 211, 215, 223 (перевод М.А. Салминой).

120

См.: Житие Сергия Радонежского // ПЛДР. XIV—XV вв. С. 256—429.

121

Текст древнерусской повести о Темир-Аксаке (так на Руси называли Тимура) см.: ПЛДР. XIV—XV вв. С. 230—243.

122

МЛС. С. 229—230 (в переводе).

123

Там же. С. 232 (в переводе).

124

О сложных взаимоотношениях великокняжеской власти и церкви в этот период см.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

125

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 392.

126

МЛС. С. 238—239 (в переводе). Другая редакция Повести о нашествии Едигея издана: За землю Русскую! С. 396—413; ПЛДР. XIV—XV вв. С. 244—255.

127

Текст в переводе. Сходный текст см., например: Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 210.

128

МПС. С. 240.

129

О Грюнвальдской битве см.: Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. М., 1988. С. 231—239; Флоря Б. Н. Грюнвальдская битва // ВИ. 1985. № 7.

130

МПС. С. 243 (в переводе).

131

Там же. С. 244.

132

Там же.

133

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. С. 248.

134

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М.,

1950. С. 744.

135

МЛС. С. 246 (в переводе).

136

Там же. С. 247 (в переводе).

137

Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 11). С. 114—115.

138

МЛС. С. 249 (в переводе).

139

Там же. С. 250.

140

Летописный рассказ о кульминационном событии феодальной войны — об ослеплении Василия II — издан: ПЛДР. XIV—XV вв. С. 504—521. Анализ событий см. также: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 743—772 и 787—808; Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. С. 256—269.

141

Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г. издана в кн.: ПЛДР. XV в. С. 216—267.

142

Львовская летопись. Ч. 1 // ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. СПб., 1910. С. 264.

143

ПЛДР. XV в. С. 293 (перевод Н. В. Поньрко). Здесь издан полный текст «Слова похвального» (с. 268—333).

144

ПЛДР. XV в. С. 379 (перевод В. В. Колесова).

145

Московская и новгородская версии рассказа о походе Ивана III на Новгород изданы: ПЛДР. XV в. С. 376—409.

146

МЛС. С. 318 (в переводе).

147

Послание на Угру Вассиана Рыло // ПЛДР. XV в. С. 525, 529, 531 (перевод Н. В. Поньрко).

148

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 116. См. также: Каргалов

В. В. Конец Ордынского ига. М., 1980; Назаров В. Д. Конец Ордынского ига // ВИ. 1980. № 10; Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Русская литература. 1983. № 2.

149

Текст ярлыка см.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1952. С. 164—165.

150

Новгородская четвертая летопись. Вып. 2 // ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Л., 1925. С. 530—531.

151

Уваровская летопись // ПСРЛ. Т. 28. М., 1963. С. 336.

152

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 401.

153

Уваровская летопись. С. 337. См. также: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 212—232; Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988; «Слово об осуждении еретиков» Иосифа Волоцкого // ПЛДР. XV—XVI вв. С. 324—349; Ответ Кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков // Там же. С. 358—363.

154

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 127—128.

155

Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 243.

156

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 63.

157

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 102.

158

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 87.

159

Повесть о Псковском взятии // ПЛДР. XV—XVI вв. С. 373 (перевод В. И. Охотниковой).

160

Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 194 (в переводе).

161

Там же. С. 195 (в переводе).

162

Фрагменты из его сочинения см.: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1986. С. 31—150. Полный текст см.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

163

Новгородская четвертая летопись. Вып. 3 // ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Л., 1929. С. 613.

164

Там же. С. 554.

165

О составе опекунского совета см.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 225—226. Исследователь полагал, что управление могла осуществлять Боярская дума, в которую входили М. Л. Глинский, Д. Ф. Бельский, И. В. и В. В. Шуйские, М. В. и Б. И. Горбатые, М. С. Воронцов, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин, А. А. Хохолков-Ростовский, В. Г. и И. Г. Морозовы. См. также: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 8—11. Повесть о болезни и смерти Василия III см.: ПЛДР. XVI в. С. 18—47.

166

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 419.

167

О дворцовых интригах этого времени см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М., 1958. С. 19—120; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 5—21.

168

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1981 («Литературные памятники»). С. 137—138.

169

Там же. С. 185.

170

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 141 (примеч.).

171

Там же. С. 145.

172

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 237 (примеч.).

173

Там же. С. 152.

174

Там же. С. 456 (в переводе).

175

О Московском восстании 1547 г. см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского

государства 30—50-х годов XVI века. М., 1958. С. 121—136; Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 75—108; Буганов В. И. Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV—XVIII вв. М., 1988. С. 33-41.

176

О деятелях «избранной рады» см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 194—263. См. также статьи об Адашеве, Висковатом, Макарии и Сильвестре в кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1988—1989. Ч. 1—2.

177

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 506.

178

Там же. С. 518. Об истории Казанского ханства и взятии Казани рассказывается в древнерусской повести «Казанская история». Ее текст см.: ПЛДР. XVI в. С. 300—565.

179

О датировке приписок см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 252—265.

180

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 526. По предположению А. А. Зимина, не хотели присягать Дмитрию П. Щенятев, И. И. Пронский, С. Лобанов-Ростовский, И. М. Шуйский и др. См.: Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 410—414. См. также: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 48—51. Рассказ о событиях 1553 г. содержится в Царственной книге. См.: Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 522—526.

181

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 142.

182

Там же. С. 131.

183

Анализ дипломатических акций и военных действий в Ливонии см.: Королук В. Д. Ливонская война. М., 1954; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 65—68, 70—72.

184

О побеге Курбского см.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 88—100. Переписка Ивана Грозного с Курбским издана отдельной книгой (см. примеч. 10), а также содержится в кн.: ПЛДР. Вторая половина XVI в. (публ. в сокращении).

185

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

186

Там же. С. 393.

187

Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 106.

188

Литература об опричнине огромна. Например, см.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. Л., 1966; 2) Опричный террор. Л., 1969. Представляет интерес статья: Кобрин Б. В. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.

189

Курбский Андрей. История о великом князе московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 327 (перевод А. А. Алексеева).

190

Свидетельство опричников И. Таубе и Э. Крузе см.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 149.

191

Там же. С. 253.

192

Там же. С. 282; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 141.

193

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 105, 292.

194

Там же. С. 304. Текст повести о походе Ивана IV на Новгород см.: Изборник. С. 477—483.

195

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пгр., 1922. Кн. 8. С. 51.

196

Курбский Андрей. История о великом князе московском. С. 353. По другим сведениям, Алексей и Федор Басмановы умерли в ссылке на Белом озере (Кобрин Б. В. Состав опричного двора. С. 59).

197

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 190.

198

Там же. С. 191.

199

Там же. С. 195.

200

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 38.

201

Горсей Джером. Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 163.

202

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 421 (перевод В. И. Охотниковой).

203

Там же. С. 439.

204

Там же. С. 467.

205

Там же.

206

См.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 93. На известной картине И. Е. Репина «Иван Грозный убивает своего сына» царь выглядит полубезумным стариком. В действительности же царю было тогда всего 51 год.

207

См.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 98.

208

Горсей Джером. Сокращенный рассказ. С. 186—187.

209

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 122.

210

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 63—64.

211

Из Хронографа 1617 года // ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 325 (в переводе).

212

Там же. С. 77.

213

Анализ всех обстоятельств гибели Дмитрия см.: Там же. С. 67—84.

214

См.: Из «Временника» Ивана Тимофеева // ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 283—289.

215

В Хронографе 1617 г. говорится: «...многие ели тогда псину и мертвечину и иную мерзость, о которой и писать нельзя. А ржи четверть покупали тогда за три рубли и более» (Из Хронографа 1617 года. С. 327).

216

Подробнее об Отрепьеве см.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. С. 155—175.

217

События «Смутного времени» подробно описаны в сочинениях современников. С некоторыми из них можно познакомиться в кн.: ПЛДР. XVI—XVII вв. Из научной литературы последнего времени укажу на книги Р. Г. Скрынникова «Россия в начале XVII в.: Смута» (М., 1988), «Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников» (Л., 1988), «Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени» (М., 1981). В изложении событий повстанческого движения под руководством И. И. Болотникова я следую интерпретации, предложенной Р. Г. Скрынниковым в его книге «Смута в России в начале XVII в.».

218

Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. С. 193—203.

219

Осада длилась с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. См.: Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 162—281.

220

Очерки истории СССР: Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 544.

221

См.: Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского // ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 58—73.

222

Этот малоизвестный эпизод войны исследован в кн.: Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

223

ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 351 (в переводе).

224

Очерки истории СССР. С. 558.

225

Коваленко Г. М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 года // ВИ. 1988. № 11.

226

ПЛДР. XVI—XVII вв. С. 353—355 (в переводе).

227

См.: Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М., 1986.

228

Существует цикл повестей о взятии Азова казаками и об их «осадном сидении» в 1641 г. Повести эти см.: Военские повести Древней Руси. М.; Л., 1949; Русская повесть XVII в. М., 1954; Военские повести; ПЛДР. XVII в.

229

Аввакум был крупнейшим писателем и богословом. Он описал свою многотрудную жизнь в Житии, многократно издававшемся (см., например: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960; Изборник. С. 626—674 (фрагменты); Житие

протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979).
Некоторые из его сочинений и писем см. также: ПЛДР. XVII в. С. 523—586.

230

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976. С. 68.

231

См.: Повесть об осаде Соловецкого монастыря // ПЛДР. XVII в. С. 155—191.

232

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 81.

233

См. некоторые его сочинения в кн.: ПЛДР. XVII в. С. 499—513.